



КОЛОТНИЙ

ГЕОРГ АВГУСТОВСКИЙ

Георг Августовский Колотий. Том II

<https://litres.ru/73979241>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы не можем изменить своего прошлого. Это навсегда будет частью нашего существа, хотим мы того или нет. Но будущее - собственный выбор каждого человека. Или битвина.

Каждый пруд в параллельном мире - трагическое воспоминание из прошлого. Сумев пройти первую психологическую травму Амана Фейрстоуна, команда битвинов, состоящая из Евы (девочки, умеющей открывать порталы), Патриции (битвина-птицы), Рика (мутанта-игуаны) и Элен (малышки-летучей мыши), понимает, что им необходимо уничтожить созданный генетиком мир. И помочь им в этом должен профессор Альберт Колотий, без вести пропавший семнадцать лет назад. Но получится ли у них преодолеть испытания, которые не смог пережить даже владелец воспоминаний?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Профессор	9
Глава 2. Старик	21
Глава 3. Разрушение	34
Глава 4. Сторона	46
Глава 5. Эксперимент	60
Глава 6. Внучка	73
Глава 7. Виды	87
Глава 8. Герти	100
Глава 9. Чтение	113
Глава 10. Скрещивание	126
Глава 11. Под водой	140
Глава 12. Транквилиз	154
Глава 13. Таблетка	167
Глава 14. Манёвры	180
Глава 15. Сети	193
Глава 16. Волны	206
Глава 17. Семнадцатое декабря	218
Глава 18. Аффектус	232
Глава 20. Дочь	247
Конец ознакомительного фрагмента.	262

Георг Августовский Колотий. Том II

Пролог

Чем дольше он сидел в комнате, тем туже затягивался узел глубоко в его душе. Мальчик прижал худощавые ноги к себе, положив на покрытые гематомами и ссадинами колени свой подбородок. Он уставился на сгруженное в ногах одеяло и медленно заморгал, пытаясь сдержать свои слёзы за прикрытыми веками. Его пальцы судорожно постукивали по прохладным икрам, периодически почёсывая заживающие порезы. Он сжался сильнее, становясь больше похожим на крошечного беззащитного ежа, а не на девятилетнего мальчика.

Шаркающие шаги заставили его резко вскочить с кровати, готовясь к очередному наказанию за любую провинность. Бабушка отворила дверь так же медленно, как делала это в последние дни чаще обычного. В её руках уже был ремень от старого рабочего костюма, который обычно носили слесари и механики. Сжав его в руке до такого состояния, что её артритные опухшие суставы стали насыщенного белого цвета, она уставилась на Амана и поцокала. Переступая с одной опухшей ноги на другую, старуха приблизилась к мальчику и наклонила голову, пытаясь разглядеть его глаза.

— Боишься, ублюдок? — она улыбнулась своими гнилыми зубами и хихикнула. — Правильно делаешь. Поверь мне, я от тебя живого места не оставлю, если ты ещё раз попытаешься кому-то пожаловаться. Ты меня услышал?

Мальчик сглотнул скопившуюся под языком слюну и опустил голову ещё сильнее. Старуха оскалилась, сжав предмет из искусственной кожи в руке ещё крепче. Она протянула кулак к лицу Амана и подцепила сложенным пополам ремнём его подбородок, резко подняв лицо внука на себя и заставив ребёнка посмотреть в её глаза.

— Ты. Меня. Услышал? — процедила женщина, смакуя каждое слово. Аман смог лишь кивнуть. Она медленно отпустила его подбородок и направилась к выходу из комнаты. Остановившись в дверном проёме, старуха бросила на мальчика последний взгляд и с силой захлопнула дверь.

Сколько он простоял? Аман давно уже не следил за временем. Ему казалось, что это абсолютно бессмысленно. Когда дело касалось ужаса и страха, время резко останавливалось. А с бабушкой его часы даже не возобновляли свой ход. Он вытер из ниоткуда появившуюся слезу и повернулся к кровати. Мальчик вновь устался на сгруженное покрывало. Его зрачки долго смотрели на ткань, когда он с рыком бросился вперед и начал судорожно заправлять кровать. Его руки быстро натянули одеяло на матрас, и Аман заправил кончики покрывала между тканью и железным основанием раскладушки. Он тщательно расправлял материал, постоянно на-

тыкаясь на складки и раздражающие его пятна.

Сделав шаг назад, он критически посмотрел на раскладушку. Нет, недостаточно идеально. НЕДОСТАТОЧНО! Схватил табурет из-под стола, Аман перевернул его и прижал сиденье к одеяло. Он двигал табурет вперёд-назад, пока не стал полностью уверен в том, что покрывало создало идеальные углы в девяносто градусов, а края подушки поднимались над матрасом на одинаковую высоту. Медленно он задвинул табуретку под стол ровно посередине. Выпрямившись, Аман уставился на желтую тусклую лампу на углу столешницы. Он протянул руки и быстро поправил основание, чтобы луч света падал на середину. Ещё немного... Вот так идеально. Он ходил по комнате, не желая садиться на идеально заправленную кровать. Даже на стоящей под столом табурет.

Мальчик без конца теребил свои волосы, пытаясь успокоиться. До него четко доносились шаркающие шаги бабушки на первом этаже. Она прошла на кухню, открыла правый верхний шкафчик. Закрыла. Развернулась и пошла в сторону своей комнаты. Нет, прошла дальше. В ванную? Да, в ванную. Вот теперь точно в комнату. Он выдохнул, когда она закрыла дверь. Мальчик бесшумно прошел к двери в свою комнату и медленно распахнул её. Свет везде выключен. Значит, бабушка легла спать. Тихо спустившись на первый этаж, он повернул задвижку на входной двери. Щелчок показался ему слишком громким для ночного пространства,

и он сощурился, прислушиваясь к шагам. Тишина. Схватив свою куртку, мальчик выскочил из дома, прикрыв за собой дверь.

Ночной воздух приносил ему спокойствие и умиротворение. Он шел в сторону огромных гектаров пашенных земель на краю города, которое находилось недалеко от улицы, на которой находился бабушкин дом. Масштабные территории полей уже давно были заброшены, превратившись из гигантских плодородных угодий в заросшие сорняками бескрайние просторы. Где-то вдалеке виднелись верхушки елей и сосен, между которыми мерцали белые и желтые звёзды.

Ночное небо было усеяно миллионами светил. Созвездия привлекали к себе карие глаза мальчика, когда он искал знаковые фигуры на небосводе. Аман сидел на траве, подложив под свои бедра старую куртку. Его шея затекла от одного и того же положения. Почти час он смотрел вверх, пристально наблюдая за луной, словно она могла исчезнуть в одно мгновение. Он погружал кончики пальцев в прохладную землю по обеим сторонам от себя, наслаждаясь иллюзией свободы и спокойствия. Под его руками образовались рытвины, и он, наконец, оторвал глаза от спутника, обратив внимание на самодельные норки.

Достав из кармана платок, он вытер пальцы и поправил свои волосы. Они сильно отросли и челка лезла в глаза, мешая ему наслаждаться звездным небом. Он медленно под-

нялся на ноги и направился в сторону окраины города, чтобы успеть поспать хотя бы несколько часов. Тень мальчика падала впереди него, и он внимательно смотрел на свой силуэт. Даже в ночи свет находил способ заявить о себе. Солнца не было на горизонте уже несколько часов, но присутствие светила всё-равно было осязаемым через отражение на луне. Аман вновь поднял глаза на небо, сделав глубокий вдох.

Внимание мальчика привлекло движение справа от него. Огромный ястреб выскочил из высокой травы, крепко держа в лапах мышонка. Животное пищало и пыталось вывернуться из когтей хищника, но разве оно могло? Птица вскрикнула, заставив Амана прищуриться, и быстро замахала крыльями. Одним движением головы ястреб пронзил своим массивным клювом нежную шею мышонка, полностью обездвижив его. Амону казалось, что он продолжал слышать писк беззащитной жертвы. Но на самом деле это было лишь смакование ястреба. Медленно мальчик сделал шаг в сторону хищника. Птица подняла свои тёмные глаза и посмотрела прямо на незванного гостя. Быстрым рывком ястреб подцепил тушку клювом и одним мощным взмахом крыльев оторвал себя от земли.

Мальчик с восторгом смотрел на удаляющуюся фигуру хищника. Ему хотелось того же. Хотелось взмахнуть крыльями и улететь. Навсегда. Но у людей не бывает крыльев. Он знал об этом.

Глава 1. Профессор

Теплое сентябрьское солнце заполняло кабинет профессора мягким светом. Солнечные зайчики игриво прыгали по бежевым стенам, отражаясь от банок с забальзамированными жабами и змеями. Каждая книга на полке напротив учительского стола соответствовала размеру предыдущей. Грамоты и кубки скромно соседствовали с литературой, прикрытые фотографиями выпускников и других преподавателей. Кабинет тихо наполняло спокойное гудение лампы над третьей партой, пока в воздухе витал запад чернил.

Альберт сидел за столом возле широкой черной доски. Он старательно выводил свои инициалы на документах, подтверждающих его педагогическую нагрузку в этом году. Так много молодых студентов, и столько работы ему нужно приложить, чтобы сформировать умы нового поколения. Он читал имена учеников в новых потоках и аккуратно листал классный журнал. Заметив мелкие ошибки в его должности, он взял черную ручку и аккуратно исправил «кандидат» на «доктор», потягивая свой правый ус большим и указательными пальцами.

Кинув взгляд на фотографию в деревянной резной рамке, аккуратно установленной на углу его стола, Альберт с нежностью улыбнулся милостивому лицу рыжеволосой девочки. Кудряшки Герти прикрывали ей левый глаз, пока Нина пыта-

лась заплести дочери косу. Альберт провел пальцем по стеклу в том месте, где было лицо девочки и тонкие пальцы жены и вновь направил свой взгляд на документы перед собой.

Когда тучи резко заволокли небо и заставили его прищуриться, мужчина поднял глаза и взглянул в открытое окно. Солнце, играющее на стеклах своими лучами всего несколько мгновений назад, казалось, полностью исчезло с небосвода. Он выпрямился на стуле и поправил свой галстук, сильнее затянув его под воротником. Поднявшись на ноги, Альберт быстро прошел к открытой форточке и нажал на неё, услышав знакомый щелчок.

Мелкая изморось попадала на стекло в его кабинете и быстро превращалась в бегущие вниз капли. Альберт внимательно следил за одной из них, надеясь, что именно она прибудет к нижней части рамы первой. Неудача. Он на несколько секунд прикрыл глаза и выдохнул. «Герти расстроится. Придется снова перенести прогулку в парке. Обещали солнце, а получилось как всегда...» — промелькнула мысль в голове мужчины, когда он закрывал второе окно.

Взяв подписанные документы со стола, профессор Колотий быстро прошел в сторону учебной части. Он ещё раз просмотрел бумаги и, кивнув сам себе, открыл дверь кабинета. Молодая девушка секретарь с бейджиком, где неаккуратными черными буквами было написано имя, вежливо поприветствовала преподавателя и взяла документы из его рук. «Новенькая», — подумал он и кивнул ей в ответ.

— В этом году большой поток. Даже платные места все выкуплены, представляете? Как-будто подростки сговорились оккупировать именно наш университет, — она проверила подписи и поставила печати.

Альберт ждал, когда секретарь выдаст ему листок с фамилиями и именами первокурсников. Он поправил пиджак и перенес вес на одну ногу. Но девушка лишь продолжала удивляться большому количеству прибывших учеников так, словно Альберт мило вел с ней беседу. Мужчина откашлялся и вежливо улыбнулся:

— Послушайте... — он посмотрел на бейджик, — Марта, не могли бы вы распечатать листок со списком студентов? До первого в этом году занятия всего десять минут.

Она вздрогнула, поняв, что совершила ошибку, и быстро начала нажимать на принтер:

— Да. Да! — мельтешила она. — Простите, профессор Колотий. Я...я заговорила.

Забрав листок с тридцатью именами и фамилиями, Альберт быстро вышел из учебной части и направился к вахте на первом этаже, чтобы взять ключ от кабинета. Направляясь по коридору, профессор вслушивался в равномерные удары своих каблучков по голубому кафелю, пока его мысли блуждали где-то далеко от университета. Он вновь выглянул в окно. Изморось уже переросла в полноценный ливень. Тучи были такими темными, что казалось, будто сейчас было не восемь утра, а поздний вечер. Он сглотнул, чувствуя,

что его горло начало саднить. Неужели заболел? В первый же день? Он покачал головой и ускорил шаг.

Пухлый пожилой охранник сидел за столом возле выхода из университета. Он ковырялся пальцем в зубах и, с трудом положив ногу на ногу, разгадывал кроссворд. Альберт подошел к нему и откашлялся:

— Доброе утро, сэр. Мне нужен ключ от четыреста восьмого кабинета.

Охранник кивнул и быстро скрылся в небольшой камерке. Звон ключей застав Альберта заглянуть внутрь. Охранник быстро перебирал номерки и, найдя нужный, протянул его профессору. Мужчина кивнул и быстро взял ключ.

Каждый этаж встречал Альберта темными коридорами. Было так пасмурно, что даже лампы не справлялись со своей задачей. Он быстро продвигался в сторону аудитории и вздрогнул, когда лампа над ним отключилась.

— Вот же... — мысленно он сделал в голове пометку сказать об этой ситуации заведующему хозяйственной частью.

Идя почти в полной темноте, он всматривался в освещенную часть коридора впереди. До его ушей начали доноситься звуки смеха и громких разговоров молодых студентов. Одна из девушек выскочила из-за угла и врезалась в его грудь. Вскинув голову вверх, улыбка с её лица пропала и она выпрямилась, сделав шаг назад.

— Профессор? Простите... — смущенно опустив голову она вернулась в компанию, стоявшую возле нужного ему ка-

бинета.

Альбер кивнул и быстро прошел сквозь толпу к двери. Студенты послушно расступились, обращая для него коридор между своими небольшими группками. Он не всматривался в их лица. Ещё успеет узнать каждого на первом экзамене.

Повернув ключ, Альберт открыл дверь и пропустил студентов внутрь:

— Сначала занимайте места ближе к моему столу. Затем дальние парты.

Студенты послушно сели напротив учительского места. Он выдохнул и вошел в кабинет последним. Закрыв дверь с тихим щелчком, Альберт прошел к своему столу и взял мел. Горло першило ещё сильнее. А впереди целых три лекции.

Взглянув на студентов, внимательнее всего он присмотрелся к подросткам слева от себя. Вспомнив о том, что слепая зона преподавателя - дальний правый угол, он бросил одинокий взгляд и туда тоже. Перед ним заняли места на всех трёх первых партах. И он сразу отметил в голове, что в этом году группа по большей части состоит из девушек.

— Я приветствую вас, молодые биологи, на первой вашей лекции в этом учебном году. Меня зовут профессор Колотий, Альберт Колотий, — он повернулся к доске и быстро вывел красивыми витиеватыми буквами своё имя. — Я буду вести у вас все предметы, которые связаны с генетикой. А их у вас будет очень много, — он улыбнулся и начал за-

гибать пальцы. — Генетические принципы селекции животных, растений и микроорганизмов; генетическая паспортизация и ДНК-идентификация; общая, молекулярная и эволюционная генетика и геномика человека, животных, растений и микроорганизмов... Думаю, вы понимаете, о чем я говорю?

Девушки на первых партах быстро закивали, и к ним присоединились остальные. Студенты слушали его, проглатывая каждое слово профессора. Его речь была четкой и неторопливой, отточенной за многолетний педагогический опыт. Он активно жестикулировал и медленно ходил из стороны в сторону, тем самым заставляя студентов фокусировать взгляд на нём. Закончив перечислять предметы, он вновь повернулся к студентам и от его тёплой улыбки на внешних уголках глаз появились глубокие морщинки.

— Обычно на первой лекции преподаватели сразу погружают студентов в тему. Но мне бы хотелось сперва настроить вас на совместную работу и сотрудничество. Я хочу поговорить с вами о ваших...представлениях, — он сделал паузу, давая подросткам обдумать его слова. Они переглядывались друг с другом, поднимая брови и выпячивая губы вперёд. — Думаю, мне стоит объяснить.

Он прислонился бёдрами к учительскому столу и положил ладони на край стола по обеим сторонам от себя. Альберт чувствовал, что в его груди нарастает тревога. И это казалось ему странным и необычным. Он выступал перед огромным

количеством уважаемых ученых и врачей, и сейчас нервничает, стоя перед семнадцати и восемнадцатилетними девушками и парнями. Он потёр усы и слегка прочистил горло.

— Кто-нибудь из вас может объяснить мне, почему вы выбрали именно генетику? — прямо спросил он.

Девушки на первых партах переглянулись и опустили головы. Одна из них слегка подняла руку:

— Возможно, потому что это очень востребовано. Много где требуются генетики, — неуверенно говорила она.

Альберт кивнул и слегка сузил глаза:

— Получается, вы выбрали это направление для того, чтобы потом получать высокую зарплату?

Девушка покраснела, осознав, как звучали её слова.

— Ну, возможно не только из-за этого.

— Генетика сложная, — проговорил парень с тёмными волосами, откинувшийся на спинку стула. — Будет здорово, если у нас окажутся дипломы по этой специальности.

— По какой? — уточнил Альберт.

Парень вскинул брови:

— Эм, по генетике, — неуверенно ответил он и слегка выпрямился.

— Ваша специальность называется не так, — спокойно отрезал Альберт, и темноволосый юноша покраснел.

Профессор покачал головой. "Их много, работы предстоит предостаточно", — подумал Альберт и скрестил щиколотки, перенеся вес тела на одну ногу.

— Ваше предположения могут существовать. Я не буду отрицать того, что большая часть хочет изучать генетику ради достатка и признания, — он взглянул на парня. — Или потому что она сложная. И тем не менее, если вы хотите не просто изучить её, а *понять*, то такая мотивация не работает.

Он взял лист с именами, полученный полчаса назад в учебной части. Держа его в правой руке, он просунул левую руку под полу пиджака и достал из внутреннего кармана чёрную гелиевую ручку.

— Я буду учить вас всему, что знаю сам. Но при условии, что вы полностью отдадите себя моим предметам. Мне не нужны студенты, которые не видят смысла в изучении того, что лежит в основе всего, — он посмотрел на лица подростков. — Прямо сейчас встаньте и уйдите те, кто не собирается этого делать. Я поставлю вам удовлетворительно в ваших зачетках, когда вы сдадите мне лабораторные работы. Но тратить время на погружение вас в эту науку я не буду.

Студенты выдохнули. Альберт заметил, что некоторые из парней оскалились и скорчили недоверчивые гримасы. Он слегка улыбнулся и кивнул в сторону выхода:

— Смелее. Никаких проблем с учебной частью и кафедрой у вас не будет. Тем более заведующий кафедрой — я.

После его фразы девушка, сидевшая за четвёртой партой, поднялась и медленно прошла к выходу, словно проверяла почву его предложения. Она была ярко накрашена, а джин-

сы с низкой посадкой едва ли не оголяли нижнее бельё. Она шла вдоль стенки, не сводя глаз с Альберта. И он делал то же самое. Она аккуратно положила ладонь на ручку и нажала на неё. Когда дверь в аудиторию приоткрылась, девушка похлопала ресницами и вновь посмотрела на профессора:

— Можно идти? — ещё раз уточнила она.

Альберт снял колпачок с ручки и кивнул:

— Можно, назовите имя.

Девушка вздрогнула, но затем кивнула:

— Вайлет.

Альберт пробежал глазами по длинному списку и остановил взгляд на нужной строчке:

— Можете идти, Вайлет. Хорошего вам полугодия.

Девушка сглотнула и прикусила щеку. Она быстро развернулась на непристойно высоких каблуках и вышла из аудитории. Следом за ней кабинет покинули ещё шесть человек. Альберт молча слушал их имена, вычёркивая фамилии студентов из списка. Когда остальные подростки с удивлением посмотрели на него, он отложил бумагу и выпрямился, направившись к доске.

— Что ж, теперь можно начинать. Мы начнём лекцию с того, что поговорим с вами о месте генетики в науке и жизни человека в целом, — он написал в центре доски слово "генетика" и нарисовал четыре ступени вниз от него. — Генетика лежит в основе всего, хотите вы того или нет. Возможно, открытие её как таковой находится даже выше на ступе-

нях иерархии, чем изобретение колеса или открытия молекул и атомов, — он специально сделал паузу. Обычно на этом моменте многие студенты-отличники начинали задавать вопросы и возмущаться. И сейчас он хотел узнать, кто будет точно приставать к нему в течение семестра из-за недостающего чертового балла.

— Извините, профессор, — руку подняла блондинка с короткими кудрявыми волосами. — Но разве это корректно так говорить. Простите, если я выражаюсь неверно, но ведь ещё Ричард Фейнман утверждал, что если бы он мог отправить в прошлое только одно послание, то сказал бы: „Всё состоит из атомов“.

"А вот и ты!" - подумал Альберт и повернулся к девушке лицом. Он быстро кивнул и опустил руку с мелом:

— Верно, но я не Ричард Фейнман. До такого великого физика мне ещё очень далеко. И если бы у нас была такая возможность, мы бы точно выслушали его аргументы. Но, к сожалению, он умер в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году.

— Но он говорил... — не унималась блондинка.

— А что говорите вы? Вы тоже так считаете? — спросил профессор.

Девушка запнулась и замолчала. Пару раз она открыла и закрыла рот, но так и не произнесла ни звука. Альберт кивнул. Он расслабил плечи и отложил мел в сторону. Спустившись с учительского парапета, он сложил руки за спиной и

сделал вдох:

— Во всех вас есть определённый набор генов, который делает вас вами. Цвет глаз, волос, рост, интеллект... Всё, что передали вам ваши отцы и матери, а им их родители и так далее. Всё это есть в вас в большей или меньшей степени. Каждое ваше решение, принятое на основе присущего вашей личности темперамента - это результат смешения генов в вашем теле. Вспомните событие, о котором вы жалеете больше всего в жизни. Вспомните, за что вам говорили: "Вот, это всё ты. Твой характер и темперамент!"

Студенты приоткрыли рты и слушали его. Альберт буквально ощущал их взгляды на своём открытом рту. Он почувствовал, как капельки пота скопились на его шее и струйками побежали по коже вниз в ложбинку между его ключиц. Он быстрым движением ослабил галстук и откашлялся:

— Только осознайте: зная точный набор генов человека, мы могли бы предсказать его действия и решения. Мы знали бы, что именно ему стоит исправить, на что обратить пристальное внимание, где найти своё место в мире. Если бы ученые добились такого уровня знаний, то мы могли бы изменить...

— Прошлое... — раздался низкий бас с задней парты.

Альберт замолчал и посмотрел в сторону звука.

— Верно, — ответил он, продолжая искать говорившего.

— И будущее, — продолжил голос. — Мы могли бы влиять на будущее и превратить мир в идеал.

По коже Альберта пробежали мурашки. Студенты переглядывались друг с другом и вертели головами, пытаясь найти того, кто говорит с профессором.

— Получается, что зная генотип человека, можно понять, принесёт он пользу миру или нет. Или будет ли он опасен для других людей, — продолжал незнакомец.

Альберт задумался, прокручивая в голове эту мысль. И как он сам не додумался до этого:

— А может, — начал вновь профессор Колотий, — И то, и другое одновременно.

— Разве такое бывает, профессор? — спросил голос.

Альберт кивнул. Он сделал ещё один шаг к первым партам и выпрямился во весь рост:

— Бывает. Каждое столетие, — он крепче сцепил пальцы за спиной, чувствуя неожиданную боль в голове. Видимо, дождь и резкое изменение погоды хотят хорошенько над ним поиздеваться. Он вздохнул и посмотрел в дальний правый угол, наконец увидев говорящего.

Видя на себе взгляд профессора, парень поднялся и поправил свои клетчатые брюки. Его светлые волосы были зачесаны назад, а очки в прямоугольной оправе придавали его острому чертам лица более утончённый вид. Альберт смотрел в глаза юноше и кивнул:

— Назовите ваше имя, — спокойно попросил профессор.

Парень кивнул в ответ:

— Аман, профессор. Аман Фейрстоун.

Глава 2. Старик

Чёрная земля окружала её со всех сторон, грозя поглотить небольшое девичье тело в своей тьме навсегда. Стены туннеля давили на психику Евы так, что она едва могла различить очертание старика перед собой. Хотя, она могла назвать его как угодно, но точно не стариком. Альберт держал в руке небольшой фонарь, похожий на винтажный светильник из исторического музея, в котором она была много лет назад. Его пальцы крепко сжимали дугообразную ручку, пока небольшой огонёк мерцал в ограниченном стеклами пространстве. Пламя двигалось из стороны в сторону так, словно легкий летний ветерок заставлял его шевелиться, но Ева точно ощущала, что никаких потоков воздуха в туннеле не было.

Альберт притянул фонарь ближе к себе, и девочка смогла разглядеть его лицо. Волосы старика отросли до основания шеи и слегка завивались к кончикам. Седина тронула часть его волос, но натуральный каштаново-рыжий оттенок до сих пор виднелся на корнях его шевелюры, но был намного темнее, чем цвет у Евы. Она инстинктивно подняла руку и потрогала свой локон. Волосы старика, очевидно, были зачёсаны назад, но из-за бега и испарины некоторые пряди прилипли к морщинистому лбу.

Он внимательно смотрел на подростков своими пронзи-

тельными голубыми глазами, продолжая держать фонарь рядом со своей головой. На его лице не было улыбки и даже намёка на неё, но это не мешало Альберту выглядеть безопасно и дружелюбно. Второй рукой он крепче сжал рукоять трости и плавным движением откинул полу своего тёмного коричневого пальто назад. Ева вздрогнула, когда Рик зашипел в ответ на это движение. Альберт замер и внимательно посмотрел на юношу:

— Спокойно, — почти шепотом проговорил старик, — Спокойно, приятель...спокойно...

Он медленно начал приседать, и Ева заметила, что делал дедушка это с явным усилием. Ну конечно, по её подсчету ему должно было быть семьдесят восемь лет. Старик сел на корточки и показательно положил трость на землю рядом с собой. Рик ни на секунду не отрывал взгляда от его руки, и Патриция аккуратно притянула Элен к себе, чтобы парень случайно не задел её мощным хвостом. Отложив оружие, старик начал медленно подниматься. Его взгляд блуждал по битвину снизу вверх и обратно, пока он не остановил его на хвосте Рика.

— И фонарь тоже, — проговорил сквозь зубы парень.

Альберт замер и с удивлением посмотрел в лицо юноши:

— Ты умеешь говорить? — словно с восхищением проговорил он, стараясь сдержать дрожь в своем голосе.

Рик вновь зашипел:

— Я же не немой! — сказал он и угрожающе поднял хвост.

— Фонарь, дед!

Альберт кивнул и поставил фонарь рядом с тростью. Рик внимательно следил за каждым движением старика, но больше не сказал ни слова. Его глаза забегали от Альберта к трости, и в конечном итоге он повернулся к Патриции. Она подняла взгляд на парня и сглотнула. Он ждал совета, но девушка сама не знала, что делать дальше.

— Ты - Патриция, да? — внезапно проговорил старик.

Пати резко повернулась к нему. Она промолчала, но медленно кивнула.

— Ты откуда это знаешь? — ответил вместо неё Рик.

Старик поднял руки в капитулирующем жесте и сделал глубокий вдох:

— Уверяю вас, я знаю больше, чем вы сами имеете о себе представление. Я не враг.

Он попытался сделать шаг вперед, но Рик оскалился и вновь зашипел. Парень перенес вес на одну ногу, расположенную впереди, явно принимая боевую стойку.

— Стой на месте! — яростно проговорил Рик.

Ева молчала всё это время, продолжая жадно разглядывать дедушку. Она столько раз видела его изображение в Интернете и на сайтах, когда искала информацию про его жизнь, что видеть мужчину в настоящем было дико. Конечно, сейчас он совсем другой. На снимках семнадцатилетней давности он был намного моложе. На его лице уже были морщины, но сейчас сеточка старческой кожи покрывала почти

всё его лицо. Веки гармошкой нависали над его глазами яблоками, отчего взгляд старика стал ещё добрее и безобиднее. Он слегка приподнял уголки губ в лёгкой улыбке, и его пышные усы дернулись вместе с ними.

— Уверяю, — продолжал Альберт, по-прежнему держа руки поднятыми. — Я не враг. Я бы не пошел сюда, если бы хотел вашей смерти.

Словно вспомнив о чудовище, Рик опустил взгляд на лежавшую у его ног тварь. Он слегка оскалился и отстранился, когда увидел, что труп старухи на его глазах высыхал и превращался в похожий на сухофрукт предмет. Гнилая кожа превратилась в бесконечные гармошки, плотно натягиваясь на костях твари. Сейчас чудовище больше походило на сдутый воздушный шар, нежели на толстое гнилое туловище, готовое убить их на месте.

Рик откашлялся и медленно опустил хвост позади себя:

— Может быть. Но одно резкое движение, дед, и я моментально...

— Рик, — спокойно проговорила Патриция.

Парень фыркнул и замолчал. Альберт внимательно посмотрел на Рика и улыбнулся:

— А ты в этой команде главный, да?

Рик на секунду открыл рот и замер. Затем на его лице появилась хитрая заговорщическая улыбка, и глаза парня заблестели озорным огоньком. Он гордо выдвинул грудь вперёд и самоуверенно кивнул:

— Именно так, — ответил он, придавая своему голосу максимально низкий тембр.

Патриция закатила глаза и недовольно хмыкнула. Рик вздёрнул хвостом и резко повернулся к ней:

— Я сказал что-то смешное?

— Нет, ничего смешного, — моментально ответила Патриция и быстро повернула лицо в сторону старика, чтобы скрыть свою улыбку. Хвост Рика метался из стороны в сторону, пока он продолжал пронзать Пати взглядом.

— А я думала, что главная Патриция, — проговорила Элен, щелкая и пролезая между парнем и Евой.

Рик глубоко втянул воздух носом и сложил руки на груди:

— Почему она должна быть главной!? Из-за возраста!?

Но Элен уже прошла к старику и аккуратно пролезла между стеной и мёртвым чудовищем. Она протянула Альберту руку, но не подняла на его лицо слепых глаз:

— Элен, — быстро проговорила девочка.

Альберт вежливо пожал своей крупной ладонью маленькую ручку Элен и слегка поклонился. Патриция с тревогой в глазах следила за каждым движением старика. Она встала на ноги и встряхнула крыльями, сбрасывая с них землю. Альберт поднял глаза на девушку и с восторгом посмотрел на её движения. Патриция заметила его взгляд и сделала шаг назад, явно оставаясь в полном напряжении. Заметив это, Рик встал между ней и стариком, продолжая гневно смотреть на него:

— Кто ты вообще такой? — проговорил парень.

Альберт отпустил ручку Элен и выпрямился:

— Я же сказал, что я Альберт Колотий...

— Мы это уже слышали, — вмешалась Пати. — Кто ты такой?

Старик сложил руки за спиной и дернул усами. Его пальто слегка шевелилось в унисон с плечами, пока он собирался с силами.

— Я... — начал Альберт, но, почувствовав тряску под своими ногами, резко замолчал и поднял лицо наверх.

Элен быстро защёлкала. Направив острые кончики ушей в сторону возвращающихся звуковых волн, она выдохнула и резко метнулась к Патриции и Еве. Слепая схватила обеих девочек за руки и потянула на себя.

— Скорее! Я слышу слишком сильные вибрации! Так было в прошлый раз, когда мы спасали Еву.

Рик вздрогнул и покачал головой:

— Ты хочешь сказать, что...

— Туннель рушится! — почти крикнула ему Элен.

Словно в подтверждение её слов потолок земляной шахты на месте, где мгновение назад были Ева и Патриция, резко рухнул, подняв огромное облако пыли. Ева вскрикнула, впервые издав звук с момента появления Альберта. Рик отскочил в последний момент, но огромный острый булыжник задел основание его хвоста. Он застонал, когда его голубовато-зелёная кожа окрасилась в алый цвет. Патриция вздрог-

нула и, опустив ладонь слепой девочки, быстро метнулась к нему. Она схватила парня за предплечье и помогла ему подняться на ноги.

Альберт нагнулся за фонарём и тростью, стараясь двигаться скоро и точно. Он быстро протолкнул поддерживающую Рика Патрицию вперёд и с силой всунул ей ручку светильника в ладонь.

— Иди впереди, Патриция! Иди!

Она не стала спорить. Послушно взяв предложенный источник света, Пати направилась в обратную от тупика сторону. Рик рычал от острой боли, но старался не отставать от девушки ни на шаг. Элен быстро побеждала за ними, щелкая и перепрыгивая через камни под ногами.

Ева замерла, когда увидела приближающегося к ней девушку. Из оцепенения её вывело очередное разрушившееся место. Она вновь вскрикнула и развернулась к месту обрушения.

— Не надо, не смотри туда, — проговорил Альберт и протянул ей руку.

Она повернула глаза к нему. Патриция с Риком уже успели отойти на почтительное расстояние, но лицо Евы всё ещё возможно было разглядеть с помощью едва дотягивающегося до неё света от пламени. Альберт широко распахнул глаза и выдохнул. Ева заметила, как его ладонь задрожала и пальцы слегка сжались друг с другом, когда он внимательно всмотрелся в голубые глаза девушки. Она быстро взяла

его за ладонь и позволила Альберту вести её по мрачному трясущемуся туннелю. Словно очнувшись от глубокого сна, старик крепко сжал пальцы Евы и почти побежал в сторону дома. Ева едва не охнула, заметив, как необычайно быстро для своего почтительного возраста дедушка передвигает ногами, при этом трость он просто держал в другой руке, не используя её по назначению.

Земля под ногами без конца тряслась, и Ева буквально физически запрещала себе оборачиваться.

— Я знал, что будет так, — задыхаясь проговорил Альберт.

Ева успела взглянуть на его лицо, прежде чем свет фонаря вновь привлек её внимание. Рик поставил лампу на землю рядом со своими ногами и, шурясь от боли, посадил Патрицию к выходу из туннеля. Она ловко выбралась наружу и протянула руку вниз, крепко хватая за запястье Элен. Слепая девочка быстро захлопала крыльями, чтобы помочь светловолосой девушке поднять себя. Она крепко держала Пати за ладонь, с пытаясь одновременно с этим отталкиваться ногами от стены.

Альберт протянул руку Евы к юноше, кивнув ему. Рик быстро посадил девушку к выходу и, когда ее ноги исчезли на поверхности, приготовился оттолкнуться хвостом, чтобы подпрыгнуть до спасательной руки Пати, но Альберт прошел мимо него и сложил ладони в замок:

— Давай, приятель. Помогу. Тебе больно.

Рик с непониманием посмотрел на старика. Но боль в хвосте и звуки обвалов не оставили ему выбора. Да и времени на подумать тоже. Он недоверчиво поставил свою ногу на ладони Альберта и оттолкнулся от земли. Старик напряг руки и с усилием поднял их выше, предоставляя юноше возможность допрыгнуть до люка. Рик быстро схватился за края земляного спуска и подтянул своё тело наверх. Он встал на четвереньки возле дыры и моментально повернулся к Альберту.

— А вы?

Альберт хмыкнул. Подняв фонарь с земли, он сильнее схватил трость и протянул рукоять к юноше. Рик понял намёк старика и крепко сжал пальцы на резной части. Он напряг ноги и одним движением втянул старика в кладовку. От неожиданности Альберт выдохнул и встал на колени, переводя дыхание:

— Ну и силище у тебя! Чуть руку мне не оторвал.

Рик слегка улыбнулся, но его улыбка моментально исчезла, когда туннель, словно два противоположных магнитных полюса, схлопнулся с такой силой, что облако пыли резко вырвалось из люка. Альберт поднялся на ноги и быстро направился к выходу. Он метал взгляд между битвинами и резко остановил его на рыжих локонах Евы. Словно убедившись, что она двигается вместе с остальными подростками, он кивнул сам себе и перешагнул через лежавший на земле стеллаж.

Дом дребезжал, превращая белое неаккуратное покрытие

на потолке в паутину из трещин и отвалившейся краски. Стены быстро пропитывались тёмно-алым цветом так, словно обои были огромной губкой, втягивающей в себя пролитую грязную жидкость. Лестница на второй этаж с грохотом рухнула на пол, оставив после себя огромную кучу гнилого дерева. Патриция резко отшатнулась от внезапно открывшейся двери, едва не ударившей её по лбу. Она подбежала к выходу и быстро распахнула его.

— А теперь открыто...? — удивилась она, распахнула дверь и повернулась к остальным.

Ева быстро бежала к светловолосой девушке, пытаюсь перепрыгивать через обваливающиеся доски. Пол трескался, и некоторые из деревяшек колыями взлетали к потолку. Она петляла между ними по длинному коридору, надеясь добраться до двери как можно скорее. Внезапная мысль заставила её выдохнуть и замереть:

— О, нет! Пати! Бутылка с водой!

Патриция широко распахнула веки. Она задрожала и бросилась обратно в сторону кладовки:

— Она должна быть....

— У меня есть вода! — крикнул Альберт, останавливая Патрицию. Он крепко сжал руку на её плече и повернул обратно к двери. — Я открою портал.

Ева с удивлением посмотрела на старика и в её душе появилась крохотная надежда на спасение. Может они ещё смогут остаться в живых. Но как дедушка откроет портал?

Выскочив из дома последним, Альберт с грохотом захлопнул дверь. Окна со всех сторон затрещали, и стекла выбились огромным потоком ветра с громким взрывом. Элен отбежала на несколько метров от террасы, начав щелкать языком в поисках остальных. Патриция схватила её ладонь и потянула дальше от дома.

Здание рушилось очень быстро. Слишком быстро. Ева не успела даже взглянуть на дом с мертвым чудовищем в последний раз, как крыша невзрачного здания обвалилась в центр постройки. Она с удивлением осознала, что после разрушения крыши в воздухе не появилось облака пыли. Заставив себя остановиться, Ева всмотрелась в разваливающийся дом. Когда последние сантиметры террасы исчезали под землей, девушка с ужасом поняла, что здание не просто обвалилось. Земля исчезала вместе с гнилой древесиной в огромной воронке, диаметр которой расширялся всё больше и больше.

— О, нет! — вскрикнула она и побежала за битвинами.

Альберт распахнул пальто и достал из внутреннего кармана резную бутылочку на пятьдесят миллилитров. Внутри неё из стороны в сторону плескалась прозрачная жидкость. Патриция уставилась на старика и кивнула в сторону склянки:

— И этого хватит для портала?

— Более чем, — спокойно ответил Альберт.

Он быстро поставил бутылку на землю и сел рядом с ней в позу лотоса. Закрыв глаза, он соединил ладони и крепко

сжал пальцы друг с другом. Ева физически почувствовала, как выровнялось его дыхание и сердцебиение. Старик делал долгие глубокие вдохи, почти не двигаясь в сгущающейся тьме.

Рик с ужасом смотрел, как воронка становилась необъятного размера. Края огромной дыры приближались к битвинам с огромной скоростью. И парень застучал зубами, когда понял, что внутри неё нет ничего. Тьма. И буквально через несколько мгновений она поглотит их всех.

Альберт вновь сделал вдох. Ева не отрывала от его лица взгляда, словно это физически могло применить ей боль. Слегка повернув голову, она поняла, что Патриция делала то же самое. Светловолосая девушка приоткрыла губы и с нескрываемым восхищением смотрела на старика. «Транквилиз», — подумала Пати и сжала руки в кулаки. Легкое сияние привлекло внимание битвинов. Казалось, даже Элен почувствовала перламутровое мерцание из бутылочки с резными рисунками. Медленно струя воды поднялась от горлышка емкости и начала образовывать вертикальный овал.

Рик метался из стороны в сторону, видя приближающуюся дыру. Он хотел попросить старика поторопиться, но находился в таком ужасе, что его язык обмяк внутри рта. Альберт слегка поморщился, и Ева заметила, как на его лбу выступил пот. Он вновь сделал вдох, когда струйка крови потела из его ноздри на усы, проникая сквозь них на старческие губы.

Образовав полный овал, струя начала быстро вращать-

ся, и Ева увидела уже знакомое сияние. Это было невероятно. Портал открыт. Альберт поднял глаза на перламутровую окружность, затем медленно повернулся к битвинам.

— Уходим отсюда.

Глава 3. Разрушение

Сколько он бродил по коридорам? Амафей уже потерял счет времени, двигаясь по лаборатории в определенную сторону, одновременно с этим не имея представления, куда он идет. Звук лезвий разносился по коридорам пустой лаборатории, превращаясь в постоянное напоминание о его одиночестве. Откуда-то из глубины светлых помещений раздавалось громкое рычание нулламанусов, дерущихся в огромном загоне. Он быстро направился в сторону звуков, пытаюсь прогнать гнетущие его мысли. Каждый его шаг как никогда раньше приносил дискомфорт и ужас. Хотя, единожды он уже испытывал эти эмоции. Огромную волну, накрывшую его с головой.

Направляясь по тихим коридорам, Амафей замер возле инкубатора, услышав знакомый ненавистный звук. Он медленно поправил идеально сидящий на его плечах пиджак и сделал несколько шагов в сторону нужного помещения. Внутри его души что-то затрепетало. Сколько лет он не испытывал страха? И сейчас незнакомая эмоция буквально рвала его изнутри. Он медленно положил руку на ручку двери, потянув её на себя. Белое перламутровое сияние заполнило темноту одинокого инкубатора. Свет отражался от пустых колб, в которых несколько дней назад были ещё не сформировавшиеся нулламанусы. Сияние волнами играло

на стенах длинного помещения, превращая пространство вокруг в непривычную рябь.

Аман глубоко вздохнул, когда увидел сияние портала. Он не открылся, нет. Но перламутр заставлял небольшие капли из источника подниматься в воздух и опускаться обратно. Мужчина почти до боли сжал ручку и широко распахнул глаза, когда резкая вспышка заставила его пригнуться.

— Чёрт! — крикнул он, приземляясь на колени.

Волна резко вырвалась от родника, и Аман задержал дыхание, видя бешеное движение жидкости. Энергия, исходящая от портала, буквально давила на его плечи, не позволяя ему подняться на ноги или вскинуть голову. Он с ужасом смотрел на то, как длинный водяной хлыст рассекает воздух в инкубаторе, и медленно в его разум пришло понимание, почему это происходит:

— Она его открыла! — раздался резкий женский голос позади Амана. — Ева его открыла!

Он вздрогнул и быстро повернулся в сторону бегущей к нему Герти. Она в панике приземлилась перед ним на колени, повторяя его позу, и быстро затараторила, глядя в глаза мужчины:

— Я почти их поймала! Я почти поймала! Я... — она едва произносила слова сквозь бесконечные всхлипывания. Он сушил глаза, пытаясь понять, что хотела сказать Герти.

— Почти? — резким шепотом произнес он так, что женщина распахнула глаза, уставившись на его лицо. — Она от-

крыла портал?

Герти сглотнула и медленно кивнула. Она не успела выполнить действие до конца, когда резкий звук пощечины пронзил воздух. Кожа на щеке женщины моментально покраснела, и она отлетела в правую от Амана сторону. Боль была такой сильной, что едва она села на колени, как с ее губ сорвался низкий стон. Она крепко прижала ладонь к левой щеке, пытаясь унять пульсацию.

Амафей яростно смотрел на неё, явно не испытывая ни капли жалости. Его взгляд был холоден и безразличен, когда он наблюдал за тем, как она всхлипывает. Слезы текли по её лицу, но его абсолютно не трогали рыдания Герти.

— Дура! — рявкнул он. — Ты хоть что-то можешь сделать правильно!?

С трудом поднявшись на ноги, он отвернулся от Герти, обратив внимание на инкубатор. Источник вновь превратился в тонкую струйку воды, бьющуюся из под земли с тихим журчанием. Резкая головная боль заставила его поморщиться. Он зашипел и приложил ладонь к виску. Череп буквально трещал, а кровь запульсировала в его ушах.

— Как же больно... — произнес сквозь зубы он.

Головокружение заставило его сделать шаг назад, и он едва сумел сохранить равновесие. Откуда? Почему? Словно очередной приступ, лобная часть запульсировала так сильно, что перед его глазами замельтешили яркие красные шары. Он издал низкое рычание и облокотился на стену. С каж-

дым вдохом и движением Аман чувствовал, как в его глазах за очками лопались капилляры. На мгновение ему показалось, что кровь затуманила его зрение и погрузила мужчину в алый туман.

— Больно! — на этот раз громко произнёс Аман.

Герти притихла, скрыв свои рыдания за зубами. Увидев едва стоявшего на ногах Амафея, она подползла к нему и схватила край его пиджака.

— Аман! Аман, что с тобой? Аман! — из её горла вновь раздались всхлипы. Голос женщины сломался от скопившихся рыданий, и она схватила его за ладонь. — Аман, прошу, прости меня! Я подвела. Я... — обхватив его талию руками, Герти прижалась лбом к боку мужчины, продолжая череду извинений. — Я больше не подведу! Я найду их! Я всё сделаю, как мы и планировали.

Едва ли он слышал её сквозь писк и гул в своих ушах. Его лицо исказилось от боли, когда он оттолкнул Герти и быстро направился в сторону спальни. Глубокое быстрое дыхание сопровождалось хрипами, пока Аман двигался дальше от инкубатора с источником. Он хватал воздух ртом, но давление в сосудах на снижалось. Каждый его шаг отдавался звенящим звуком в висках, пока Амафей морщился от боли.

— Как же больно! — вновь простонал он.

Ввалившись в спальню, Аман обессилено упал на кровать, сжимая пододеяльник в ладони. Он видел, как капли крови пачкали идеально белую ткань, пока он не мог поднять

головы. Откуда текла кровь? Из носа? Глаз? Рта? Может и отовсюду сразу. Его плечи вздрагивали от судорог, заставляя мужчину сжимать кулаки крепче.

— Агх! — новая пульсация, и он повалился на предплечья. Пот моментально превратил наволочку в мокрую ткань, пока мужчина пытался перетерпеть вспышку. Его очки впились в переносицу, но он словно не чувствовал этого. По сравнению с болью во лбу, дискомфорт от очков был ничтожным. «Что это!? — думал он, вгрызаясь в пододеяльник. — Что это!?!»

Чья-то рука медленно сжала его плечо. Он повернул свои окровавленные глаза и увидел её лицо. В ужасе он беззвучно раскрыл рот, чувствуя, как дрожат его руки. Одновременно весь спектр эмоций пронзил его тело: страх, ярость, отвращение. Всё это накрыло его с головой, заставив обернуться. Она стояла перед ним, а костлявая рука с опухшими суставами крепко сжимала плечо Амафея. Он затряс головой из стороны в сторону, пытаясь остановить свой взгляд на старухе.

— Аман? — произнесла она своим хриплым голосом, который он так сильно ненавидел.

Он зарычал и с силой оттолкнул её руку:

— Не смей трогать меня! Не смей!

Вскочив с кровати, Аман направил одно из своих лезвий в живот старухи. На удивление ловко отскочив в сторону, она охнула и сжала кулаки. Казалось, что всё её тело напряг-

лось, как струна. Она уставилась не него, сморщив старческий кривой нос:

— Что ты делаешь, Аман? — почти в ужасе проговорила она.

Но он не слушал её. Пульсация во лбу не позволяла ему даже вдохнуть полной грудью. Сквозь пелену он видел только одну цель: чудовище, разрушившее его жизнь. Вскрикнув, Аман сократил расстояние между собой и бабушкой в два шага, крепко схватив толстую руку старухи. Она взвыла и попыталась оттолкнуть его руку, но силы Амана были превосходящими. Грубо толкнув тело на кровать, Аман навис сверху и притянул к себе одну из тяжелых перьевых подушек.

— Аман! — крикнула старуха, извиваясь под ним.

Он чувствовал, как пот стекал по его шее, превращая чистую крахмаленную рубашку в жалкое подобие поношенной ткани. Крепко сжав наволочку, он прижал подушку к ненавистному лицу, наваливаясь на неё всем весом. Старуха извивалась и вопила, размахивая руками из стороны в сторону, но её крики приглушались толстым слоем перьев в тканевом мешке. Бабушка размахивала руками, пытаясь попасть в висок Амана. Он крепко удерживал её на месте, сжав коленями бедра пожилой женщины. Оскал искажал его черты лица, а зубы с неприятным скрежетом соприкасались друг с другом.

— Я закончу это в этот раз! Доведу дело до конца! — за-

кричал он, сильнее прижимая подушку в лицо старухи.

Очередная волна головной боли заставила его выгнуть-ся. С гортанным криком он широко распахнул глаза, вновь ощутив пульсацию. Но на этот раз ритмично сжимались все мышцы его спины. Аман слегка ослабил хватку на подушке, но старуха смогла это почувствовать. Резкий удар в висок заставил его отшатнуться. Старуха вскочила с кровати и бросилась к двери. Амафей направила глаза на проём и быстро направился в сторону убегающей бабушки.

— Не в этот раз! — его лезвия стучали по плитке, отдаваясь от стен звонких эхом.

Аман видел убегающий силуэт. С каждым шагом он становился ближе и ближе. Старуха быстро вбежала в лабораторное помещение и схватила микроскоп со стола. Как только мужчина влетел в продезинфицированное пространство, старческие пальцы сжали металлический предмет крепче. Аман смотрел на старуху затравленными глазами, чувствуя внутри себя нарастающую злость. Медленно он направился в сторону бабушки, чувствуя, как с каждым шагом некогда аккуратная причёска распадалась, а непослушные пряди липли к вискам.

— Аман! — кричала бабушка. — За что?

От искреннего вопроса старухи он зарычал и бросился на неё, схватил стоявший рядом с ним стул. Он перевернул ножки мебели вверх и быстро начал крутить одну из них против часовой стрелки. Старуха в ужасе смотрела на его

движения, крепче сжимая микроскоп.

— Аман! — вновь взмолилась она.

Когда Амафей почувствовал, как ножка без препятствий освободилась от винта, он грубо откинул стул в сторону и быстро направился к бабушке, сжимая в руке импровизированную дубину. Старуха отбросила микроскоп в сторону и резко бросилась в сторону коридора, ведущего к открытому загону с нулламанусами. Он бежал за ней, в то время, как ярость затуманила его зрение. Каждый шаг приближал его к мести и освобождению.

Вбежав на подвесные мосты, старуха быстро направилась к лестнице вниз. Чудовища подняли языки и зарычали в сторону появившегося звука. Аман посмотрел на бегущую к монстрам старуху снизу вверх, ожидая, что нулламанусы разорвут её на месте. Но ни одно из существ не набрасывается на женщину. Он ждал, не понимая, почему твари не реагируют на бабушку. Зарычав от разочарования, он бросился к ступенькам. Старуха с ужасом смотрела на него, стоя у открытых ворот лаборатории.

— Аман! - вновь закричала старуха. Но что-то было не так.

Очередная вспышка заставила его зажмуриться и застонать. Он выпустил из рук ножку и приземлился на колени, опираясь на одну руку. Вторую ладонь Аман крепко прижал ко лбу, словно это могло облегчить пульсацию. И в одно мгновение боль прекратилась. Он слышал своё дыхание,

которое постепенно выравнивалось и восстанавливало привычный ритм. Амафей облизал пересохший губы и крепко вцепился пальцами в волосы. словно вспомнил о дубине в руке, он кинул на неё недовольный взгляд.

Резко подняв глаза, Амафей, не моргая, начал искать глазами старуху. Но увидев перед собой лишь до смерти перепутанную Герти, он сморщил лицо и выдохнул. Неужели это была галлюцинация? Он откинул ножку стула от себя и выпрямился, продолжая стоять на коленях.

— Помоги мне подняться, милая, — неожиданно нежно проговорил он.

Герти в ужасе смотрела на него, сжав руки в кулаках. Она часто сглатывала и водила глазами сверху вниз, внимательно следя за его движениями. Он выдохнул и протянул к ней ладонь:

— Ты нужна мне, Герти. Помоги, — последнее слово он почти прошептал.

Она моментально подбежала к нему и помогла подняться на ноги. Аман крепко сжал её пальцы, позволяя ей поддерживать его. Герти опустила глаза, не в силах смотреть на его лицо.

— Аман, ты... Ты снова... — она не успела договорить.

Мужчина резко притянул Герти к себе и впился своими губами в её. От неожиданности она широко раскрыла глаза, смотря на закрытые веки Амафея, но когда он прижал её сильнее к своей груди, она обмякла в его объятиях и от-

ветила на поцелуй. Как только Герти расслабилась в руках мужчины, он открыл глаза и внимательно посмотрел на неё. Уголки её губ слегка приподнялись в улыбке, а глаза были закрыты от наслаждения. Он сузил веки, глядя на неё сверху вниз. «Дура», — промелькнуло в его голове.

Герти могла бы целовать его вечно. Могла бы навсегда остаться в его объятиях и прижиматься к его груди. Амафей прервал поцелуй и прижался своим лбом к её лбу, глубоко вдохнув запах женщины.

— Ты ведь не оставишь меня, милая? — пролепетал он, касаясь носом кончика её носа.

Герти улыбнулась и крепче обняла его за талию. Прикрыв глаза, она приложила голову к его груди и прислушалась к размеренному стуку сердца.

— Никогда, Аман. Не оставлю.

Он положил ладонь на её поясницу, но жест этот был скорее собственнический, нежели нежный. Его лицо не выдавало никаких эмоций. Амафей смотрел в открытые ворота лаборатории, с ненавистью глядя на улицы с одинаковыми домами. Домами, которые идеально повторяют его собственный кошмар из прошлого.

Он уже собирался отпустить Герти из объятий, когда в конце одной из улиц резко появилась огромная вспышка света. Грохот доносился до его ушей с такой силой, что Аман прикрыл глаза. Герти вскрикнула, быстро оборачиваясь в сторону звука. Огромный столб света вырвался вверх, на-

правляясь к безоблачному вечернему небу. Резкий порыв ветра заставил мужчину напрячься. Полы его пиджака бешено двигались в потоке, пока он с ужасом смотрел на сияние. Его зубы стучали друг об друга, в то время, как ногти до крови впивались в ладони.

Со следующим порывом света Аман приземлился на колени, с силой схватившись за голову:

— Больно! — закричал он.

В этот раз кровь из носа хлынула как из ведра. Она запачкала его рубашку и пиджак, окрасив их в тот же цвет, что и галстук-бабочка. Очки слетели к его ушей и упали на грязную землю. Стекла чудом не вылетели от удара, в то время, как Аман прислонил лоб к холодному грунту, пытаясь унять боль.

Герти положила руки на его плечи и присела рядом.

— Аман, что такое? Как мне помочь?

Он с ненавистью поднял глаза на неё, и по спине женщины пробежали мурашки.

Их внимание привлёк грохот, сила которого заставила стены лаборатории затрястись. Амафей повернул голову в сторону открытых ворот и с ужасом распахнул глаза.

Дома на третьей дороге вместе с кусками грунта поднялись над землёй. Они без остановки тряслись, словно чьи-то невидимые руки хотели вытряхнуть из них остатки жизни. Резко, с низким хлопком, дома одновременно сжались до такой степени, что превратились в неаккуратные шары

тёмно-коричневого цвета. Каждый шар направился в сторону столба с сиянием и сгорал сразу же, как только попадал в него. Асфальт трескался и обваливался вниз, словно под землей была абсолютная пустота.

Аман поднялся на ноги, преодолевая непрекращающуюся пульсацию. Он схватился за одну из ворот, с ненавистью и отвращением наблюдая за тем, как дорога проваливалась вниз. Внезапно луч света начал двигаться. Медленно столб начал падать так, словно только что кто-то подпилит его основание. Он протянулся почти до самых ворот, заставив Амана сделать шаг назад, но в мгновение ока исчез в темноте.

Амафей выпрямился и с ужасом посмотрел в сторону самой правой дороги. Теперь на её месте была бесконечная чёрная дыра. Ни одного дома или дерева, ни одного куска асфальта. Всё исчезло в темноте. Аман перевел глаза в даль, увидев, как тёмно-серый туман приближается к нему. Прикрыв собой образовавшуюся пустоту, облако плотной стеной отделило дыру на месте дороги от глаз мужчины.

Он с ненавистью сжал кулаки. Желваки на челюсти Амана выделялись холмами на грязной от земли коже. Он едва мог вдохнуть пыльный воздух, когда повернулся в сторону Герти.

— Найди их, Герти. Найди и уничтожь всех.

Глава 4. Сторона

Сияние поглотило её целиком. Как только Ева сделала шаг, она приготовилась вновь ощутить давление и боль, как и в прошлые разы. Но портал дедушки принял её нежно и благоговейно, словно мягкое пуховое одеяло. Она вошла в вертикальный овал и впервые смогла разглядеть сияние так близко. Огни мерцали белым и серым перламутром, и резкие движения медленно превратились в ритмичные волны. Стены поднимались в бесконечную высь, создавая впечатление, словно Ева находилась на дне глубокого колодца. Оказавшись в тёплом пузыре, Ева подняла глаза наверх и увидела яркое свечение. Она не могла сказать, есть ли у портала начало или конец, но оказавшись внутри, поняла, что это что-то совсем другое. Что-то спокойное и правильное.

Патриция вошла в портал следом за ней и встала рядом с Евой. Её большие карие глаза бегали из стороны в сторону, пока она с открытым ртом смотрела на сияние. Девушка прошла к перламутровой стене и протянула свою руку к ней. Ей безумно хотелось прикоснуться к туману, почувствовать его присутствие не только зрением, но и осязанием. Её ладонь проскользнула в белую дымку, и Пати улыбнулась:

— Так тепло...

Рик держал Элен за руку, ведя слепую девочку в центр портала. Он заметил, как Патриция просунула руку в туман

и шикнул:

— Пати, не трогай его! Убери руку!

Но Патриция улыбалась и водила ладонью из сторону в сторону. Она подняла пальцы вверх и освободила руку из дымки. Кружевные струйки тумана последовали за ней, превращаясь в волнистые узоры. Они переплелись друг с другом и, словно обнимая, обрамляли ладонь Патриция цветочным узором.

Ева наблюдала за этим со стороны, не испытывая такого же воодушевления, как Пати. Переведя взгляд на ближайшую к ней стену, девушки охнула, увидев, что дым сам уже приближается к ней. Перламутр укрыл её ноги, и она сглотнула, почувствовал то самое тепло, о котором говорила Патриция. Она сделала шаг назад, но туман последовал за ней, продолжая согревать кожу девушки своим дыханием.

Альберт с кряхтением вошел в портал последним. На этот раз он опирался на трость, быстро вытирая струйку крови со своей верхней губы. Его ноги слегка подкашивались, и сам он редко постарел ещё сильнее.

— Это портал транквилиза, — начал он. — Спокойствие дарит душе мягкость и тепло. Поэтому он такой... дружелюбный. Но в то же время, — он вытер кровь со своих усов. — Чтобы открыть транквилиз, нужно полностью отпустить своё прошлое и настоящее. А это очень... больно.

Пати улыбнулась шире, убирая руку от дымки. Она быстро повернулась к старику и приблизилась к нему. Её глаза

сияли воодушевление и надеждой, и Ева нагонялась, понимая, что хотела сказать светловолосая девушка:

— Как? — смогла выдавить она.

Уголки губ Альберта приподнялись от наивного вопроса Патриции.

— Я расскажу. Но сначала попадем на мою сторону.

— Сторону? — проговорил Рик. — В каком смысле?

Альберт закрыл глаза и вздохнул. Вертикальный овал резко схлопнулся, оставив битвинов внутри круглого сияющего пространства. Когда старик вновь открыл веки, он кивнул за спину Евы. Она быстро обернулась, встретившись глазами с огромным четырехэтажным зданием. Сияние медленно исчезло, и почва втянула в себя небольшое количество воды, которое Альберт использовал для открытия портала.

— Добро пожаловать в университет генетики и биологии, — он протянул руку, предлагая её Еве.

Она подняла глаза на дедушку, вновь встретившись с ним взглядом. Ева понимала, что что-то должна была сказать. Спросить, узнать, рассказать... Но что? Неуверенно девушка протянула свою ладонь и взяла предложенную руку старика. Альберт крепко сжал свои пальцы и с улыбкой потянула Еву к строению. Мелкие камушки скрипели под её кедами, пока она следовала в шаг с дедушкой. Он на ходу снял пальто и повесил его через руку. Поправив зеленый галстук, Альберт крепче сжал трость другой рукой и тихо выдохнул.

Рик шел впереди, размахивая хвостом из стороны в сто-

рону. Его уши ходили ходуном, пока он осматривался во-круг. Элен щелкала и шла рядом с парнем, шаркая пятками по грунтовой дорожке. Её босоножки лопнули в нескольких местах и, казалось, едва держались на узкой щиколотке.

Пати поправила юбку и, взмахивая крыльями, прошла вслед за Риком. Почувствовав её приближение, он замедлил-ся и, не глядя на неё, прошептал:

— А мы точно должны доверять деду, которого в первый раз в жизни видим?

Пати бросила на него недовольный взгляд и поморщилась:
— Что? — с обидой спросил Рик. — Вот ты знаешь, кто он? Я - нет. И Элен тоже.

Патриция слегка повернула голову так, что смогла разгля-деть Альберта позади себя через левое плечо. Старик молча вел Еву к зданию, следуя за битвинами:

— Выбора у нас нет. Либо с ним, либо в одиночестве, — наконец ответила девушка. — И, ко всему прочему, он нас спас.

Рик фыркнул и сложил руки на груди. Он был недоволен, но Пати заметила, что хвост парня расслаблено тащился за ним. Она слегка улыбнулась, и спокойствие Рика невольно перешло к ней.

Элен остановилась возле ворот и пустила очередную вол-ну в сторону здания. Её глаза слегка расширились, когда эхо-локация передала ей очертания университета.

— Ничего себе! Он больше, чем лаборатория!

Альберт хмыкнул, продолжая вести Еву за руку.

— Наверное, это так. Я не был в лаборатории.

Элен покачала головой:

— Это к лучшему. Там нет ничего хорошего.

Рик вошел в двери университета первым. Он осмотрелся и резко сделал шаг назад, когда его взгляд зацепился за тело справа от него:

— Агх! — рыкнул он, начал вновь размахивать хвостом и готовясь к нападению. — Это что!?

Пати выглянула из-за его плеча. Она выдохнула, поняв, что на стуле справа сидел манекен. Лёгкий смешок вырвался из её груди, когда Рик выпячил губы.

— Настроение улучшилось, да? Наконец, твоё имя тебе соответствует, — спокойно пошутил Рик и подмигнул Пати.

— Зачем это тут? — спросила Элен.

Альберт прошел к кукле и положил руку на её плечо. Он поправил форму охранника на пластмассовом теле и повернулся к битвинам:

— Это... Это не контролируется. Я уже много раз избавлялся от манекенов, но...

— Их тут много? Ну и жуть! — процедил Рик.

Альберт кивнул.

— Это часть моих воспоминаний. Я столько времени провел в университете. Так часто видел одних и тех же людей на определенных местах, что мой мозг просто выжег их на подкорке разума, — он похлопал манекен по плечу и напра-

вился к лестнице на второй этаж.

Рик недоверчиво посмотрел на Альберта, слегка оскалив зубы.

— Нам стоит ожидать нападения со спины от какого-нибудь очередного монстра? — спросил парень, положил ладони на свою талию.

Альберт покачал головой:

— Не думаю. По крайней мере, за семнадцать лет, которые я провел здесь, мне не встречались чудовища на моей стороне.

— Это радует, — подала голос Элен. Она щелкнула и прошла к лестнице вслед за Альбертом.

Ева не отрывала глаз от его спины. Ей казалось, что какое-то время она даже не моргала. В мыслях девушки не могло поместиться то, что дедушка жив и находится в нескольких метрах от неё. Рука Пати сжала плечо Евы, заставив девушку наигранно улыбнуться:

— Мы тоже ему не доверяем полностью, Ева, — прошептала она. — Но пути назад нет.

Ева выдохнула. Они не догадываются. Ну конечно, откуда битвинам могут знать Альберта? Да и она сама его не знает так, как должна знать внука своего дедушку. Поэтому Ева быстро кивнула Патриции и пошла за остальными.

Альберт опирался на трость и вел подростков за собой. Рик шел рядом со стариком, осматривая высокие светлые стены университета. Периодически парень бросал взгляд в

сторону девушек, проверяя их присутствие за своей спиной.

— Это кабинеты второго этажа, — он указал на закрытые деревянные двери. — Можете заходить, куда хотите. Они внутри все одинаковые.

Патриция подошла к двери в одну из аудиторий и аккуратно приоткрыла её. Она широко распахнула глаза, когда перед взором девушки оказалась абсолютно пустая бежевая комната. кроме двух широких окон здесь не было ничего. Телесного цвета плитка с белыми швами, идентичного цвета с ней стены и светлый потолок со светлыми лампами.

Она закрыла дверь и повернулась к остальным. Элен стояла перед открытой дверью в другую аудиторию, вздрагивая крылышками:

— Здесь ничего нет, — проговорила слепая девочка.

— И здесь тоже, — согласилась Патриция.

— И здесь, — отрезал Рик, закрыв третью дверь.

Альберт виновато улыбнулся:

— Обычно я вёл занятия только в двух кабинетах. На четвертом этаже в самом правом углу большая аудитория со столами и техникой. Там много всего, потому что я помню её хорошо. На третьем этаже кабинет триста двадцать пятый был моим собственным, там тоже всё оборудовано.

Рик фыркнул:

— А кроме двух комнат ещё что-то есть?

Альберт захихикал:

— Разумеется. Видишь впереди дверь? — он указал паль-

цев вдаль коридора на широкий проход. Рик кивнул и вновь повернулся к старику. — Иди. Посмотри, что там.

Рик напрягся и нахмурился. Парень собирался оскалиться, но увидев искренность старика, не сводя с него глаз, прошел к указанному помещению. Он сузил веки и выпятил губы, когда положил ладонь на холодную ручку и потянул фурнитуру на себя. Взглянув внутрь, его глаза расширились и он охнул:

— Это... Это! — не мог он выразить свои мысли, осматривая большую комнату с потрясающими запахами.

Элен щелкнула и пролетела мимо него:

— Еда! — крикнула она и подбежала к столикам с тарелками.

Альберт подошел к столовой и широко улыбнулся.

— Да, моя жена часто говорила, что я поправлялся за девять месяцев учебного года. Не удивительно, что столовая тоже отпечаталась в моих воспоминаниях.

Патриция с воодушевлением наблюдала за поедающими всё на своем пути Риком и Элен. Она повернулась к старику и внимательно всмотрелась в выражение его лица:

— А что-то ещё есть? — спросила девушка, шевеля оперением на хвосте.

Альберт ткнул тростью в сторону уходящего влево от них коридора:

— Третья дверь слева - туалет.

Пати кивнула и направилась в уборную. Ева медленно

приблизилась к старику и встала рядом. Она не понимала, почему сейчас не могла поднять глаза на дедушку. Раньше она мечтала поговорить с ним. Спросить его обо всё, узнать Альберта, как ученого и биолога. Но сейчас она словно язык проглотила. Альберт физически ощущал, как сильно загустел воздух между ними. Его пальцы незаметно сжали рукоять трости, отстукивая неопределенный ритм. Он сглотнул и выдохнул, прикрыв глаза:

— Это ты открыла портал в пруд, да? — внезапно спросил он.

Она резко подняла глаза на него. Альберт смотрел в самую душу, пытаясь разглядеть каждую мысль в её голове. Ева опустила глаза в пол и кивнула:

— Да, — ответила Ева. — Похоже на то.

Он дернул усами, принимая её фразу:

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она вздрогнула, но быстро взяла себя в руки:

— Ева, — коротко ответила она.

Старик улыбнулся. Его рука инстинктивно взлетела к усам, и он начал закручивать их между пальцами:

— Красивое имя, — он вновь посмотрел на неё. — Как ты думаешь, Ева, нам стоит поговорить наедине? Я уверен, что есть многое, что следует обсудить.

Она поочередно смотрела в каждый его глаз, чувствуя легкий трепет в своей душе. Быстро сглотнув, Ева кивнула и соединила руки за спиной. Альберт улыбнулся и перевел

взгляд за плечо девушки.

Патриция быстро приблизилась к старику, отращивая сырые руки. Она вытерла их о свою разорванную белую футболку и посмотрела в сторону пьющей компот Элен. Девочка улыбалась, набивая рот горячим пловом.

— Здесь есть аптечка? Нужно обработать её раны и поменять повязку на голове, — проговорила Пати.

Альберт приоткрыл дверь шире, пропуская девушек к еде: — Патриция, это же учебное заведение. Здесь есть целый медицинский кабинет, а не просто аптечка.

Университет был большим, но Альберт так просто ориентировался в его стенах, что сомнений о его многолетнем труде быть не могло. Он показал запасные выходы на первом этаже, люки на крышу, кабинеты с партами и стульями, ещё один туалет и спортивный зал.

Рик ни на метр не отходил от него, но если несколько часов назад он делал это из-за недоверия и тревоги, то сейчас он следовал за Альбертом по пятам и слушал каждое слово с интересом.

Вечером, когда солнце почти полностью скрылось за горизонтом, Альберт поднялся из-за стола в столовой и направился к выходу:

— Рик, не хочешь помочь мне принести лампы? — спросил он, повернувшись к парню лицом.

Рик просиял от предложения старика и быстро подскочил

на ноги. Он в три шага приблизился к Альберту и послушно пошел рядом с ним. В коридоре ритмично раздавались их шаги, нарушаемые тростью профессора. Альберт аккуратно посмотрел на Рика боковым зрением, и крепче сжал рукоять.

— Сколько тебе лет, приятель? — внезапно спросил Альберт.

Рик вздрогнул от неожиданного вопроса.

— Мой день рождения десятого июня две тысячи девятого года, — ответил парень.

Альберт быстро перевел глаза на него. Он слегка поднял брови и улыбнулся:

— Ну, а лет-то сколько? — вновь повторил он.

Рик покраснел и сжал зубы:

— Вы не умеете считать? — рявкнул он Альберту. Увидев снисходительное лицо старика, парень выдохнул и добавил. — Шестнадцать.

Старик и бровью не повел на его ответ. Он слегка задержал юношу тростью и встал перед ним.

— А читать умеешь? — спросил старик. Рик смотрел на него несколько секунд, затем выдохнул и отрицательно покачал головой.

— Я умею считать только до десяти. Дальше не могу, — признался Рик.

Старик нахмурился:

— Но ты же сейчас назвал год своего рождения. Это гораздо больше десяти.

Юноша повел плечами и обессилено кровит хвост на пол:
— Выучил. Амафей постоянно повторял его, когда записывал свои кассеты.

Альберт кивнул и продолжил:

— А возраст?

Рик стеснительно улыбнулся:

— Это Пати посчитала. Она умеет. И Элен тоже она научила. Обидно, что Патриция научила её считать за неделю, а со мной прекратила заниматься после первого же занятия, — он посмотрел на старика, и его ушки слегка подёргались.
— Вообще-то... Никто из нас троих не умеет читать. Только Ева.

Альберт слегка выпрямился и внимательно посмотрел на парня:

— Ева другая. Она не битвин.

Рик покачал головой:

— Ева - человек. Мы спасли её, когда... — он замолчал и с недоверием посмотрел на старика. — Если посчитает нужным, она сама вам расскажет. Я не собираюсь делиться секретами другого.

Он почесал затылок и опустил глаза в пол. Альберт открыл кабинет на краю правой стороны и пропустил Рика вперед. Битвин сразу заметил несколько настольных ламп на подоконнике, направившись мимо учительского стола. Он быстро осмотрел помещение, и его желтые глаза остановились на фотографии в деревянной рамке. Парень приблизил-

ся к ней, мельком поглядывая на скручивающего провода лампы старика.

Рик быстро взял фотографию в руки и поднес её к лицу. Два человека (а это точно были люди) сидели на переднем плане изображения. И, подумал он, одной из изображенных личностей была маленькая девочка. Детский сарафан был великоват, а одна сторона волос девочки была заплетена в косичку. Прямо как у Пати.

Он внимательно смотрел на фотографию, и чем дольше он это делал, тем страшнее ему становилось.

— Я начал забывать их, — внезапно сказал Альберт. — Когда я только появился здесь, их лица были такими живыми и четкими. Словно я смотрел в окно, а не на фото.

Он взял снимок из рук Рика и провел пальцами по размытому месту, где должны были находиться лица. Теперь там были лишь неаккуратные бежевые мазки, скрывающие истинный облик женщин. Рик поднял глаза на старика и свел брови вместе. На его лбу образовалась морщинка, пока он сжимал губы в узкую линию:

— Это...ваша семья?

Альберт вздохнул и вернул снимок на место:

— Да.

С трепетом и нежностью Альберт поставил фотографию на место. Он быстро вытащил из кармана пиджака платок и точным движением протёр стекло. Убрав ткань обратно, старик отвернулся, крепко сжав две лампы в руках, и вышел

из аудитории. Рик молча смотрел ему в спину, чувствуя напряжение в плечах профессора. Бросив последний взгляд на снимок, парень засунул подмышки два светильника и быстро последовал за стариком, захлопнув дверь хвостом.

Глава 5. Эксперимент

Осень выдалась очень пасмурной и дождливой. На самом деле, самой дождливой из всех, какие только успел за свою жизнь увидеть Альберт. Как только наступил сентябрь нового учебного года, дождь не прекращался ни на секунду. Был конечно ноябрь, и вместо снега, который мог бы скрыть неприятную слякоть на дорогах и тропках, на небе каждый день блестели раскаты грома и молний. Казалось, сама природа возмущается против чего-то. Но чего?

Альберт шел по коридорам, практически полностью погруженным во тьму. Последняя пара за сегодня закончилась почти два часа назад, но только сейчас он смог освободиться от бесконечной бумажной волокиты. Выполнение программы за семестр, отчет по успеваемости группы, проверка документов по студенческой практике... Бесконечный водоворот шуршания листков А4 и перьевой ручки. Он слышал, как последний студент покинул университет, и в этот момент Альберт ускорился еще сильнее.

Лаборатория находилась в подвальном помещении. Администрация университета выделила значительные суммы в конце прошлого мая, и рабочие сутками трудились на цокольном этаже учебного учреждения. Новое оборудование и техника заставляли Альберта чувствовать невероятный трепет в животе. Он почти бежал по ступенькам, предвкушая

работу. Свет в лаборатории был включен, как он и предполагал. Дверь была слегка приоткрыта, и он сощурился, когда до его ушей донесся громкий писк. Неприятный звук пробивал до самых костей, пока он распахивал железные створки.

Альберт вошел в лабораторию, прикрыв за собой дверь. Аман Фейрстоун, ставший в кратчайшие сроки одним из сильнейших студентов своего потока, сидела за длинным столом, принадлежавшим Альберту. Наклейка «А. Колотий, доктор медицинских наук» как яркое пятно сверкало на тёмной серой столешнице. Не многим преподавателям позволялось иметь собственное место для исследований. А ему, Альберту, позволили заведовать целой лабораторией. Парень раздраженно напряг плечи, и мышцы на его худощавом, но жилистом теле, резко заходили под белой рубашкой. Она что-то бурчал себе под нос, но профессор не мог точно слышать фразы.

— Почему у тебя так громко, Аман? — спросил он с волнением в голосе. Он быстро сократил расстояние между собой и студентом, поправив свой галстук.

Парень повернулся к профессору и поправил свои очки. Одно из стекол было треснуто уже много месяцев, когда он резко отпрыгнул от крысы во время одной из лабораторных работ. И сейчас ему приходилось присматриваться, чтобы понимать, кто стоял перед ним. Он опустил голубую медицинскую маску на подбородок и сглотнул.

— Крысы очень громкие, профессор Колотий. Всё время

двигаются и не даются. Я бы давно уже взял биоматериал, но они...

— Ты что, проводишь пункцию у крыс на живую? — с недоверием спросил Альберт. Он посмотрел за плечо Амана и увидел пищущее животное, едва хватающее пастью воздух. Желтые длинные зубы грызуна стучали друг об друга, пока из нижней части непропорционально пухлого живота крысы сочилась кровь. Существо было пристегнуто к белой доске, а ремни натягивались на его брюшке до такой степени, что глаза животного налились кровью.

Аман вздрогнул и быстро отложил шприц в сторону.

— Как я мог забыть...

Он поднялся со стула и направился к дальнему шкафчику с наклейкой «Анестезия». Порывшись на полках несколько секунд, парень вернулся к изучающему снимки узи Альберту. Мужчина внимательно смотрел данные и анамнез животного. Заметив приближение юноши, профессор отложил папку и сложил руки на груди:

— Довольно взрослая самка. Хороший выбор для биопсии, — одобрительно кивнул Альберт.

Аман слегка улыбнулся уголками губ и остановился перед столом и лежащей на нём крысой. Быстрым точным движением он набрал в инсулиновый шприц нужную дозировку анестетика и приподнял холку животного. Крыса едва успела издать тихий визг, когда шприц пронзил её кожу, и парень ввел препарат. Альберт внимательно следил за каждым дви-

жением Амана, сжав руки за спиной. Одобрительно кивнув, он взял отложенный шприц в руку и быстро положил его в специальный желтый контейнер.

— Молодец, Аман. Движения стали точнее, время сократилось до минуты манипуляций. Великолепный результат для второкурсника.

Парень снял очки и очистил их краем своего университетского свитера. На этот раз его улыбка была широкой и искренней. Пожалуй, только Альберт мог видеть его таким. Аман тщательно тёр стекла, одновременно с этим отвечая Альберту:

— Как вы учили, профессор. Сделал по правилам.

Альберт слегка выпятил грудь, чувствуя в душе нарастающую гордость. Почти весь первый год обучения Аман фактически не покидал университет. Он бесконечно читал, проводя всё своё свободное время в лаборатории. Порой Альберту казалось, что желание парня знать так много граничило с безумием. Но как он мог противостоять ему, если сам был таким же. Являлся таким же до сих пор.

Долгое время Аман держался отстраненно от всех. Он редко общался с однокурсниками и другими преподавателями, однако, в то же время, не был изгоем. Но чем больше знаний предлагал ему Альберт, тем ближе он подпускал профессора к себе. С каждым днём он всё больше и больше привязывался к белокурому юноше, так сильно жаждущему полностью погрузиться в то, что Альберт любил всей душой.

Никогда в жизни он не встречал такого ученика. Конечно, за практику в университете ему попадались одаренные студенты. Но их мотивации хватало ровно до диплома. А некоторым - до первой неудачи в эксперименте. Аман был совершенно другим. За год у него были сотни неудачных попыток лабораторных работ. Но ни разу он не бросил начатое. Альберт видел, как Аман до самого закрытия сидел в библиотеке, штудируя десятки статей генетиков и биологов. Ему не нужно было даже спрашивать его на экзамене. По одному взгляду юноши он понимал, что тот знает всё. И даже больше.

В середине прошлого года после очередной неудачной попытки взять кровь из симулятора в виде человеческого локтя, Аман лишь крепче сжал зубы, вновь пробуя попасть в сложную вену. Когда игла почти пронзила силиконовую имитацию кожи, Альберт подошел к нему и остановился за спиной юноши. Аман повернулся к нему и внимательно посмотрел на профессора. Он ожидал выговора, отметки «неуд.», замечания. Но Альберт протянул свою ладонь и поставил пальцы юноши так, как следовало установить их изначально. Аман замер, позволяя мужчине исправить свои ошибки:

— Теперь быстро и резко, но не торопись слишком сильно. Напряги ладонь и крепче сожми шприц, — сказал Альберт и жестом дал ему знак начинать.

Аман кивнул и в точности выполнил всё, как и сказал профессор. Стоило ему проткнуть иглой симулятор, емкость на-

чала наполняться окрашенной в красный цвет жидкостью, имитирующую венозную кровь. У него получилось.

Альберт довольно улыбнулся и кивнул. Его плечи расслабились, и он молча смотрел, как Аман меняет колбы.

— Ещё раз, Аман. Теперь сам.

И сейчас, глядя на точные вызубренные движения юноши, профессор довольно улыбнулся. Крыса перестала шевелиться, погрузившись в медикаментозный сон. Аман поменял перчатки и вновь вернул маску на лицо. Очки очень мешали ему видеть четко, как бы странно это не звучало. Он прищурился, пытаясь сфокусировать зрение сквозь треснутое стекло. Взяв шприц в руку, парень нагнулся над крысой и вновь нажал пальцем на вздутый живот существа.

— Аман, — предупреждающе начал Альберт. — Запись. Я говорил тебе записывать всё. Даже собственные вздохи. Иногда это принципиально важно. Не забивай включать диктофон.

Юноша вздрогнул. Он кивнул и локтем, чтобы не менять перчатки снова, нажал на красную кнопку на магнитофоне профессора. Шипящий звук заполнил помещение, и Альберт довольно кивнул.

— Двадцать девятое ноября. Лабораторное исследование репродуктивных функций декоративной крысы и... — начал Аман.

— Имя исследователя, — напомнил Альберт.

Парень кивнул:

— Аман Фейрстоун, студент второго курса факультета экспериментальной генетики и медицины. — он мельком взглянул на Альберта. — Я слишком увлекся сбором биоматериала, — объяснился он.

Альберт отмахнулся и вновь взял в руки бумагу с анамнезом. Он раскрыл белую папку, и глаза профессора забегали по печатному тексту.

— Итак, ещё раз. Стандартная декоративная крыса. Самка, два года, четыреста грамм, — он громко хмыкнул. Перевернув страницу, Альберт задумался и взглянул на Амана, — Многовато для такого вида.

Аман кивнул. Он уже погрузил половину иглы в брюхо животного и набирал в него светло-розовую жидкость. Альберт с непониманием посмотрел на наполняющуюся ёмкость. Не нужно быть умником, чтобы понять, что это была далеко не кровь. Он быстро вернулся к анамнезу и охнул:

— Она что, беременная? — почти прошептал профессор.

Аман вытащил шприц и поднял его на лампу, чтобы оценить чистоту набранных околоплодных вод. Убедившись в идеальном качестве, он ослабил ремни на животе крысы и повернулся к Альберту.

— Четыре детёныша, профессор Колотий. Две самки и два самца.

Альберт сглотнул. Он быстро остановил запись на магнитофоне и свёл брови к переносице.

— Аман, это запрещено. Тебе следовало сначала спросить

разрешения, — он сжал кулаки, едва сдерживая гнев. Суставы на пальцах Альберта побелели от напряжения, и он начал тереть пальцами края своих рукавов.

Перевязав брюшко грызуна бинтом, юноша переложил спящее животное в клетку и закрыл щеколду на дверце. Он отложил шприц в алюминиевую плоскую и виновато повернулся к Альберту.

— Вы говорили, что лаборатория в моём распоряжении и...

— Да, но я не имел в виду, что можно нарушать уголовный кодекс, Аман! — он глубоко вдохнул, чувствуя внутри себя ярость. Прикрыв глаза, Альберт попытался вернуть себе самообладание. — В науке грань между исследованием и живодерством чрезвычайно тонкая. И сейчас ты занимаешься вторым!

Парень вздрогнул. Он стащил с ладоней перчатки и взял шприц в руки. Повернувшись к профессору, Аман снял очки и внимательно посмотрел на Альберта. Казалось, что он собирается с силами высказать то, что собирался объяснить уже очень давно. Вновь повторив глубокий вдох, парень начал:

— Профессор, пожалуйста, взгляните сюда, — он взял шприц и вновь поднял его перед лампой. Альберт, едва сдерживая гнев, взглянул на розовую жидкость. — Чистейший экземпляр. Наше исследование произведет фурор на следующей конференции. Вы же сами говорили, что открытия

стоят многого.

Альберт вновь взглянул на Амана:

— Мы должны знать границы, Аман. Твоя свобода в исследовании заканчивается там, где начинается жизнь и здоровье другого существа. Это отличается ученого от безумца.

Парень с недоверием посмотрел на Альберта. Кивнув, юноша прошел к шкафчику с одноразовыми материалами и оборудованием, повернув небольшой замочек внизу прозрачной дверцы. Парень взял два стекла и быстро выдавил из шприца небольшую каплю околоплодных крысиных вод, зажав её между ними. Жидкость моментально распределялась на поверхности, превратившись из бледно-розовой в прозрачную. Быстро настроив микроскоп, он вновь посмотрел на Альберта.

— Прошу, профессор, взгляните. Всего один раз.

Мужчина заколебался, глядя на восторженное лицо парня. Выдохнув, на негнущихся ногах он подошел к столу и наклонился над микроскопом. Витиеватые линии, напоминающие кустарники и ботву от моркови, заполнили всё пространство на стекле. Альберт с восторгом наблюдал за движениями жидкости между стекол, на секунду забыв о способе её получения. Аман был прав: это великолепный экземпляр.

— Это будет прорывом, профессор, — вновь начал Аман. — Наше исследование станет символом нового начала в науке. И я точно знаю, что моя курсовая работа вам понравит-

ся. Вы, как научный руководитель, буквально взлетите в рейтинге докторов.

Альберт выпрямился. Перед его глазами по прежнему стоял образ раздутого беременного брюха крысы, пока он не сменился другим. Он никогда не хотел славы, это пришло к нему само. Альберт лишь искренне любил то, что он делает, наслаждаясь каждым проведенным часом в лаборатории. Но представив себе лица высокопоставленных светил медицины и биологии, он не смог сдержать легкую улыбку. Аман был прав. Изучение репродуктивных функций животных было темой, которую можно было исследовать бесконечно.

— Тебе стоит думать не о лестных высказываниях в мою сторону, Аман. А о том, чтобы об этом никто никогда не узнал. Ещё раз повторяю: это нарушение законодательства.

Он облизал внезапно пересохшие губы и дернул усами. Альберт сам слышал, как неуверенно звучали его фразы и высказывания. Как он мог убедить в неправильности выбранной стратегии студента, если сам колебался, услышав предложения Амана. Парень смотрел на профессора, боясь даже моргнуть. Каждая секунда молчания заставляла юношу напрягаться сильнее и сильнее. В конечном итоге, он опустил плечи и сел на стул, подняв глаза на Альберта:

— Давайте попробуем, профессор. Без вашей подписи я не могу получать материалы. Вы не пожалеете.

Альберт поднял глаза на Амана. Он должен отказаться. И откажется, ведь то, каким образом Аман исследует детород-

ные функции грызунов, просто отвратительно. Слава и успех не стоят того, через что могут проходить существа, попавшие на этот стол. Не стоят.

— Хорошо, — внезапно сказал Альберт. — Я поддерживаю твой эксперимент по изучению репродуктивных функций грызунов. Но ты должен пересмотреть способ взятия биоматериала, Аман. Если это всплывет, я не смогу помочь тебе.

Юноша довольно кивнул.

— Учту, профессор. Я больше не совершу подобной ошибки.

Альберт выдавил из себя неуверенную улыбку и вновь посмотрел в микроскоп.

— Ты ещё не сдал тему своей курсовой работы. Для чего тебе этот материал?

Аман быстро зарисовывал узоры, наблюдаемые через увеличительное стекло. Закончив, он вложил бумагу в папку с анамнезом крысы и захлопнул её.

— Я долго читал про искусственное оплодотворение у людей. На самом деле, сама идея этого немного...эгоистична.

Альберт поднял брови и с удивлением уставился на Амана:

— Эгоистична?

Парень кивнул и завязал края папки белой ниткой:

— Да. Ведь таким образом человек уничтожает естественные природные законы. Разве для оплодотворения не нужны самка и самец?

— Нужны мужской и женский биоматериалы, — поправил его Альберт.

Аман довольно улыбнулся:

— Вот именно. Я подумал... какая разница, какой вид выводить искусственно. Если человек не боится нарушать законы природы ради себя и своей выгоды, почему нельзя восстановить вымирающих животных этим же способом.

Альберт приоткрыл рот. Он чувствовал, как внутри него перевернулось собственное сердце. Присев на стул напротив Амана, он открыто уставился в глаза юноши:

— Ты хочешь исследовать... ЭКО у грызунов? — почти прошептал он.

Аман быстро кивнул:

— Да, профессор. Я хочу лично нарушить пару законов природы. Своими собственными руками.

Альберт сжал зубы и прищурился. Аман, словно не замечая замешательства профессора, поднялся со стула и аккуратно вернул папку на место. Крыса зашевелилась в клетке, вновь начав тошнотворно попискивать. Взяв клетку за рукоять, Аман поправил непослушные волосы и быстро вышел из лаборатории.

Альберт не считал, сколько часов он просидел в полной тишине. Слова Амана задели его глубоко за душу, пока он уговаривал себя отказать своему студенту. Но ведь такая работа способна привести их к небывалым успехам. Он громко выдохнул и сжал руки в кулаках. Отправив шприц с около-

плодными водами в специальный холодильник, профессор вышел из лаборатории, приняв окончательное решение.

Глава 6. Внучка

На этот раз тишина отличалась от той, что была на стороне Амафея. Если там Ева хотела отдалиться и спрятаться от гнетущего напряжения, то здесь, в сумраке наполненной аппетитными запахами столовой, девушка спокойно лежала на накрытом тряпками и матами полу. Рик нашел спортивный инвентарь в одной из кладовых спортзала. По крайней мере, Альберт сделал вид, что никогда не знал о существовании матов, и Рик весь вечер ходил довольный собой.

Вспомнив самоуверенное выражение парня, Ева слегка улыбнулась, но затем сильнее сжалась калачиком. Сон никак не мог погрузить её в свои объятия. Она почти два часа лежала в темноте, прислушиваясь к звукам вокруг. Громкое сопение Рика умело сплеталось с едва слышным дыханием Патриции. Светловолосая девушка лежала на животе недалеко от Евы, пока её левое крыло расслаблено прикрывало маленькое тельце Элен. Девочка свернулась в позе эмбриона под боком Пати, прижимаясь лбом к её предплечью. Перепончатые крылышки девочки были сложены на лопатках, плотно прижатые к спине.

Ева вновь завертелась и отвернулась от подростков. Почти неделю она была с битвинами, но не могла понять, почему они так легко приняли её. Это было дико для неё. После смерти мамы отец никогда не подпускал дочь к себе ближе,

чем на расстоянии вытянутой руки. Нет, после предательства мамы...

Лицо Герти словно прилипло к внутренней части её век, и девочка плотно сощурила глаза. Сейчас, оставшись в тишине со своими мыслями, она чувствовала сильное жжение в груди. Почему? Почему она это сделала? Почему она предала её? Предала папу? Предала всех? Вопросы наполняли и без того гудящую от отрывавшихся порталов голову. Ева натянула рукава свитера на свои ладони и прижала их в носу. Ей казалось, что ноздри до сих пор улавливают запах гари и пепла после пожара в укрытии, и девушка поморщилась, чувствуя резкую тошноту.

Сил лежать и мучиться больше не было. Да и желания тоже. Она поднялась и тихо направилась к выходу из столовой. Не заметив стоящий возле стола стул, Ева случайно задела его бедром, издав ножкой мебели резкий скрип по кафелю. Она задержала дыхание и прислушалась. «Лишь бы не проснулись остальные», — промелькнула в голове мысль, пока она продолжала идти к выходу. Выпорхнув из столовой, Ева не заметила, как светлые карие глаза распахнулись и внимательно проследили за её удаляющейся спиной.

Она шла по коридорам университета, направляясь к триста двадцать пятому кабинету. Поднявшись на третий этаж, Ева обратила внимание на расписание пар. Единственное слово, которое она смогла прочитать, было «расписание». Остальные буквы словно были полустёртыми эльфийскими

символами, прочитать которые было просто невозможно. И она понимала, почему. Альберт... дедушка говорил, что всё в этом мире — плод его воспоминаний. И как он мог помнить расписание пар, которое было актуально семнадцать лет назад. Она покачала головой и продолжила идти к нужному кабинету.

Тусклый свет пробивался через приоткрытую дверь. Ева остановилась в метре от входа в аудиторию, сжав руки в кулаки. Она почувствовала, как её дыхание ускорилося, а ладонь покрылась испариной от кончиков пальцев до запястья. До её ушей доносился звук царапающего бумагу карандаша. Не сумев унять своё любопытство, она просунула нос в приоткрытую дверь и присмотрелась.

Дедушка сидел за учительским столом, низко склонившись над поверхностью. Его старческие пальцы крепко держали оранжевый карандаш, пока он выводил витиеватые линии на бумаге. Вельветовый пиджак висел на спинке стула позади мужчины, пока он старательно и с особой нежностью водил грифелем по листку. Казалось, вокруг дедушки исчез весь мир, настолько он погрузился в рисование и полностью вник в процесс. Ева смотрела на его руки и сжала зубы друг с другом. Она сглотнула, крепче взявшись за дверной косяк. Столько раз Ева просматривала страницы лучших медицинских сайтов, вчитываясь в научные труды, написанные дедушкой. Он писал кратко, моментально цепляя читателя. И это ей безумно нравилось.

Альберт отложил оранжевый карандаш и взял другой. Он внимательно посмотрел на сточившийся кончик карандаша, недовольно выпячив губу. Открыв один из ящиков стола, профессор достал небольшие металлические лезвие и начал точить грифель. Ева вздохнула, заметив, что руки Альберта слегка дрожат. Она расправила плечи и постучалась в кабинет.

Дедушка моментально повернул голову. Несколько секунд она стояла, как вкопанная, боясь пошевелиться. Но затем поправила края свитера и тихо вошла в кабинет:

— Вы... умеете рисовать?

Альберт улыбнулся. Он откинулся на спинку стула и жестом пригласил Еву подойти ближе. Девушка со стеснительной улыбкой прошла к учительскому столу и внимательно посмотрела на рисунок. Портрет девочки, изображенный на бумаге, был выполнен так кропотливо, что она слегка расширила глаза от удивления. Рыжие волосы слегка прикрывали глаза, кончиками касаясь курносого носа, а пухлые губы изогнулись в легкой улыбке... кого-то она напоминала.

— Это я? — спросила она, узнав свой острый подбородок и широкие брови.

Альберт хмыкнул:

— Нет, — он ласково провел рукой по изображению. — Это твоя мама.

Ева вздрогнула, почувствовав, как тошнота снова сковывала её движения. Она сглотнула и быстро взглянула на де-

душку.

— Вы сразу поняли, да? — спросила она.

Он медленно кивнул, обдумывая каждое свое движение и слово, словно перед ним было запуганное животное, а не собственная внучка.

— В ту же секунду, как увидел. Мне не нужно было даже спрашивать. Ты поразительно похожа на свою маму. Я запомнил её именно такой.

Он поднялся и прошел к первым партам. Взяв стул под спинку, он поставил его перед своим столом и вновь плюхнулся на кресло.

— Думаю, нам надо поговорить, Ева. Я вижу, что у тебя много вопросов, — он сглотнул. — Вообще-то, я думаю, что у меня их даже больше... — улыбнулся Альберт и жестом пригласил внучку присесть.

Она нерешительно села на предложенный стул и напряглась так, что её спина резко выпрямилась.

— Ты не пропал, да? Ты всё время был здесь? — начала она.

Дедушка едва кивнул и прикрыл глаза. Он потер переносицу и провел пальцами по своему лицу:

— Я заслужил это. То, что я здесь - далеко не случайно. Это... моё наказание.

— Наказание? — вздрогнула Ева.

Дедушка кивнул:

— Много лет назад я совершил ужасную ошибку, Ева. От-

вратительную и непростительную ошибку. И моё заточение здесь - лишь малая доля того, что я заслужил, — он замолчал, пронзая ее взглядом. Чем дольше он хранил молчание, тем сильнее она начинала нервничать.

Альберт даже не замечал, как начал отстукивать пальцами неопределенный ритм. Ева мельком посмотрела на его руки. Он очень переживал, это было очевидно. Но что ей сказать, чтобы хоть немного успокоить расшатанной нервы дедушки. Глубоко вздохнув, она нарушила тишину:

— Меня зовут Ева Прайз. Мне четырнадцать лет. Мой день рождения восьмого апреля. Я люблю светлую одежду, ванильное мороженое и книги. Мне нравится читать фэнтези и фантастику и совсем не нравятся комиксы. Я люблю весну и запах свежести. Мне не нравится кофе, но я могу литрами пить цикорий. А ещё я боюсь высоты, ужасно боюсь.

Альберт широко раскрыл глаза. Он жадно впитывал каждое слово девочки, будто от этого зависела его жизнь. Хотя, может и зависела. Он широко улыбнулся, и его усы поднялись вверх вместе с губами:

— Ты чудесная, Ева. Само совершенство, — он вздохнул, расслабив плечи. — А мама? Как твоя мама? Я очень по ней скучаю.

Ева сглотнула.

— Мама... она... — она бросила взгляд на рисунок, всё ещё лежавший перед ней. Нет, она не в силах сказать ему правду. Не сможет. — Мама умерла восемь лет назад.

Альберт побледнел и его руки обессилели и упали на старческие колени. Он приоткрыл рот, но не сказал ни слова. Взглянув на рисунок, он едва смог поднять ладонь и положить её на изображение Герти.

— Я... я... — начал он, но не смог сказать ни слова. По его щекам покатались слёзы, пока он гладил нарисованные щеки дочери. — Я... я так хотел снова её увидеть. Я так...

Он поставил локти на колени и спрятал лицо в ладонях. Тишине рыдает наполнили комнату, пока по его кистям стекали дорожки, превращаясь в пятна на штанах. Он плакал беззвучно, словно боялся, что его кто-то услышит. Альберт всхлипнул и поднял красные глаза на внучку. Он с силой потер веки и вновь откинулся на спинку стула.

— Я так старался сбегать её. От этого ужаса. Но не смог...

Ева вздрогнула, чувствуя жжение в груди. Дедушка всхлипывал, сжимая свои колени так, что его пальцы глубоко погружались в ткань брючного костюма. Её совесть буквально рвала изнутри, но она держала язык за зубами, не глядя на дедушку. Она соврала. И сейчас оправдаться уже не сможет. Ева сидела тихо, внушая себе правильность такого поступка. Но видя страдания Альберта, она уже не была так уверена в этом.

Несколько минут дедушка молчал, изредка вытирая слёзы со своих щек. Он неуверенно посмотрел на Еву, и в его глазах вновь заблестела влага. Она не успела даже вздохнуть, когда Альберт положил руку на её ладонь и притянул к своей

груди. Он крепко обнял её, продолжая хрипло дышать.

Ева замерла, боясь пошевелиться. Она столько нет ни с кем не обнималась. Папа буквально отшатывался от неё, когда она хотела заключить его в объятия. Устав от такой реакции, девушка и вовсе перестала к нему приближаться. И сейчас чувствовать тепло чужого, но в то же время родного тела, было сродни лекарству от затяжной болезни. Впервые за много лет она чувствовала себя... дома. Словно вернулась назад из многолетнего странствия и после долгого аскетизма. Глубоко вдохнув и почувствовав запах дедушкиного одеколona, она расслабилась и неуверенно обняла Альберта в ответ.

Патриция замерла возле двери, прислушиваясь к каждому произнесённому Альбертом звуку. Когда его рыдания затихли, она вновь напрягал слух и задержала дыхание.

— Амафей... — начал Альберт. — Нет, Аман был моим учеником. Самым талантливым и усердным из всех, что у меня были. Я видел в нем самого себя, когда он часами повторял один и тот же эксперимент, пытаясь довести его до идеала. Его идеи рождались буквально из ничего. И я с восторгом читал каждый его труд...

Пати сглотнула, опустившись на корточки рядом с дверью. Она почти не дышала, проглатывая каждую фразу о своем отце. Альберт перевел дыхание, чувствуя напряжение в груди:

— Я... я был ослеплен его успехами. Лучи его славы мерцали так ярко, что я и сам начал греться под их светом. И это тепло в итоге меня обожгло.

Пати услышала, как Альберт поднялся со стула и прошел прямо по кабинету. Отворив окно, он громко втянул воздух и откашлялся.

— Я не замечал, как его эксперименты становились всё отчаяннее и ужаснее. Он делал это так незаметно, что казалось, будто всё движется вперед именно так, как и должно. — ткань его костюма издала мягкий звук, и Патриция поняла, что он повернулся к Еве. — И я... позволил ему продолжать. Более того, я сам участвовал в его экспериментах. И когда мне начали поступать предложения о сотрудничестве, ревность и зависть затмили его и без того грешное сердце.

Пати судорожно кусала нижнюю губу, пытаясь скрыть своего волнения. Он слегка нагнулась и увидела спину нагнувшегося над подоконником Альберта. Он крепко сжимал пластиковую раму, пока переводил дыхание:

— Он выступил против самой Матери Природы, Ева. Поставил себя на один уровень с бесконечным. А я всячески его поддерживал. Мы бросили вызов тому, с чем не может справиться никто. И она нас наказала...

Альберт вновь развернулся, и Пати резко отпрянула от двери. Её грудь быстро поднималась и опускалась от судорожного дыхания. Но не услышав шагов в сторону двери, она поняла, что её не заметили.

— Ту девочку, Патрицию, он смог... создать первой. Его не останавливали неудачные попытки, и когда казалось, что пути вперед нет, он смог переделать саму суть эксперимента. Он сам стал донором биоматериала, Ева. Его собственная дочь стала главной ошибкой природы. Но для него — она результат самого успешного эксперимента в его жизни. А может, и в науке в целом.

Пати сжав руки в кулаки, чувствуя, как краснеют её щеки от обиды и гнева. Она едва сдержала слёзы за веками, пока продолжала слушать тираду Альберта:

— Когда стало ясно, что Патриция будет жить, его радости не было предела. Ну конечно, он своими руками вывел совершенно новый вид живых организмов. Аман называл её мутантом, но я знал, что он не считает свою дочь таковой. Было очевидно, что человеческого в ней больше, чем животного. И он пытался это скрывать. Сейчас я понимаю, почему он пытался скрыть её способности к когнитивным функциям. Мне хватило одного вечера, чтобы понять, что Патриция умна и сообразительная. И его это пугало ещё с того дня, когда он увидел извилины на УЗИ.

Альберт вновь куда-то прошел, параллельно пододвинув один из стульев к парте. Пати вздрогнула, когда услышала голос Евы:

— Если... если Амафей считал, что Патриция так дорога, почему он так жестоко обращался с ней?

Альберт хмыкнул:

— А были те, с кем он не обращался жестоко? Я не увидел это в нём сразу, Ева. И такой груз навсегда будет со мной, — он закрыл окно и сел за свой стол. — Аман - психопат, Ева. Его мозг другой. Он не способен к чувствам и эмоциям. Поэтому...

— Он не может открывать портал, — прошептала себе под нос Пати.

— ...он не может открывать портал, — одновременно с ней закончил Альберт, — Ни о каком аффектуса речи в его случаи быть не может. И уж тем более о транквилизе. Его душа стала такой чёрной, что никакого просвета для спокойствия там не окажется.

— Поэтому он хотел вызвать аффекту с Пати? — уточнила Ева.

Альберт кивнул:

— Да, но судя по тому, что он ещё здесь, а Патриция не открывает порталы, у него это не вышло.

Патриция хотела ворваться в аудиторию и задать миллион своих вопросов. Хотела поговорить с профессорам с глазу на глаз. Но она лишь сидела возле двери и мысленно повторяла: «Пожалуйста, спроси «почему»! Спроси!»

— Почему? — словно услышав её мысли спросила Ева, и Пати облегченно выдохнула.

— Потому что она может открывать его только транквилизом. Спокойствием, Ева. Как и я.

Пати сглотнула. Альберт вновь поднялся из-за стола и

прошел к шкафу, начав передирать старые потрепанные тома.

— Я её научу. Научу, и вы выберетесь отсюда. Я помогу вам вновь попасть на его лабораторию. Открыть портал домой можно лишь оттуда. Остальные порталы - это не выход. Каждый пруд представляет собой травмирующее воспоминание из прошлого. Что-то, что давит на человека так сильно, что он даже подумать об этом боится.

Патриция напрягалась и придвинулась к двери. Альберт вздохнул, повернувшись к Еве:

— И они нужны для того, чтобы...

— И тебе не стыдно!?! — услышала Патриция шепот рядом с собой. Она резко повернулась, встретившись носом с Элен. Девочка сидела рядом с Пати, сложив руки на груди.

— Элен! — почти прошипела Пати. — Что ты тут делаешь? Иди спать! Я скоро вернусь.

— Зачем ты подслушиваешь, Пати? — не унималась девочка.

Патриция нахмурилась. Она быстро взглянула в дверной проем и охнула, когда увидела, как Альберт и Ева направляются к двери. Вскочив, она схватила руку Элен и потянула её к соседнему кабинету. Влетев в него со всех ног, Пати тихо прикрыла дверь и выдохнула. Размеренные шаги старика и быстрая походка рыжеволосой девочки были буквально за стенкой, и Пати замерла, надеясь, что их не заметили. Когда звук утих, девушка выдохнула и начала открывать дверь:

— Пойдем спать, Элен, — она потянула ручку на себя, но слепая девочка резким ковром ладони захлопнула створку обратно.

— Почему ты подслушивала, Пати? — вновь процедила Элен.

Патриция широко открыла глаза и с удивлением посмотрела на девочку. Она недовольно облизала губы и выпрямилась:

— Так было надо.

Элен явно не устроил такой ответ. Она покачала головой недовольно хмыкнула:

— Почему ты не отвечаешь, Пати? Зачем ты сюда пришла?

— Это сложно, Элен, — начала она, и не смотря на то, что её голос был спокоен, в нем слышалось легкое раздражение. — Так нужно было.

— Для чего? — вновь проговорила Элен.

Патриция рыкнула:

— Надо и всё! Я посчитала это нужным.

Элен опустила плечи от резкого ответа Патриции. Она быстро хлопнула слепыми глазами и сжала кулаки:

— Ты хочешь научиться открывать портал, да?

Пати вздрогнула:

— Элен, хватит! Пошли спать. Я поговорю с Риком, и мы решим, что...

— Поговори со мной. Я тоже могу что-то посоветовать,

— с обидой проговорила Элен.

Пати выдохнула и раздраженно посмотрела на Элен:

— Я поговорю с Риком, Элен. Мы обсудим дальнейшие действия. Ты ещё маленькая.

Пати отвернулась, собираясь выйти из кабинета. Элен топнула ногой и крикнула ей в спину:

— Почему вы не прислушиваетесь ко мне!? Я прошла всё вместе с вами! С Евой! Но ты даже не слушаешь меня, Пати!

— Элен сдвинула брови к переносице, и её крылья судорожно двигались из стороны в сторону.

— Хватит, Элен! — рывкнула Патриция. — Ты ещё не доросла до того, чтобы что-то советовать. Мы только и делаем, что наньчимся с тобой. А ты сейчас жалуешься. Иди спать! Я устала!

Элен замерла, широко открыв глаза. Ей не нужно было щелкать, чтобы понять, куда ушла Пати. Она слышала шаги девушки в сторону лестницы, и её когти протыкали дырочки на ткани черных шортиков. Она крепко сжала зубы друг с другом, пытаясь унять подступившую обиду. Она никогда ни с кем не спорила и не ругалась, но когда видела, как это делали Рик и Патриция, с интересом наблюдала за ними. Даже когда они вздорили, казалось, что каждый из них пытался привести свои аргументы за и против. Но Пати даже не позволила ей сказать слово. Она просто... ушла.

Глава 7. Виды

— Ева, — услышала она сквозь сон звучный и требовательный голос Патриции. — Ева. Ева, вставай. Альберт сказал, что хочет нам что-то показать.

Пати слегка потрепала рыжеволосую девочку по плечу, присев на колени рядом с ней. Её птичьи когти впивались в мягкое ковровое покрытие столовой, пока она будила Еву быстрыми движениями руки. Её массивные крылья были сложены за спиной, и изредка вздрагивали от движений.

— Что? — едва открыв глаза проговорила рыжеволосая девочка. — Показать?... Сколько сейчас времени?...

Патриция быстро кивнула и выпрямилась.

— Альберт попросил прийти в кабинет на четвертом этаже. Он хочет что-то показать и рассказать. Я увидела его в коридоре десять минут назад. Такой шустрый... — она отвела глаза и задумалась.

Убедившись, что Ева проснулась и уже приняла вертикальное положение, Пати прошла к храпящему недалеко от них Рику. Он закинул обе руки за голову и слегка приоткрыл рот, придавая своему храпу ещё больше децибелов. Волосы парня прикрывали ему один глаз, пока он облизывал губы во сне. Патриция присела возле него и аккуратно положила руку на плечо:

— Рики... — шепотом произнесла она, трогая его плечо.

— Рики... Вставай.

Парень сощурился и отвернулась на бок. Патриция недовольно поморщилась. Она уже смелее положила обе руки на плечо юноши, повернув его к себе. Рик закричал и открыл глаза. С трудом сфокусировав свой взгляд на больших карих глазах девочки, он раздраженно выдохнул:

— У тебя привычка будить меня по пустякам, да? — недовольно проговорил он.

Пати расслабилась и слегка улыбнулась:

— Нам нужно поговорить с Альбертом, Рики. Всем.

Парень потер веки и кивнул, он взялся за край скатерти, которую использовал в качестве одеяла, и начал отодвигать её. Но внезапно он замер и покраснел. Его руки слегка вздрогнули, и юноша схватился за ткань, сильнее натягивая её на себя обратно. Пати заметила резкое изменение на его щеках. Она с удивлением посмотрела на его лицо и открыла рот, чтобы задать вопрос, но Рик опередил её:

— Вы идите, а я вас догоню, — почти протараторил Рик.

Пати сузила глаза и сложила руки на груди:

— Это ещё почему? — процедила она. — Мы пойдём все вместе.

Рик покраснел ещё больше, и его бледные зеленые щеки приобрели почти алый оттенок. Он сглотнул и вновь внимательно посмотрел в глаза Патриции:

— Просто... так надо. Идите, я вас догоню.

Патриция продолжала буравить его взглядом. Заметив ру-

мянец, она слегка расслабилась и протянула руку, чтобы потрогать его лоб.

— Ты не заболел, Рики? Ты весь красный и горишь, как...

Стоило только её прохладной руке коснуться его разгоряченного лба, он втянул носом воздух и замер. Его грудь судорожно поднималась вверх и вниз, пока он смотрел на тонкую шею Пати. Он видел место, где бился пульс. Нежная светлая кожа подрагивала по каждому удара сердца, и он едва смог отвести взгляд. Почти зарывав, Рик резко отвернулся. Ска-терть натянулась в его руках с такой силой, что в столовой раздался громкий треск. Он сглотнул и из-за плечо бросил фразу в сторону Патриции:

— Пати, идите в кабинет. Я приду через минут десять. Просто оставь меня.

Она вздрогнула, продолжая держать руку рядом с его головой. Затем, сделав глубокий недовольный вдох, Патриция поднялась и кивнула.

Ева быстро потрепала волосы руками и, затянув шнурки на своей обуви, вышла из столовой, направившись к лестнице. Пати уже следовала за ней, когда заметила, что Элен быстро набила рот булочкой с маком. Девочка жевала и одновременно с этим поправляла молнию на своей спортивной кофточке. Пати улыбнулась и остановилась возле двери, ожидая приближения девочки.

Рик по-прежнему сидел на полу, скрючившись вопросительным знаком. Он не смотрел в сторону Патриции, напра-

вив всё своё внимание в огромное окно на стене. Парень так и не сбросил с себя скатерть, продолжая прижимать её к себе. Девушка с непониманием смотрела на его спину, пока не услышала чавканье слепой девочки. Элен проглотила сладость и защелкала, направляясь в сторону выхода. Она быстро петляла между столами и стульями, приближаясь к Патриции.

Пати протянула руку в сторону девочки и уже собиралась взять её за запястье:

— Ну что, пойд... — но Элен резко отшатнулась, одёрнув свою руку. Выскочив из столовой, она почти побежала в сторону лестницы, не глядя на Патрицию.

Несколько секунд Патриция молча смотрела на свою ладонь. Затем, скорчив недовольную гримасу, она рывкнула, издав звук, похожий на что-то среднее между гневным восклицанием и птичьим воплем, и с грохотом захлопнула дверь столовой. Только после того, как Пати скрылась в коридоре, Рик выдохнул и скинул с себя простынь. Он со страхом смотрел на своё изменившееся тело, не зная, что именно ему делать. Перед глазами по-прежнему маячила шея Патриции. Он сглотнул и тихо зарычал. «Нужно поговорить с Альбертом», — подумал он и направился на кухню, чтобы умыться холодной водой.

Рик вошел в аудиторию последним. Он смущенно обвел взглядом пространство и сглотнул, поняв, что все три девоч-

ки сидела на разных партах. И рядом с каждой было свободное место. Он заколебался, поймав на себе удивленный взгляд Патриции. Альберт слегка упростил ему задачу, когда сошел с парапета со стопкой книг в руках и с кряхтением приземлился на стул рядом с Евой.

Парень вздохнул и быстро прошел к ближайшей парте, за которой сидела Пати. Он отодвинул стул с неприятным скрипом, заметив недовольное от звука лицо девушки, и быстро сел рядом с ней. Элен даже не щелкнул в его сторону. Она отвернула голову и направила ушки к Альберту. Рик покачал головой и перевел взгляд на Патрицию:

— Что-то случилось с Элен? — спросил он, расправив свои шорты.

Пати хмыкнула и сильнее сжала руки на груди:

— Всё нормально, Рик. Сами разберемся.

— Точно? — не унимался он.

Пати раздраженно посмотрела на парня, едва сдерживая свою злость:

— Точно. — отрешала она, явно намекая, что разговор окончен.

Профессор поправил пиджак и аккуратно разложил книги на столе. Он пошевелил усами и слегка приподнял уголки губ в улыбке.

— Патриция, Рик, Элен... — начал он, обводя подростков взглядом. — Я рад, что... что вы все здесь.

Он замолчал, пытаясь подобрать правильные слова. Но

язык словно онемел и отказывался превращать звуки в членораздельную речь. Он закатил глаза, ругая себя за чрезмерную нервозность, но сдал руки в кулаки и выдохнул:

— Я не знаю, с чего начать и как правильно поступать в этом ситуации, но ваше присутствие здесь...это поразительно. И я говорю сейчас не про аудиторию, — он вновь обвел каждого биты на взглядом. — Каждый из вас заслуживает другой судьбы, отличной от стен лабораторной клетки. Я не гарантирую, что вас примут без вопросов в мире, откуда пришла Ева, — он бросил нежный взгляд в сторону внучки. — Но это будет лучше, чем всю оставшуюся жизнь прятаться среди обломков этого мира.

Он не смог усидеть на месте и быстро поднялся на ноги. Рик проследил за его движениями, когда старик взял стопку учебников в руки.

— Вы откроете нам портал? — спросил парень, не отрывая взгляда от непонятных букв. Бросив взгляд на сидящую рядом с ним Патрицию, он разглядел точно такое выражение на её лице, как и у него самого.

Альберт покачал головой:

— Нет, я боюсь, что в лаборатории для эти дряхлые кости станут просто обузой для вас. Я научу Патрицию открывать портал транквилизом.

Рик откашлялся. Пати выпрямила плечи:

— Почему Ева не может открыть портал обратно? — уточнила она, придавая своему голосу чересчур спокойный

тон.

Альберт покачал головой и крепче сжал ладони между собой перед своим животом:

— Потому что контролировать транквилиз проще. Да и к тому же, открывать портал один человек... — он взглянул на Патрицию и сжал губы. — ...может открывать только одним способом. У Евы это аффектус, а у Патриции, если я правильно понимаю, транквилиз. Но добиться полного спокойствия сложнее, чем при аффектусае. Эмоции вызвана легко, но если потерять их, пока портал открыт, то внутри него вас может разорвать на части.

Все подростковые лица напротив него побледнели. Медленно три пары глаз повернулись к Еве, и ей показалась, что даже в слепых белых глазах Элен она увидела панику.

— Я же не знала, — начала оправдываться рыжеволосая девочка.

— Больше никогда не скажу о том, что мне не везет, — проговорил Рик.

Патриция фыркнула и вновь обратила внимание на Альберта:

— Получается, Ева открыть портал транквилизом не может... — проговорила себе под нос она, сложив руки на груди.

— А я? — шутливо добавил Рик, пошевелив острыми ушками. Он вилял хвостом из стороны в сторону, и даже сквозь самоуверенный вид было очевидно, как он нервничает.

Ева вздрогнула:

— А, кстати, Рик верно сказал, — проговорила она. — Почему открывать портал должны только я или Пати? Можно научить других на всякий случай и тогда...

— Не получится, — резко остановил её профессор.

На этот раз на него посмотрела Патриция:

— Почему? — спросила она, слегка подавшись вперед.

Альберт вздохнул и прислонился бедрами к учительскому столу. Казалось, он тщательно подбирал слова, боясь сказать что-то лишнее:

— Открыть портал могут либо хозяева сторон, то есть либо я, либо... — он кашлянул, не желая произносить имя Амана. — ... либо он. Или же наши кровные родственники.

Патриция кивнула, не заметив удивления Рика. Он облокотился на стол и внимательно посмотрел на Альберта. Элен нахмурилась. Её крылышки затрепетали от волнения, когда она спросила:

— Получается, Ева ваша...?

— Внучка, — с улыбкой закончил Альберт.

— Это какая-то глупость, — внезапно начал Рик. — Если открыть портал могут кровные родственники, то почему тогда ваша д... Агх! — он вскрикнул от резкого удара в ребра. — Ты что, ненормальная? — крикнул Рик в глаза Пати.

Патриция покраснела, когда почувствовала внимание остальных на себе. Она откашлялась и опустила глаза:

— Прости.

— Прости? — процедил Рик. — Ты только что ударила меня!

— Не ударила, а толкнула.

— Какая разница!?! — ответил он.

— Большая! — не унималась Пати.

— Хватит! — твякнул Альберт, заставив всех подростков подпрыгнуть.

Он вновь выпрямился и с грохотом поставил книги на стол Элен. Девочка дернулась, щёлкнув в сторону звука.

— Зачем нам книги? — спросила она. — Мы не умеет читать, — она поводила ладонью перед своими глазами и откинулась на спинку стула. Челка почти полностью скрыла её глаза, и она соединила веки из-за щекотки.

Альберт похлопал макулатуру рукой и хмыкнул:

— Они не для вас. Это для меня.

— Эм... — Элен почесала затылок. — Но вопрос всё равно остаётся. Зачем?

Альберт широко улыбнулся:

— Чтобы изучить ваши способности, — с улыбкой проговорил он.

Хвост Рика бешено заходил ходуном, пока он до боли сжал парту. Элен оскалилась, сильнее выпустив когти. Даже Ева с удивлением смотрела на дедушку, услышав его высказывание. Спокойной, казалось, оставалась лишь Патриция. Она внимательно посмотрела на книги и вздохнула. Альберт заметил напряжение в плечах битвинов. Он аккуратно по-

гладил свои усы и покачал головой:

— Не беспокойтесь. Ничего ужасного я делать не собираюсь. Всё в рамках здорового и разумного.

Рик слегка расслабился и успокоил хаотичные движения своего тела. Он внимательно посмотрел на Альберта с головы до ног и хмыкнул:

— Были мы уже на проверке способностей. Большого не хочется.

Профессор кивнул и прикрыл глаза. Он потер веки пальцами, запустив их в свои волосы на висках:

— Я понимаю, точнее пытаюсь понять вас. Мы не будем делать то, что может вам навредить. Лишь только попробуем узнать ваши... — он указал рукой на каждого битвина. — ... способности лучше.

— И как мы поймем, что конкретно нужно проверять? — подала голос Элен.

На этот раз старик хлопнул по стопке книг сильнее:

— Нам не надо угадывать. Вы знаете свои подвиды, а все они описаны в учебниках. Прочтем, что вы можете уметь, как полукровки.

— Битвины, — поправила Ева. Пати бросила на неё удивлённый взгляд, и её губы слегка дернулись в улыбке. Но иллюзия похвалы пропала с её лица так же быстро, как и появилась. Она перекинула крылья через спинку стула и расслаблено прислонилась к ней.

— Разумеется, — кивнул Альберт. — Простите мою гру-

бость. Я привык к прямолинейности. Я так... открыто не общался ни с кем почти семнадцать лет.

Пати стеснительно улыбнулась. Она протянула руку и взяла первый учебник. На белом фоне был изображен черный скелет рептилии. Она улыбнулась и протянула книгу Рику:

— Это про тебя, Рики.

Рик принял книгу из её рук и внимательно посмотрел на обложку. Пати нашла учебник со скелетом птицы и крепко прижала его к себе. Она провела пальцами по обложке и слегка улыбнулась. Заметив боковым зрением взгляд Рика на своём профиле, Пати резко повернулась к нему. Он моментально отвел глаза, уставившись на картинку перед собой. Неуверенно он открыл учебник, быстро пролистал сотни страниц. Довольно выпятив губы, парень выдохнул.

— Почему ты такой довольный? — прямо спросила Ева.

Пати перевела взгляд на Рика и с интересом изучила его лицо. Он небрежно откинул учебник на стол и положил руки за голову:

— Тут есть картинки.

Альберт вскинул брови и покачал головой.

— Прочитаем о вас информацию и приступим к изучению, битвины.

— Хороший план, — начал Рик. — Только зачем нам эти книги, если мы не умеем читать.

Ева широко улыбнулась. Она поднялась со своего места и подошла к парте, за которой сидели Рик и Патриция. Легким

движением руки она отбросила волосы назад и хитро взглянула на битвинов:

— Я же до сих пор не отблагодарила вас за своё спасение... и я подумала, может быть вы бы хотели кое-чему научиться? — начала она, покружив указательные пальцы друг об друга.

Пати вздрогнула и внимательно посмотрела на рыжеволосую девочку. Она положила учебник на парту и облокотилась на руки:

— Ты... научишь нас читать? — с недоверием спросила она.

Ева соединила руки за спиной и кивнула.

— Если вы, конечно, не против.

Глаза Пати метались из стороны в сторону. Ева не могла точно понять, от радости это или от тревоги, но девушка не возражала. Рик хлопнул в ладоши:

— Наконец-то! Только не бросай меня после первого занятия, как Патриция.

Пати покраснела и уткнулась в обложку учебника.

— Кхм-кхм! — раздались недовольные звуки Элен. Она сложила руки на груди, вжав голову в плечи.

— Ох, Элен... — начал Рик.

— Не беспокойся, приятель, — внезапно сказал Альберт. Он подошел к столу и достал оттуда яркую красочную книгу с мультяшными изображениями. Подойдя к слепой девочке, старик положил предмет перед ней. Присев на корточки ря-

дом, он посмотрел в глаза Элен и открыл первую страницу.

Услышав звук шуршащей бумаги, девочка недовольно хмыкнула.

— Я не увижу буквы. Они же не торчат вверх. Так что всё это беспол... — она резко замолчала, когда Альберт взял её ладонь и положил на первую страницу.

Под её пальцами отчетливо ощущались небольшие бугорки. Она приоткрыла рот и с нежностью водила ладонью по странице. Все бугорки располагались по горизонтали и были в разных местах. Она прищурилась и задержала дыхание:

— Это... — начала она.

— Это шрифт Брайля, Элен, — сказал Альберт. Он смотрел за тем, как маленькая ручка Элен вырисовывала различные узоры на рельефных линиях. — Определённое положение точек обозначает конкретную букву. На моей практике встречались не только зрячие студенты. Я не хотел, чтобы слепые и слабовидящие подростки чувствовали себя лишними. Поэтому выучил его. И я научу тебя.

Рик широко улыбнулся и вскочил из-за стола. Казалось, что его сейчас просто разорвет от желания поскорее приступить к обучению. Он быстро видя хвостом из стороны в сторону, глядя на Еву:

— Ну что, порталыщица, погнажи?

Глава 8. Герти

— Опять ты не готова к ответу, Герти! Я спрашиваю тебя третий день подряд, а ты опять молчишь! — недовольно процедила учительница, сжимая ручку яркого кислотно-красного цвета в своих пальцах с торчащими заусенцами. — Ты сама не устала от своих «неудов»?

Герти опустила глаза, стоя возле доски напротив своего класса. Остальные шестиклассники обменивались шутливыми взглядами, изредка бросая презрительные кивки в её сторону. Она сдала губы в плотную линию и уставилась в пол.

Полная немолодая учительница встала из-за стола и начала кружить вокруг двенадцатилетней девочки, словно акула, почуявшая запах свежей крови. Её некрасивые голубые стрелки, которые она точно нарисовала второпях, почти полностью исчезли за нависшими веками. Чавкнув с не приятным звуком, она остановилась возле доски. Выхватив мел из рук девочки, учительница положила его на стол и недовольно покачала головой:

— Сядь на место, Колотий. Завтра я снова спрошу с тебя уравнения, — она грузно приземлилась на свой стул, заставив ножки последнего опасно заскрипеть под огромным весом. — И постарайся больше не опозорить честь своего отца. Всё-таки такой человек...

Последняя фраза заставила Герти поморщиться. Любой

ребенок бы гордился тем, что его отец - один из самых успешных биологов современности. Альберт Колотий - профессор, доктор медицинских наук, великий генетик. Любой, но не она.

Герти всегда была черной овцой. Яблоком, упавшим слишком далеко от яблони. Белой вороной в своей собственной семье. Казалось, что сама природа отвернулась, когда занималась её созданием. На Герти всегда возлагались большие надежды. Каждый день новые. Но она не была самой спортивной, самой красивой или самой умной. Она была... обычной. Обычная девочка с кудрявыми рыжими волосами и голубыми глазами. Две руки, две ноги, голова, уши, нос, рот... всё, как у всех. Её отличало лишь то, что она была дочерью профессора Колотия.

Учительница продолжала читать ей наставление, пока двадцать три пары глаз повернулись в её сторону. Отвратительная математика, отвратительная школа, отвратительная учительница. Всё это её раздражало. Злило. Все и всё.

Чем больше она старалась соответствовать своему отцу, тем хуже становились её оценки. Тройки летели в её дневник, словно патроны дробовика, заполняя все свободные окошки. Она уже не удивлялась очередному замечанию, молча убирая дневник в рюкзак.

— Колотий! — злилась учительница биологии. — Ну что за ужас! Тебе-то! И не знать биологию!

А что она скажет? Что учила параграф весь вечер, но так

и не смогла понять? Чтобы все остальные ещё больше смеялись над ней? Поэтому она просто опускала глаза и приносила домой очередное «удовлетворительно».

Её комната не спасала её от нападок остальных. Даже от собственной матери. Она видела, как мама смотрела на отца. Чаще всего с любовью и нежностью, но бывали моменты, когда взгляд Нина был пропитан уважением и благоговением. Мама не только ценила его как мужа и отца своего ребёнка, но и как ученого и профессора. Она с восхищением рассказывала о его работе дочери перед сном, пытаясь успокоить разгоряченную Герти. Но делала этим только хуже. Каждое её слово было пропитано восхищением и уважением, и девочка лишь сильнее начинала сравнивать себя со своим родителем.

Да, отец был другим. Он был... идеальным. Умный, статный, добрый. Заботливый семьянин и преданный муж. А Герти... она не могла даже получить положительную оценку. Хотя бы четыре с минусом.

Сначала мама не реагировала на это слишком бурно. Она пыталась сама помочь дочери исправить успеваемость, и в первые годы обучения это получалось. Но чем сложнее становились темы, тем быстрее снижались оценки девочки.

— Герти, — раздраженно говорила мама, просматривая дневник. — Если ты что-то не понимаешь, почему не попросишь отца тебе объяснить? Так нельзя!

Нельзя. Но видеть его разочарованное лицо ей не хотелось

ещё больше. С каждым новым месяцем мама требовала всё больше и больше. Она нанимала репетиторов, водила дочь на дополнительные занятия, тратила многие тысячи на развитие и проработку пробелов. Но всё это было бесполезно. Герти просто не понимала, что нужно делать. Она смотрела на уравнение перед собой, но не видела будущего у этих надоедливых цифр. Стоило ей начать писать ответ, учительница утыкалась в свои ладони, издав глубокий вдох.

Каждого родительского собрания она боялась, как огня. Мама приходила разочарованная и злая. Обычно она долго говорила с отцом в их комнате, и у Герти создавалось впечатление, что она здесь лишняя. Но однажды в школу пошел папа. Если Нины не было обычно всего час, то отец вернулся домой лишь после восьми вечера. Он тихо прошёл в комнату Герти и сел на край кровати.

Восьмой класс для неё стал одним из самых сложных. Первая подростковая любовь, первое расставание, первые несбывшиеся надежды. Она отвернулась от отца, почти с головой спрятавшись под одеялом. Он выдохнул и поерзал на покрывале:

— Не будешь ничего рассказывать, да, милая? — спросил он, глядя на неё.

Она лежала неподвижно несколько секунд, затем покачала головой. Альберт потер переносицу.

— Тогда я буду ждать тебя в кабинете, если вдруг захочешь рассказать о том, что так тебя тревожит, дочка.

Она долго не могла уснуть. Всю ночь её ноги буквально гудели от желания пойти в кабинет к Альберту и поговорить с ним. Понять, почему в ней видят лишь его размытое и неудавшееся отражение. Но Герти так и не осмелилась это сделать.

— Привет, — раздался у неё да спиной низкий юношеский голос. — Ты ведь Герти, да?

Она вздрогнула и обернулась на звук. Молодой высокий парень с тёмными кудрявыми волосами смотрел на неё, положив руки на лямки рюкзака. Его белая рубашка была растегнута на несколько пуговиц, а черные брюки с идеальными стрелками заканчивались ровно на его щиколотках. Она видела его пару раз в коридорах школы. И если она не ошибалась, то он был капитаном школьной баскетбольной команды и учился в параллельном классе. Марк? Майк? Микки?

— Я Макс, — добавил он.

Она отложила столовые приборы и повернулась к нему чуть сильнее.

— Я Герти, — сказала она и покраснела. Черт! Он же назвал её по имени. Значит он уже знает. Агх! — То есть... ну, ты уже узнал это.

Макс кивнул и быстро занял место напротив неё. Он снял свой черный рюкзак и небрежно бросил его рядом со столом.

— Составлю тебе компанию, а то ты сидишь здесь совсем

одна, — он улыбнулся той самой улыбкой, от которой сходили с ума все девчонки в подростковых романах. И Герти, разумеется, исключением не стала. Она стеснительно улыбнулась и опустила глаза в тарелку с салатом, в котором некогда яркие зеленый листья превратились в склизкий сопли.

— Если хочешь, — едва слышно ответила она.

Макс вообще не закрывал рот. Он рассказывал ей об уроках, баскетболе, своей семье. И она инстинктивно поняла, что вступает на опасную почву:

— ...и сейчас мой отец полковник. Буквально пару дней назад получил звание, — он замолчал, сделав глоток чая, купленного в процессе общения. — Ну что я всё о себе да о себе? Расскажи мне о своей семье?

Герти вздрогнула. Она резко подняла на него глаза и сжала руки друг с другом:

— Прости, Макс, но я тебя знаю полчаса от силы. Так что... — она начала подниматься из-за стола.

— Давай сходим в кино? — внезапно спросил он.

Герти замерла и вновь встретилась с ним взглядом. От неожиданности она даже не сразу поняла, что открыла рот:

— В кино? — с недоверием переспросила она.

Макс торжественно кивнул:

— Ну да, давай сходим? Сейчас какой-то новый фильм ужасов вышел. Хорошая идея для свидания?

Она покраснела ещё больше. Макс хмыкнул и схватил свой рюкзак, одним привычным движением закинув его на

плечо:

— Тогда вечером встретимся возле кинотеатра, хорошо? Буду ждать к семи.

Он, словно дуновение ветра, выпорхнул из столовой, оставив за собой шлейф качественного мужского парфюма. Герти, покрасневшая от ушей до пят, вздохнула и с глупой улыбкой пошла в сторону нужного класса. «Идеальное начало последнего учебного года», — промелькнула в её голове мысль, пока она рисовала сердечки на полях тетради.

Это были самые счастливые полгода в её жизни. Всё своё свободное время Герти проводила с ним. Макс был таким идеальным. Он дарил ей цветы и сладости, каждый день провозжал из школы домой и встречал её перед уроками. Он стал для неё первым, и она надеялась, что единственным.

Март две тысячи седьмого года выдался необычайно морозным. Снег ни на миллиметр не растаял, усложняя ей и без того ненавистные походы в школу. Если бы не Макс, она точно уже впала бы в депрессию. Чем ближе были выпускные экзамены, тем больше росло напряжение. Её пробные тесты едва переваливались за минимальный порог, хотя она только и делала, что учила ненавистник темы. Стоило заданиям оказаться перед её глазами, всё, что она учила буквально несколько часов назад, словно испарялось из головы. Герти могла по пятнадцать раз читать требование упражнений, но это помочь никак не могло.

Макс предложил ей приехать на выходные к нему. Роди-

тели парня уехали на отдых в загородный дом, предоставив квартиру в его полное пользование. Нина была против. Она изначально не поддерживала эти отношения, считая Макса нахальным лентяем. А вот реакцию отца Герти долго понять не могла. Альберт вежливо вел себя с парнем, когда тот приходил к Герти перед уроками или после них, поддерживал разговор общими фразами, но не позволял Максиму стать частью их семьи. Герти не понимала такого отношения. Она была влюблена в юношу по уши и готова была буквально дышать его запахом. Однако отец поддержал её желание провести два дня с Максимом. Она была на седьмом небе от радости. Наспех собрав вещи, Герти буквально на крыльях выпорхнула из квартиры, направившись по присланному Максиму адресу.

Вечером воскресенья, когда он прижимал её тело к своему, Макс уткнулся носом в её волосы и прошептал:

— Ты такая напряженная в последние недели. Что-то случилось?

Герти замерла. Она подняла глаза на Макса и покачала головой.

— Нет. Да. То есть...

— Герти, ты же знаешь, что можешь мне доверять, да? — спросил он, изогнув губы в той самой обворожительной улыбке.

Она покраснела и кивнула:

— Я снова не сдала пробный экзамен, — призналась она,

опустив глаза.

Макс откашлялся:

— Ты же говорила, что у твоих родителей есть деньги на платное обучение в случае твоего провала.

Она вздрогнула и с обидой посмотрела на него. Он слегка смутился:

— Ой, я не о том. Я говорю про то, что в любом случае ты будешь учиться. Платно или бесплатно.

Герти вновь опустила взгляд. Она посмотрела на его обнаженную грудь и начала выводить пальцами витиеватые узоры:

— Да, но... — втянув ртом воздух, она положила голову на его плечо. — Если я не сдам экзамены, меня просто уничтожат. Я же дочка профессора Колотия! — последнюю фразу она произнесла сквозь зубы. — Ты представляешь, что обо мне будут говорить? Что будут думать о моем отце?

Макс выпятил губы:

— Разве твой отец не может замолвить о тебе словечко? Пока не поздно, можешь поменять предметы и...

— Что ты сказал? — она резко села и укрыла своё обнаженное тело одеялом.

Макс повторил её позу. Он с недовольством посмотрел на неё:

— А что? Твой отец заведующий кафедрой экспериментальной генетики. Он явно может поспособствовать моему... — он откашлялся и напрягся. — То есть, твоему поступлению.

Краска вмиг слетела с её лица. Грудь сдавило от боли так, что она едва не потеряла сознание:

— Вот зачем всё это, да? — слёзно прошептала она.

Макс молчал. Он сжал простыни в кулаках и смотрел на неё.

— А что такого? — непривычно холодно начал он. — Я не хочу, чтобы родители тратили деньги на моё обучение. А твой отец может неплохо помочь и подсобить мне.

Герти вздрагивала от каждого его слова:

— Ты... ты...

— Кто? — спросил он, поднявшись с постели. — У тебя такая возможность, а ты, как дура, упускаешь её. Зациклилась на том, какая ты бедная и несчастная. Да если бы мой отец был таким человеком, я бы...

Звук её крика пронзил расстояние между ними. Она должна была сказать ему что-то. Заткнуть его поганый рот и уйти. Но не могла вымолвить ни слова. Схватив свою сумку и платье, Герти на ходу натянула на себя одежду, громко хлопнув дверью.

Пока она шла в вечернем холодном воздухе, слёзы не прекращали течь по её щекам. Что-то между снегом и дождем летело в её лицо, пока в душе до необычайных размеров разрастался шторм. И началом всего была ненависть. И Герти не могла понять, почему эта ненависть была направлена не на Макса.

Она влетела в квартиру, едва не сбив мать с ног:

— Герти! Что случилось? Разве ты не должна быть...

Но она не слушала. Словно ураган, она пронеслась прямо по коридору мимо своей комнаты, без стука влетев в кабинет отца. Альберт поднял глаза на дочь, улыбнувшись губами, спрятанными под широкими усами.

— Герти, милая, что с тобой? — его взгляд с паникой прошелся по мокрой одежде и волосам дочери. — Ты вся промокла! Где ты...

— Это всё ты! — закричала она. — Это всё из-за тебя!

Он не успел сказать ни единого слова. Кабинет наполнился звуком захлопнувшейся двери, смешиваясь с разрывающими отцовское сердце рыданиями девушки.

Она смотрела на уничтоженную дорогу и темноту, оставшуюся после того, как туман рассеялся. И внизу не было ничего. Тьма. Сглотнув скопившуюся под языком слюну, Герти развернула окулиса и поводьями направила его в сторону лаборатории. Чудовище двигалось, петляя между огромными ямами на асфальте.

Она впервые видела Амана таким. Он часто молчал и ходил по лаборатории по несколько часов. Прошлые сутки он почти не спал и не ел, лишь сидел за столом в своём кабинете и смотрел на диктофон. И она чувствовала себя виноватой в том, что с ним происходит.

Да, это всё она. Если бы она не ушла из комнаты с камерами, то смогла бы поймать их. Если бы двигалась быстрее

и увереннее... если бы... Но она не сделала этого «если бы». Герти готова была пойти на всё ради него. Готова была пожертвовать собой.

Нулламанусы бесцельно бродили по оставшимся улицам. Было очевидно, что битвинов и этой... девочки здесь нет. Иначе они давно нашли бы подростков. Но куда они могли деться? Её взгляд зацепился за огромную стену позади лаборатории. Она знала, что за её пределами. Знала о том, кто был хозяином второй половины этого мира. Аман не скрывал ничего. Он рассказал ей всю правду про её отца. Хватит! Она устала быть дочерью Альберта. Она хотела быть Герти.

Аман был в своём кабинете, когда Герти проскользнула внутрь. Звук каблучков раздражал его, поэтому женщина заранее скинула их возле двери. Подойдя к нему, она неуверенно положила свои руки на его плечи. Только это она и могла делать. Почти восемь лет она была в нескольких сантиметрах от него, но не испытывала удовольствия, которого так желала. Он целовал её, трогал, ласкал, но никогда не переходил ту самую черту, которую она не могла терпеть. И сейчас ей не оставалось ничего, кроме как просто положить руки на его плечи.

— Милая, — начал он, накрыв одну из её ладоней своей.
— Ты же любишь меня?

Она вздрогнула от его вопроса. Наклонившись так, чтобы видеть его глаза, Герти почти с ужасом прошептала:

— Как ты вообще мог усомниться в этом, Аман? Конечно!

Конечно, я люблю тебя!

Амафей улыбнулся, сильнее сжав её ладонь своей:

— И ты пойдешь на всё, ради меня, любовь моя? — он нежно коснулся губами её руки.

Герти покраснела и закивала:

— Да! Да, Аман! Я их найду и...

Он покачал головой:

— Нет, милая. Сейчас ты должна мне помочь в другом. Я хочу, чтобы ты кое-что сделала.

Герти напряглась. Её глаза забегали из сторону в сторону, и она вздрогнула, когда рука Амана легла на её бедро:

— Что ты хочешь, Аман?

Он выпрямился и впился в неё глазами:

— Я хочу, чтобы ты убила своего отца.

Глава 9. Чтение

— Ну же, Пати, давай ещё раз, — вновь простонала Ева, откидываясь на спинку стула. — Мы же уже трижды повторили все пять букв. Ты должна уже их запомнить.

Патриция покраснела от злости и недовольства. Но злилась она скорее на себя, нежели на Еву. Девочка искренне всеми силами старалась научить их всему, что знала сама. Но знаки, которые Ева называла буквами, не укладывались в голове Патриции. Она бессмысленно писала «А», «М», «П», «Р» и «О» в тетрадке по десять раз, но просто не могла запомнить всё. И чувствовала себя полной идиоткой.

Пати смотрела на доску, на которой Ева написала слог. Она переписала его в тетрадь и внимательно посмотрела на «МА». Набор непонятных палочек и уголков. С цифрами было проще.

— Давай, Пати, — вновь сказала Ева. — Назови буквы и соедини их в слог.

Патриция открыла рот, начав издавать какой-то непонятный звук, а затем закрыла его, прикусив губу.

— Эм...

— Неправильно, — не сдержался Рик.

Она бросила испепеляющий взгляд на парня, который расслаблено сидел на стуле за соседней партой:

— Это был не ответ, — процедила она.

— Конечно, потому что ответ «ма», — проговорил он, ковыряясь под ногтем на указательном пальце.

Патриция покраснела от злости и оскалилась:

— Я так и хотела сказать!

— Хотела бы - сказала, — парировал он. — Мы второй час учим эти пять букв. Что в них сложного?

Пати сжала кулаки и собиралась сказать что-то очень неприятное, судя по её дергающимся бровям, но Ева стукнула рукой по столу:

— Ну хватит! Даже в моем классе нет таких зануд, — она вновь взяла мел. — Давай попробуем ещё раз, Пати.

Взяв в другую руку тряпку, Ева быстро вытерла все надписи на доске. Она повернулась к светловолосой девушке и протянула ей мел.

— Давай, Пати, напиши буквы.

Патриция неуверенно взяла брусок в ладонь и подошла к доске.

— Что писать? — наигранно уверена спросила она.

Ева посмотрела на книгу перед собой:

— Напиши букву «М».

Пати сглотнула. Она приставила мел к доске и начала вести его вниз. Нарисовав полоску, девушка остановилась и задумалась. Рик наиграно выдохнул и прижался лбом к парте.

— Пати...

Она яростно развернулась к нему и сжала зубы.

— Раз ты самый умный - иди и напиши!

Рик моментально вскочил со стула и в два больших шага приблизился к ней. Он взял мел из её пальцев и вывел на доске букву с острыми углами.

— Вот, Пати, видишь? — он ткнул пальцем в букву. — Это «М»!

Патриция шикнула и отвернулась.

— Я и хотела написать её, я... — начала оправдываться она, но было очевидно, что это ложь.

Рик вновь закатил глаза:

— Да ладно, Пати. Признай, что ты просто не понимаешь этого. Хотя для меня это удивительно, с такими-то генами, как к тебя...

Она резко повернулась к нему. Ева вздохнула, сжав в руках кусок мела до такой степени, что предмет хрустнул, направив в воздух небольшой белый дымок. Рик виновато оскалился, слишком поздно поняв, что он ляпнул. Пати сделала глубокий вдох. Её перья на ногах встали дыбом. Девушка втянула воздух и с силой пихнула Рика в грудь. Он неожиданности он поморщился, резко отстранившись от неё. Пати в три шага приблизилась к выходу и выпорхнула из кабинета, хлопнув дверью.

Хвост Рика бешено двигался из стороны в сторону. Опустив глаза в пол, Рик со всей силы ударил ближайшую парту кулаком, яростно зашипев. Несколько секунд парень молчал, пытаясь собрать всё своё самообладание. Он виновато повернулся к Еве, почесав затылок:

— Я идиот, да? — спросил он.

Ева кивнула:

— Ещё какой, Рик.

Словно издеваясь над ней ещё больше, солнце яростно пробивалось сквозь чистые университетские окна. Лучи обжигали её бледную кожу, пока девушка сжимала свои колени. Она нашла это место в первый день пребывания в стенах этого университета, и оно сразу ей приглянулось. Тихое, бледное, закрытое... Как и она сама.

Пати шмыгала носом, периодически вытирая предательские слёзы ладонью. Солёные капельки с неприятными шлепками падали на пол под металлическую лестницу на крышу, на которой она сидела, не в силах выйти наверх. Гулять вне института в одиночестве ей не хотелось, а на крыше было страшно. Поэтому девушка сидела на железной лестнице и изредка всхлипывала, проглатывая слюну.

— Ты обиделась? — раздался за её спиной голос Рика.

Патриция вздрогнула. Она повернула заплаканные глаза к лестнице и уставилась на него. Рик замер, заметив опухшие веки и покрасневшие щеки:

— Ну да, мог бы и не спрашивать, — он нерешительно подошел ближе и прислонился к перилам. Между ними было небольшое расстояние, и Рик специально не сокращал его, поддерживая дистанцию.

— Как ты меня нашел? — спросила она с нескрываемым

удивлением в голосе.

Парень пожал плечами и поднялся к ней с пролета между третьим и четвертым этажами:

— Зная тебя, предположил, что ты бы выбрала именно эту лестницу. И не прогадал.

Несколько секунд он молчал. Затем, откашлявшись, парень вновь повернулся к Патриции:

— Слушай, — начал неуверенно он. — Ну с чего ты взяла, что я говорил о твоём отце, а?

Пати ошалела и повернула широко открытые глаза на него. Она беззвучно открыла рот, пытаясь выдать из себя звуки, но даже не знала, что именно может ответить на эту чушь. Он не отступал и продолжал череду оправданий:

— Ну правда, может я говорил про... эм...

— Моя мать - птица, дурачок, — отрезала Пати.

Рик выдохнул и вновь уставился в пол между своих ступней. Очередные секунды тишины давили на него так, что он физически ощущал обиду девочки на своих плечах. Не выдержав душной атмосферы вокруг, Рик оттолкнулся от перил и вскинул руки. Его хвост судорожно скользил по полу, собирая грязь и пыль с невымытой бежевой плитки:

— Ну хватит, Пати, ты же знаешь, что я терпеть не могу, когда вы с Элен на меня обижаетесь! Это просто невыносимо. Я на вас никогда не злюсь.

— Может это потому что мы сначала думаем, а потом говорим? — холодно ответила она.

Пати даже не удостоила его взглядом и разговаривала с ним, продолжая смотреть в пол. Рик виновато улыбнулся. Он присел на четвереньки и выгнулся так, что его глаза встретились с опущенным взглядом Патриции. Она вздохнула и выпрямилась, смутившись от его действий:

— Тебе бы за языком следить, и проблем не будет, — процедила сквозь зубы она.

Рик застонал и быстро поднялся на ноги, вновь нависнув над ней. Он театрально закрыл глаза крепкой ладонью и наигранно слезно проговорил:

— Да-да, я знаю. Ты уже это говорила. Я идиот, — он разъединил указательный и средний пальцы и раздвинул их так, чтобы его ярко-желтый глаз смотрел прямо на светловолосую девушку. Она подняла взгляд на его хитрый прищур. — И у меня даже нет шанса на твоё прощение?

Пати не смогла сдержать улыбку. Она отвела глаза в сторону, соединив руки на коленях:

— Ну и глупый ты, Рики, — с нежностью проговорила она, поправляя свою юбку.

Рик хлопнул в ладоши и снова облокотился на перила рядом с ней. Он несколько раз дернул бровями и улыбнулся:

— Вот, такая ты мне нравишься больше, — заметил он.

Патриция вздрогнула и резко посмотрела на него. Рик зарделся и замер. Он поднял руки в капитулирующем жесте, резко сделав несколько шагов назад так, словно Пати могла его обжечь:

— Ну... в плане, когда не обижаешься. Когда улыбаешься. У тебя улыбка... такая... ну...

— Какая? — Пати почувствовала его колебания и невозможно сильно захотела надавить на и без того покрасневшегося Рика.

— Нормальная, — коротко ответил он и отвернулся. Пати улыбнулась шире и спрыгнула с лестницы. Она прошла мимо него, спускаясь вниз и перепрыгивая через одну ступеньку. Рик моментально последовал за ней, быстро нагнав Пати между третьим и вторым этажами:

— Эй, — начал он. — Я тут подумал...

— Мне уже страшно, — улыбнулась она, останавливаясь и поворачиваясь к нему. — В прошлый раз, когда ты подумал, нас чуть не убили в лаборатории.

Рик захихикал, и его уши дернулись от этого звука:

— На этот раз без кассет и чокнутого гения, обещаю, — он быстро обогнал её и встал перед ней. — Я подумал... тебе сложно даются буквы и чтение и...

— И...? — ей не нравился его посыл. Она терпеть не могла, когда у неё что-то не получалось. И из-за чтения Патриция безумно злилась сама на себя. Она даже не допускала мысли, что у неё что-то не может получиться. Пати всегда была «умницей», как говорил *он*, и не могла перебороть этот ярлык.

Рик опустил взгляд и начал теревить ткань своей грязной футболки.

— И... может нам позаниматься вместе? Я мог бы заниматься с тобой, когда Ева не...

На этот раз покраснела Пати. Она одновременно широко раскрыла глаза и сдвинула брови к переносице. Сглотнув, девушка слегка повернула голову вправо, удивленно открыв рот:

— Позаниматься? — переспросила она, перебив его.

Рик кивнул:

— Ну да.

— Да ну? — парировала Патриция, сложив руки на груди. Она нахмурилась, недовольно посмотрев на парня.

Рик заметно напрягся. Он внимательно следил за её движениями, но его хвост слегка начал покачиваться из стороны в сторону:

— Что-то не так? — уточнил он, сжимая руки в кулаки.

Пати улыбнулась:

— Всё хорошо, Рик. Просто... чему ты хочешь меня научить? — Патриция спросила это с такой снисходительной интонацией, что Рик обидчиво взглянул на неё.

— В каком смысле? Я могу помочь тебе выучить буквы и научить читать слоги. У тебя же пока что не получается.

Пати хихикнула:

— Ох, Рики, с чего ты взял, что у меня не получается? Я просто... — она уже начала раздражаться. — Короче, сама справлюсь, ладно? Тебе бы самому сначала научиться всему. И мне не нужна помощь в этом, — она похлопала его по пле-

чу, но в этот раз сделал шаг назад сделал Рик.

— Прости, я забыл, что ты всегда у нас всё делаешь сама.

Он не стал слушать её ответ. Быстро развернувшись, Рик пнул перила ногой и раздраженно спустился вниз. Когда он уже собирался исчезнуть на втором этаже, он резко повернулся к ней:

— И ты не всегда думаешь, а потом говоришь, Патриция,
— бросил Рик, влетев в дверной проем.

Пати спокойно смотрела на него. Её лицо ничего не выражало, но ногти впивались в кожу с такой силой, что оставили после себя десять алых полумесяцев. Рик никогда не называл её полным именем. Ему нравилось звать девушку Пати, подшучивая над игрой слов. И сейчас её как никогда раньше обидело собственное имя.

Ева добавила пять новых букв, сделав задачу для Патриции ещё более непосильной. С доски на неё смотрели «Т», «И», «К», «С» и «В». Девушка переписала их на листок и с раздражением посмотрела на символы. Она мельком бросила взгляд на Рика, уткнувшегося в свои записи. Парень что-то быстро писал карандашом, не бросая даже случайного взгляда в её сторону.

С прошлого вечера он не сказал ей ни слова. Утром встал раньше всех и почти два часа провел в спортивном зале. Ева сказала, что Альберт видел, как Рик наматывал круги вокруг яркого нарисованного прямоугольника для игры в мяч. Она

сама не понимала, почему, но чувствовала себя такой виноватой. Пати безумно хотела поговорить с ним, но гордость не позволяла извиниться первой.

Пати вздрогнула, поняв, что всё это время паялилась на юношу. Она отвернулась и уткнулась в листок, вновь посмотрев на буквы. Ладно, она запомнила «А» и «М». А вместе? Как они читаются вместе? «Эма»? «Аэм»?

— Давай, Пати, — вывела её из замешательства Ева, написав «АМ» на доске. — Назови буквы и прочти слог.

Пати сглотнула и выдохнула:

— Да, хорошо. Так... Первая «А», вторая «ЭМ»...

Ева кивнула:

— А вместе? — спросила она.

— Вместе... «АЭМ»? — спросила она, и лицо Евы вновь сменило улыбку на разочарование.

Ева вздохнула:

— Пати, ты должна соединить звуки, а не буквы.

Она не смогла сдержаться и не взглянуть на Рика. Он уткнулся в свой листок и молча что-то рисовал на полях. Ева встала со стула.

— Эй, ты отвлекаешься! Мы же их повторили десять раз. И это только за последний час, — заметив разочарованное лицо светловолосой девушки, Ева слегка расслабилась и кивнула в сторону парты. — Ладно, посмотри ещё раз. Рик, — наконец он поднял глаза. — Попробуешь написать слова? Он натянуто улыбнулся и прошёл к доске.

— Конечно, порталыщица. Что писать?

— Что угодно, — ответила Ева.

Парень кивнул. Он вновь посмотрел на буквы и сузил глаза. Его рука быстро летала по доске, и через несколько секунд там появились слова «мама», «папа», «Рик», «сок», «ток» и...

— «Пати»? — спросила Ева.

Рик кивнул:

— Ну да, из этих букв тоже его можно составить, — он продолжил выписывать слова мелом, пока Патриция не сводила с него взгляда. У Рика так всё хорошо получалось, что она сама не заметила, как засмотрелась на движения белого грифеля. Когда он отложил кусок мела на стол и вернулся на своё место, Пати почти двадцать раз успела написать своё имя на листке.

Почти час они попеременно писали буквы и слоги. Точнее она писала буквы и слоги. Рик всю писал слова и целые предложения. Он не говорил ничего лишнего и подавал голос только тогда, когда его о чем-то спрашивала Ева. И когда рыжеволосая девочка предложила передохнуть, парень вскочил и быстро вышел из кабинета. Его хвост бешено качался из стороны в сторону. Случайно задев им небольшой постамент с цветком возле двери, Рик даже не обернулся в сторону упавшего горшка. Он, словно шторм, хлопнул дверью, и звук его шагов моментально удалился. Ева с выпученными глазами посмотрела на горстку земли перед теперь

уже закрытой дверью. Она подошла к двери и присела, начав собирать осколки керамического горшка. Патриция достала из небольшой ниши между шкафом и стеной оранжевый веник с металлическим совком и быстро подошла к рыжеволосой девочке. Без лишних слов Пати начала заметать крупную горсть земли. Она морщилась и недовольно прикрыла глаза:

— Что-то случилось? — спросила Ева у Патриции не сумев сдержать своего любопытства.

Пати покачала головой, продолжая методичные движения руками:

— Уже нет.

Рик поднялся с первыми лучами солнца. Он мельком глянул на спящих Элен и Еву и быстро вышел из столовой в сторону спортивного зала. Обида съедала его изнутри. Он так хотел помочь ей. Впервые он мог чему-то научить такую идеальную Пати. Да и просто провести с ней время вдвоём... Он вздрогнул и покачал головой. Глупости, зачем ему проводить с ней время? Он зарычал и влетел в спортивный зал, чуть не выбив дверь.

Моментально замерев в дверном проёме, Рик и сам не заметил, как разглядывал её лицо. И зачем он это делал? Подумаешь, нахмуренные брови, создающие небольшую морщинку между ними; ровный нос с едва вздернутым кончиком; длинные коричневые ресницы, ниспадающие тенью на её щеки. Ох, щеки... шестьдесят две веснушки покрывали

кожу на её яблочках. Уже шестьдесят три, новая появилась над правым уголком губ.

Она стояла напротив него как всегда с идеальной осанкой. Тонкие пальчики Пати сжимали канцелярские предметы перед животом, пока она смущенно подходила к нему. Ему потребовался почти месяц, чтобы привыкнуть к такой походке. Из-за строения лап бедра Патриции качались чуть сильнее, чем у Элен или Евы. И чем ближе она подходила, тем отчетливее он слышал её запах. Смесь хлопка, мела и пота... Рик вздрогнул и покачал головой, пытаюсь выкинуть её образ. Но вот она, стояла тут в своей милой красной юбочке.

И косички... детский сад. Лучше бы она заплела их Элен. Такие же ровные и длинные, мягкие и шелковистые, как у неё самой. Да, её колоски так красиво ниспадали на тонкие плечи и выступающие лопатки, что ему пришлось сглотнуть скопившуюся слюну.

— Рик? — голос Пати вывел его из оцепенения.

— Что надо? — чуть грубее, чем нужно отозвался парень.

Пати подошла к нему, сжимая в руках три карандаша и стопку белой бумаги.

— Можешь научить меня читать?

Глава 10. Скрещивание

Он всю ночь не мог уснуть после вчерашней конференции с уважаемыми светилами науки и сейчас почти со всех ног нёсся на цокольный этаж. Дверь в лабораторию быстро распахнулась, когда Альберт в великолепном настроении вбежал внутрь.

— Твоя работа произвела настоящий фурор, Аман. Молодец! — Альберт вошёл в лабораторию и быстро приблизился к своему студенту. — Они сказали, что не ожидали такого от студента выпускного курса. Ты превзошёл даже начинающих ученых. Обязательно отправь своё исследование докторам из жюри.

Аман щелкнул колёсиком микроскопа и поморщился. Он слегка поправил стекло на механизме пальцем и кивнул профессору. Не отвлекаясь от работы, парень быстро что-то зарисовал в тетрадь.

— Это было не так уж и сложно, профессор, — ответил Аман, исправляя рисунок. — Когда вы говорили, что это конференция с огромным грантом, я думал, что там будут достойные коллеги. Но их труды такие...

— ...банальные, — согласился Альберт. — Твоё исследование репродуктивных функций и околоплодных вод грызунов - настоящая сенсация.

Аман слегка улыбнулся и, наконец, отстранился от мик-

роскопа. Он снял очки, быстро протерев их небольшой микрофиброй рядом с чистыми стеклами для анализов.

— Какой там грант? — поинтересовался он.

— Почти в восемь раз больше предыдущего, — с гордостью ответил Альберт.

Парень нахмурился, подсчитывая сумму в голове. Его губы слегка изогнулись в улыбке. Он быстро вернул очки на место и поправил их на переносице:

— Прекрасные новости. Этих денег должно хватить на закупку оборудования для следующего шага в исследовании.

Профессор внимательно посмотрел на него, сузив глаза. Он сделал несколько шагов к студенту, поправив свой галстук.

— Оборудование? О чем конкретно ты говоришь? Институт закупил всё необходимое.

Аман отвернулся обратно к микроскопу и вновь посмотрел в глазок.

— Для исследований, соответствующих уровню последней конференции, институт закупил оборудование, — он сглотнул. — Но для идеи, которую я так долго вынашивал в своей голове, этого будет недостаточно.

Альберт быстро сократил расстояние между собой и Аманом и сел на стул рядом с ним:

— Аман? Что ты хочешь делать?

Парень повернулся к профессору, выпрямив спину. Он полно глаза под очками и вновь вздохнул:

— Профессор, для следующей конференции я хочу подготовить другой проект с вами. Он не будет связан с репродуктивными функциями напрямую, но...

— Но...? — уточнил Альберт, сжав край стола изо всех сил.

— Но он точно станет началом новой эры в науке, — закончил Аман.

Профессор с непониманием покачал головой. Он поднялся со стула и начал ходить вокруг ученика из стороны в сторону:

— Аман, ты снова хочешь нарушить закон? Я прикрыл тебя однажды, но снова?

Аман вздохнул, быстро сняв очки и начав крутить их между пальцами:

— Альберт...

— Нет! — Альберт резко рассек воздух рукой и отвернулся. — Даже не пытайся убедить меня в обратном! Мой ответ - нет!

Аман закусил губу, сузив глаза до тонких щелок. Он вновь надел очки и повернулся к микроскопу.

— Как скажите, профессор.

Стук в кабинет заставил его вздрогнуть. Он так сильно вчитывался в текст своей речи перед выпускниками, что потерял счет времени. Исправления, уточнения, новые фразы... всё должно было быть доведено до идеала.

— Профессор? — с улыбкой заглянула к нему Марта. — Не отвлекаю?

Альберт вежливо улыбнулся и кивнул. Проработав с Мартой почти пять лет, он так и не привык к её поразительной способности отвлекать его в самое неподходящее время:

— Проходи, Марта. Ты же знаешь, мой кабинет всегда открыт для тебя.

Она влетела внутрь на своих небольших каблучках и быстро приблизилась к Альберту. Сев на стул напротив него, Марта положила руки на стол и широко улыбнулась. Альберт с непониманием посмотрел на неё.

— Марта, ты начинаешь пугать меня, — сказал Альберт, откладывая речь в сторону.

Девушка похихикала и отмахнулась:

— Да что вы? Пугать человека, которому присвоена награда за вклад в науку совсем не входило в мои планы, — сказала она и внимательно посмотрела на реакцию профессора.

Альберт широко распахнул глаза. Он открыл рот и медленно встал из-за стола:

— Что ты такое... — начал он, но Марта с визгом вскочила первая.

— Поздравляю, профессор! Буквально двадцать минут назад пришел приказ о присвоении Вам награды! Это просто потрясающе! Это... — но он уже не слушал её.

Преодолев расстояние между третьим и цокольным эта-

жом за невозможно короткое время, Альберт подлетел к компьютеру в дальнем углу лаборатории. Почти судорожно введя код на специальном поле, профессор бегал глазами по почтовому приложению. Когда он нашел нужное письмо о присвоении награды, его пальцы затряслись и он через силу заставил себя нажать на него.

Аман вошел в лабораторию через два часа. Он терпеть не мог, когда пары были в вечернее время. За почти пять лет бесконечной работы по ночам его организм отказывался принимать тот факт, что внимание распределяется между предметами, а не целиком фокусируется в исследовании.

Он открыл дверь лаборатории, поставив свой рюкзак на стул рядом с дверью. С самого утра Аман знал, что Альберт будет ждать его. Поэтому, заметив высокую фигуру на стуле напротив компьютерного стола, парень не удивился. Он поправил свои очки и прошел к профессору.

Почувствовав приближение ученика, Альберт напряг плечи и сжал колени пальцами до такой степени, что небольшие бледные синяки проступили под его штаниной. Аман прошел к столу и поправил слегка покосившийся микроскоп.

— Зачем? — спросил Альберт и повернулся к парню. — Зачем ты это сделал?

Аман не отреагировал. Он водил пальцем по микроскопу из стороны в сторону и лишь изредка моргал:

— Поздравляю с наградой, профессор.

Альберт хлопнул по столу, и звук заставил его дернуться

обоих мужчин:

— Зачем. Ты. Это. Сделал? — медленно процедил он.

Наконец Аман повернулся к Альберту целиком. Он казался полностью расслабленным, его волнение выдавала лишь сжатая на столешнице рука.

— Профессор Колотий, я посчитал правильным отправить исследование без...

— Зачем ты удалил своё имя!? — не сдержался Альберт и резко вскочил на ноги.

Аман вздохнул. Он посмотрел на компьютер, гудящий уже несколько часов, затем вновь обратил своё внимание на микроскоп.

— Вы это заслужили, — коротко ответил он.

Альберт вздрогнул. Он замолчал, пытаясь переварить услышанное. Но смог лишь плюхнуться обратно на стул. Аман бросил на него взгляд:

— Да, профессор! Заслужили! — уверенно заговорил он.

— Вы настояли на полном финансировании моего исследования университетом, прикрывали меня в глазах закона, буквально заставили поучаствовать в конференции на грант. Это всё вы. Поэтому я решил отдать вам исследование. Полностью.

Альберт на сводил с него глаз. Ему казалось, что от напряжения он даже перестал моргать. Глазное яблоко начало саднить, и ему пришлось прийти в себя. Альберт повернулся к экрану монитора. Поводив мышкой по столу и зажму-

рившись от резкого белого экрана, профессор вновь открыл нужное письмо.

Аман прочел сумму вознаграждения. Он покачал головой и подвинул ещё один стул. Поправив штаны, парень сел на него, и брюки резко обтянули его худощавые колени.

— Профессор, — вновь начал Аман. — Это действительно ваша заслуга. Благодарю вас.

Он положил свою ладонь на плечо Альберта. Мужчина не смотрел на него, до сумасшествия вчитываясь в текст перед собой. Аман чувствовал его волнение. Он слегка улыбнулся.

— Альберт, подумайте ещё раз насчет... углубления исследования. Без вашего влияния у нас просто не будет биоматериалов, — Альберт вновь вздрогнул и хотел отстраниться, но Аман не сдавался. — Следующая совместна работа вознесет нас на вершину научной иерархии, профессор. И таких грантов и наград... — он кивнул в сторону компьютера. — Будут сотни.

Медленно поднявшись со стула, Аман поправил пиджак и двинулся в сторону выхода. Стоило ему положить руку на дверь, тихое светлое помещение пронзил низкий голос Альберта.

— Что тебе нужно для исследования?

(ранее)

— Нет! — Альберт резко рассек воздух рукой и отвернулся. — Даже не пытайся убедить меня в обратном! Мой

ответ - нет!

Аман закусил губу, сузив глаза до тонких щелок. Он вновь надел очки и повернулся к микроскопу.

— Как скажете, профессор.

Тишину между ними нарушало лишь тихое шуршание бумаги. Аман записывал данные в небольшой журнал, пока Альберт собирал вещи. Парень с нетерпением ждал, когда профессор уйдет. Его до бешенства злил тот факт, что преподаватель до последнего цеплялся за этику и мораль. «Нет в науке таких понятий, — утверждал он в своей голове. — Только правда и предположения».

Стоило огромной белой двери в лабораторию закрыться, Аман почти судорожно включил компьютер и открыл исследование.

— Я не сдамся так просто, профессор, — прошептал себе под нос парень. — Не нужно притворяться, будто в вас нет темных сторон.

Его пальцы быстро стучали по кнопке «удалить», пока он стирал свое имя в графе «исследователи».

Яйцеклетки гадюки были превосходного качества. Аман не спрашивал, как Альберт смог достать их. Главное, что сейчас материалы были у него. Он с необыкновенным трепетом погрузил их в специальное хранилище и поставил в холодильник, пока разбирался с мужским биоматериалом крысы.

Собрать его была ещё та работенка. Пришлось умертвить одну из хорошеньких самок, чтобы отделить нужное количество жидкости. И сейчас все приготовления были перед ним.

— Ты так и не ответил, зачем тебе две яйцеклетки, — начал Альберт, подготавливая небольшую круглую миску для оплодотворения.

Аман достал биоматериал самца крысы и капнул несколько капель на стекло. Он аккуратно поставил его под микроскоп и сел рядом с механизмом:

— Потому что у этих животных разное время вынашивания детёнышей и отличные температуры тел, — он слегка поправил стекло и вздохнул. — Гадюки - яйцеживородящие змеи, то есть развитие яиц и вылупление детёнышей происходит в утробе матери. Иногда детёныши вылупляются из яиц прямо в утробе у самки. Но чаще всего в первые несколько минут после рождения. И беременность гадюки длится около трёх месяцев. Температура тела обычно не выше тридцати одного градуса.

Альберт внимательно смотрел на движения своего студента. Аман взял тонкий шприц и направил углу под окуляр микроскопа:

— Вот они, и все здоровые, — он набрал необходимое количество крысиного ДНК и положил шприц на чистую плоску. — Так вот... — продолжил внезапно он, чем снова привлек внимание Альберта. — А крысы - живородящие животные. И их беременность максимум длится двадцать шесть

дней. И температура их тела около тридцати девяти градусов. Поэтому мне нужно было две яйцеклетки. Я помещу их в разные тепловые капсулы, чтобы...

Альберт кивнул:

— Чтобы понять, по какому сценарию именно будет развиваться эмбрион. — констатировал он.

Аман улыбнулся, направившись к холодильнику к яйцеклетками:

— Именно. В идеале я бы предпочел еще взять две яйцеклетки у крысы. Но в лаборатории закончились самки. Надо будет запросить ещё, Альберт.

Профессор вздрогнул. Аман говорил о животных так, словно это были не живые организмы, а расходный материал. Он выдохнул и отодвинул микроскоп с теперь уже ненужным стеклом.

Парень вернулся с двумя прозрачными банками. Альберт их уже видел. Он сам лично привез змеиные яйца в институт сегодня утром. Профессор так и продолжал бы смотреть на белые небольшие шарики, пока не заметил улыбку на лице Амана. И в ней не было ничего доброго. Она скорее напоминала оскал, нежели радость. И демонстрировала доминирование, а не счастье или теплоту. Но над чем? Альберт вздрогнул, вновь взглянув на Амана.

Парень подвинул диктофон к себе и быстро нажал на кнопку записи.

— Пятнадцатое мая две тысячи шестого года. Экс-

перимент «Скрещивание». Попытка номер один. Процент успешного завершения эксперимента неизвестен. Цель эксперимента - создание гибрида крысы и гадюки. Процесс: использования стандартной функции ЭКО. Место проведения эксперимента - лаборатория Альберта Колотия. Учёный - Аман Фейрстоун...

Альберт слушал каждое слово Амана, чувствуя нарастающее напряжение в пояснице. Он видел склонившиеся над лабораторным продезинфицированным столом юношу, но не испытывал ни капли гордости. Каждый раз он хотел прекратить издевательство над природой, но как он мог, когда за одну награду он получил фактически полную сумму на обучение Герти.

— ДНК самца крысы по кличке «Стоп», помет от третьего августа две тысячи пятого года. Количество - удовлетворительное, — он рассмотрел шприц перед лампой. — Цвет соответствует норме.

Аман быстро взял первую склянку с яйцом и достал небольшой шарик и покрутил его на свету.

— Размер яйца составляет три сантиметра. Цвет грязно-белый, поверхность мягкая и кожистая, — он направил луч белой лампы прямо на яйцеклетку, поправ очки на переносице. Крепко взяв шприц в руку, он быстрым и точным движением отправил часть биоматериала под кожистую пленку. — Предположительно яйцеклетка оплодотворена.

Аман максимально аккуратно отправил яйцеклетку в длинную колбу и поместил её в небольшой инкубатор, приготовленный им перед экспериментом. Он быстро выставил температуру на тридцать градусов и вновь повернулся к столу.

— **Яйцеклетка номер два**, — он вновь взял в руки шприц. Но затем, выдохнув, Аман повернулся к Альберту. — Профессор, хотите вы?

Альберт почувствовав, как мышцы на его спине запульсировали. Он плавал головой, но Аман уже встал со стула и протянул ему шприц.

— Давайте, профессор, вторая ваша, — Аман держал руку протянутой, ожидая ответного движения Альберта.

Мужчина долго смотрел на шприц. Затем кивнул и взял медицинский инструмент в руки. «Ради Герти», — подумал он и сел напротив микроскопа.

Дни тянулись мучительно медленно. Словно само время приобрело физическую форму и издевается над ними всеми силами. Альберт подготовил кабинет, ожидая начала нового учебного года. Теперь его нагрузка стала ещё более непосильной. Всё лето он не мог расслабиться и выдохнуть. Герти была сама не своя. После ссоры с Максом она закрылась в себе и не выходила на контакт. Дочь и раньше не была особо нежной, но сейчас она словно избегала его. Он может и был известным биологом, но вот хорошим отцом, как он считал,

стать так и не смог.

Нина видела его переживания. Она списывала повеление дочери не только на любовную травму, но и переживания перед выпускным классом. Альберт хотел бы в это верить. Но где-то в глубине души его разъедала мысль, что что-то не так.

Первая яйцеклетка с температурой в тридцать градусов так и не начала развиваться. Аман выбросил склянку в мусорку ровно на двадцать шестой день. А вот «его» работа не погибла.

Альберт старался заходить в лабораторию реже. Но каждый раз, когда его ноги пересекали порог, он видел погруженного в работу Амана. Он почти обезумел от мысли, что у них получилось. Парень не отходил от инкубатора, иногда доводя себя до такого состояния, что Альберт даже покупал ему капли в глаза и почти силой заставлял лечить покрасневшие слизистые.

Шестнадцатого августа две тысячи шестого года Альберт поправил стулья и закончил последние приготовления перед встречей первокурсников. Дверь в кабинет медленно отводилась, и Аман сразу же нашел профессора глазами.

— Альберт, — начал он. — Вы должны взглянуть.

Дорога до лаборатории была словно в тумане. Он не помнил, как прошел внутрь, но на всю жизнь заполнил этот визг. Точнее, что-то между шипением и писком. Тварь сидела в клетке, бросаясь на прутья я своими острыми крысиными

зубами. Раздвоенный язык помогал ей определять расстояние, когда она отталкивалась передними лапами и хвостом.

Животное представляло собой настоящий сонный паралич. Верхняя половина тела и голова были крысиными. Исключением был язык. Длинный отросток периодически вылезал изо рта и быстро двигался вверх и вниз. Всё, что было ниже рёбер, относилось к гадюке. Хвост бешено колотил клетку, пока она не перевернулась на бок.

Тварь пищала. Альберт только спустя несколько секунд понял, что он морщился и задержал дыхание. Аман улыбался от уха до уха, наблюдая за ненормальными движениями гибрида. Он положил свою руку на плечо профессора и сдал её:

— Поздравляю, профессор. Кажется, у нас всё-таки получилось обмануть природу.

Глава 11. Под водой

Пометка на полях в параграфе о зеленых игуанах: «Зелёная игуана плавает, держа тело полностью погружённым в воду, а лапы вытягивает вдоль туловища. Передвижение осуществляется с помощью извилистых движений хвоста. Зелёная игуана может находиться под водой примерно 30 минут».

А. К.

— Вы не говорили, что тут есть бассейн! — восторженно произнес Рик, почувствовав отчетливый запах хлорки. Он влаги его кожа моментально покрылась испариной, и он быстро протер лоб тыльной стороной ладони.

Альберт ухмыльнулся. Он крепче сжал в руках скатерть, приготовленную в качестве полотенца, и слегка ускорился, стараясь не отставать от летящего вперед Рика. Парень быстро шевелил хвостом из стороны в сторону, предвкушая будущую тренировку.

— Зачем вообще в университете бассейн? — сказал он, бросив взгляд на Альберта через плечо.

— Чтобы показать, что мы можем себе это позволить, — быстро ответил Альберта.

— А вы можете себе это позволить? — удивленно спросил парень.

Альберт хмыкнул:

— Нет, но другим знать об этом необязательно.

Профессор открыл железную дверь на цокольном этаже, и воздух наполнился тихими звуками воды. Гладь бассейна изредка двигалась, но этого хватало для того, чтобы Рик уловил едва различимые звуки всплесков. Он быстро подошел к воде, уверенно сжав руки на груди.

Он уже видел такое количество жидкости раньше. В прыдах. И что сложного в том, чтобы поплавать там? Как на суше, но только в воде. Рик уверенно стянул с себя футболку и шорты, оставшись в одних серых боксерах. Он уже собирался смело рвануть в воду, когда рука профессор схватила его за предплечье.

Альберт вскинул брови и быстро покачал головой:

— Не припомню, чтобы ты говорил, что умеешь плавать.

Рик фыркнул:

— Что тут уметь, плывешь и всё. Сейчас покажу...

Альберт сжал руку парня крепче:

— Рик, если ты не умеешь плавать, то сначала нужно научиться хотя бы удерживаться на воде. Иначе...

Рик закатил глаза:

— Альберт, я через такое прошел, что поплавать в бассейн будет легче легкого. Смотри!

Он рванул в воду, полностью уверенный в своей правоте. Но как только его ноги перестали чувствовать опору, паника быстро сковала всё тело. Он пытался схватиться руками за... да хоть за что-то. Но прыгнул слишком далеко от бортика.

Хвост мельтешил из стороны в сторону, а его вес сильнее тянул Рика ко дну.

В панике Рик попытался сделать вдох, но вовремя задержал дыхание, почувствовав воду во рту. Горькая и невкусная. Он пытался разглядеть хоть что-то, но лишь размахивал конечностями, сильнее погружаясь в глубь бассейна.

Внезапный глоток воздуха буквально заставил его вскрикнуть. Альберт крепко, почти до боли, держал его за предплечья, подтягивая к бортику. Он даже не успел сбросить костюм, когда Рик начал тонуть. И сейчас парень судорожно дышал, глядя на мокрого старика.

С усов Альберта капала вода, приземляясь с глухим стуком на плиточное покрытие. Старик держался за бортик, пытаясь успокоить дыхание. Рик задрожал, и адреналин резко отступил, заставив его всхлипывать. Он почти до боли сжал кулаки и закрыл глаза, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. С его волос струями стекала вода, пока он вновь брал себя в руки.

— Куда ты спешишь? — внезапно спросил Альберт.

Рик вздрогнул. Ему было так стыдно, что он даже не мог посмотреть в сторону профессора:

— Рик! — настаивал Альберт. — Нельзя бросаться из огня да в полымя. А если бы меня не было рядом! Если бы вода была ледяной! Да тебя бы парализовало!

Рик вздрагивал на каждое обвинение. Он чувствовал себя таким крошечным и беззащитным, словно вновь превратила

в глупого наивного ребёнка. Хотя, может именно им он и был.

Альберт потянул его к лестнице из воды и помог подняться. Впервые хвост был таким тяжелым, что Рик оскалился, когда тащил его за собой из воды. Он накрыли скатертью и сел на плитку, уставившись между своих ступней. Профессор снял пиджак и выжал его возле бортика. Мокрая рубашка обтянула худощавое жилистое тело, сделав его ещё на несколько лет старше. Повесив пиджак на небольшую скамейку рядом с бассейном, Альберт прошел к Рику и сел рядом.

— Притих? — спросил старик. — Что так?

Рик слегка отвернулся:

— Нет настроения.

Альберт хмыкнул:

— Несколько минут назад было хоть отбавляй, — не смог сдержаться он.

Рик сильнее сжался в простынь, насупившись:

— Вы с Евой в этом похожи. Она тоже стыдила бы до последнего.

Профессор хихикнул и покачал головой:

— Наверное, ты прав. Ты с ней вместе провел времени намного больше, чем я.

Парень шмыгнул носом. Альберт дал ему время отдохнуть. Пока Рик с ненавистью смотрел на водную гладь бассейна, старик стащил с себя костюм и повесил его на лавочки ря-

дом с пиджаком. Пройдя мимо Рика, Альберт смела прыгнула с бортика, нырнув под воду. Рик выпрямился. Он подполз к краю и смотрел за тем, как старик удивительно быстро проплывает дистанцию от одного конца бассейна до другого. И двигался он так, словно не прикладывал ни единого усилия. Парень следил за движениями Альберта, впитывая каждый поворот и касание.

Профессор вынырнул из воды, вытирая лицо от лишней жидкости. Рик подошел к нему и сел рядом.

— Как вы это делаете? Вы же... — он резко замолчал.

Альберт вновь хихикнул:

— Старый?

Рик вежливо улыбнулся. Альберт быстро протёр усы и шмыгнул носом. Он оттолкнулся от бортика и расслаблено поплыл на спине. Парень не сводил с него глаз. Старик так свободно это делал, что Рик даже на секунду задумался, а не врал ли он про свой возраст.

— Ну что, попробуем ещё раз? — внезапно нарушил молчание Альберт. Рик посмотрел на него исподлобья, но быстро скинул скатерть и подошел к лестнице.

— Хвост, Рик! Ты вообще не двигаешь хвостом! Он тянет тебя вниз, — Альберт ходил возле бортика, держа в руке секундомер. Он хмурился и и смотрел на то, как парень судорожно перебирал конечностями.

Не двигает хвостом? Да Рик буквально силой мысли дер-

жался на поверхности воды. Его тело как никогда было тяжелым, и парню пришлось прилагать максимум усилий, чтобы не утонуть в первую же минуту. Он дергался из стороны в сторону, пытаясь держать голову над водой.

— Руки, Рик! Ноги! — пытался подсказать Альберт.

— Да знаю я! — ответил Рик и сразу пожалел об этом.

Видимо, сила мысли испугалась его слов и моментально исчезал, вновь предоставив ему возможность погрузиться на дно. Он дернулся крайний раз и схватился за перила.

— Хватит на сегодня! — раздраженно проговорил он.

Схватив новую скатерть, Рик начал яростно вытирать волосы и руки, словно физически хотел стереть следы неудачи. Сила всегда была его преимуществом, и сейчас вода буквально издевалась над ним. Он старался грести руками и отталкиваться ногами, но с каждым движением жидкость лишь затягивала его в свои глубины.

Альберт смотрел на яростные движения парня, убирая секундомер в карман пиджака. Он подошел к Рик и остановился в метре от парня:

— Рик, ты просто очень... очень... — он пытался подобрать слово.

— Ну? — нетерпеливо спросил Рик.

— Деревянный, — ответил Альберт.

Рик резко прекратил вытирать волосы и медленно повернулся к старику.

— Деревянный... — повторил Рик.

Альберт кивнул:

— Рик, вода не терпит резкости и грубости. Тебе нужно быть плавным и гибким.

— Но, — перебил его Рик, не сумев сдержать своего возмущения. — Вы же плаваете с усилием. У вас все мышцы напрягаются. И броски руками широкие.

Альберт улыбнулся:

— Я человек, Рик. А у тебя есть то, что нет у людей, — он бросил взгляд на длинный голубой хвост позади парня. — Ты должен использовать все свои преимущества, приятель. Все до единого.

Парень проследил за его взглядом и слегка поводил хвостом из стороны в сторону. Он внимательно всмотрелся в каждый рубец и чешуйку, словно сам впервые увидел его. Альберт понимающе кивнул и положил ладонь на плечо юноши.

— Пошли, Рик, отдохнем, — он быстро взглянул на часы. — К тому же, я обещал Элен позаниматься в чтении и письме.

Рик быстро натянул свою одежду и последовал за профессором. Бросив на бассейн последний взгляд, он нахмурился и оскалился:

— Ещё посмотрим, кто кого.

— Ой! — резко пискнула Элен, сжимая самодельный грифель с наконечником-гвоздиком. — Я случайно поставила

точку не туда. Забываю, что нужно писать зеркально.

Альберт аккуратно перевернул страницу и небольшой деревянной линейкой вдавил дырочку обратно. Элен быстро поморгала, прислушиваясь к движениям напротив своего лица.

— Готово, Элен, — Альберт вновь подвинул тетрадь с расчерченными им полями к слепой девочке. — Ещё раз, где должна быть точка в букве «Н»?

Элен высунула язык от максимальной сосредоточенности и поставила последнюю точку в правильном месте:

— В нижнем левом углу, — ответила девочка.

— Значит мы её ставим...? — Альберт предложил ей закончить.

— В нижнем правом, — кивнула она и перевернула страницу обратно.

Альберт с гордостью посмотрел на аккуратные четкие точки в середине страницы:

— Давай попробуем прочитать? — предложил он.

Девочка отложила грифель и провела пальцами по написанной ею фразе.

«#####»

— Я... — начала девочка. — Элен.

Она широко улыбнулась и вновь провела пальцем по строчке:

— Я Элен! — восторженно повторила она второй раз.

Альберт хмыкнул и кивнул:

— Осторожно, не води так часто, сотрешь фразу, — проговорил он.

— Как это сложно, — задумчиво сказала Ева, сидя за учительским столом.

Рик, всё это время листавший журналы с насекомыми и мелкими гадами (ящерицы, кстати, там тоже были), поднял глаза на рыжеволосую девушку. Он хихикнул, вскакивая с последней парты и грузно приземляясь на ноги.

— Не сложнее, чем учить битвинов читать, да? — пошутил он и облокотиться на стол, за которым сидела девочка.

Ева подняла наиграно снисходительные глаза на парня, закатив их.

— О, да, я уже миллион раз пожалела, что вообще предложила вам это.

Рик потянулся, сложив руки за головой:

— Да ладно, признайся, тебе нравится учить. Может тебе тоже стать преподавателем, как твой дед?

Альберт бросил быстрый взгляд на юношу. Рик поднял руки в капитулирующем жесте:

— Шутка. Это была шутка.

Альберт цокнул и аккуратно закрыл тетрадь Элен. Он дождался, когда слепая девочка поднимется на ноги, и протянул ей канцелярию.

— Убери, пожалуйста, вещи в шкаф, Элен.

Девочка кивнула и почти вприпрыжку подбежала к стеллажу. Открыв дверцу, она щелкнула в поисках свободно-

го места для своей тетради. Поставив её на нижнюю полку, Элен уже собиралась закрыть дверцу, когда её ушки уловили необычный предмет. Она протянула пальцы и почувствовала холодный гладкий пластик.

— Альберт, что это? — спросила она, чувствуя металлическую антенну, горизонтально прилегающую к верхней грани предмета.

Три пары глаз обернулись в сторону девочки. Рик слегка наклонился, чтобы лучше видеть Элен через тело Альберта. Ева резко вскочила и подошла к девочке. Она открыла вторую створку и широко улыбнулась:

— Это же магнитофон! — проговорила она, вытаскивая тяжелый механизм из шкафа.

Рик моментально оказался рядом. Он подхватил аппарат в руки, поставив его на ближайшую парту. И он, и Элен глупо уставились на предмет.

— У Амана похожий, но переносной, — проговорила Элен, почти выплевывая имя.

Альберт застенчиво улыбнулся и подошел к последней парте, где подростки уже рассматривали аппарат со всех сторон.

— Ну, не совсем так, — он подул на верхнюю грань магнитофона, и огромное облако пыли поднялось в воздух, заставив Еву чихнуть и отвернуться. — У Амана диктофон. Он записывает звуки. А этот малыш... — Профессор похлопал магнитофон ладонью. — ...может воспроизводить хорошую

музыку.

Рик с интересом взглянул на Альберта, оторвав взгляд от магнитофона:

— Музыку? Что это?

Одновременно и Ева, и Альберт подняли удивленные глаза на парня. Рик медленно переводил взгляд с одного лица на другое, шмыгнув носом:

— Что? Я опять что-то не то ляпнул?

— Вы не знаете, что такое музыка? — спросила Ева.

Элен покачала головой:

— Нет, а должны?

Альберт, всё это время хранивший молчание, быстро прошёл к шкафу, откуда Ева и Рик мгновение назад достали магнитофон. Профессор пошарил рукой в одной из коробок и вытащил оттуда кассету.

— О, кассета, — прокомментировал Рик, глядя на возвращающегося старика.

Ева не отводила от парня ошалевшие глаза:

— Рик, а когда ты предлагал украсть из лаборатории кассету, как ты собирался её слушать?

Парень вздрогнул:

— Ну... я собирался решать проблемы по мере их поступления.

Рыжеволосая девушка буквально прожигала его взглядом. Но когда до её ушей донесся щелчок подкассетника, она перевела взгляд на магнитофон. Альберт нажал на кнопку вос-

произведения и замер.

Тихое шуршание привлекло внимание битвинов. Когда из динамиков раздались первые ноты, Рик и Элен замерли, глядя на аппарат.

***«It's a human sign
When things go wrong...»***

Ушки Элен вздрогнули, и она направила кончики в сторону магнитофона. Рик почти не моргал. Он приоткрыл рот и тихо сел на стул рядом с партой.

***«When the scent of her lingers
And temptation's strong...»***

Альберт качался из стороны в сторону, сложив руки за спиной. Он тихо наслаждался вокалом Элтона Джона, вслушиваясь в знакомый тембр, который слегка искажался от старости механизма.

***«Into the boundary
Of each married man...»***

Профессор молча протянул руку в сторону Евы, и девочка оторвала взгляд от магнитофона. Несколько секунд она смотрела на пальцы бабушки, затем широко улыбнулась и взяла его ладонь. Альберт с нежностью вел внучку в танце, делая маленькие шаги напротив учительского стола.

***«Sweet deceit comes calling
And negativity lands...»***

Ева давно так широко не улыбалась. Она опустила глаза на галстук Альберта и неторопливо кружилась с ним. Каждый

его шаг совпадал с поворотом, а когда он покружил её вокруг оси, Ева весело захихикала.

*«Cold, cold heart
Hard done by you
Some things look better, baby
Just passing through...»*

Ева взглянула в сторону Рика и Элен. Слепая девочка положила голову на сложенные на парте руки и слегка улыбаясь, глядя глазами на колонки. Рик, почувствовав взгляд рыжеволосой девочки, повернулся к ней. Ева хитро улыбнулась. Она повернулась к Альберту, игриво и вежливо поклонилась, а затем быстро подошла к парню:

— Сейчас ты вообще с ума пойдешь, Рик, — сказала она, взяв его за ладонь.

*«And it's no sacrifice
Just a simple word
It's two hearts living
In two separate worlds...»*

Рик не успел среагировать, как оказался напротив учительского стол. Ева положила свою руку на его плечо, крепко сжав его ладонь второй.

— Ева, я не умею. Я... — пытался оправдаться он.

Ева хмыкнула:

— Это тебе за прыжок с крыши, Рик, — пошутила она, сделав шаг вперед.

Рик быстро среагировал и сделал шаг назад. Его рука ин-

стинктивно легла на талию девочки, но он весь напрягся от неизвестности.

— Расслабься, Рик, — Ева продолжала делать шаги. — Просто слушай музыку и двигайся. Не думай о движениях, позволь твоему телу самому направлять тебя.

«But it's no sacrifice

No sacrifice

It's no sacrifice at all...»

Он чувствовал, как с каждым движением его мышцы расслаблялись. Встретившись взглядом с Евой, Рик улыбнулся ей и крепче сжал свою ладонь. Он двигался вправо, влево, вперед, назад. Его хвост грациозно изгибался, превращаясь скорее в ленту, нежели в оружие. Вспомнив о движении Альберта, Рик поднял руку и покружил Еву возле себя. Девочка с удивлением посмотрела на него, но промолчала.

«But it's no sacrifice

No sacrifice

It's no sacrifice at all...»

— Отлично, Рик! Вот так! Просто прекрасно! — не успевал хвалить парня Альберт.

Рик вытянул руки, расслабив мышцы под водой. Его хвост дугообразными движениями рассекал воду, толкая парня вперед. Он улыбался под водой, чувствуя себя победителем.

«Вот так! — подумал он. — Я же говорил, что мы ещё посмотрим, кто кого».

Глава 12. Транквилиз

Очередная ночь. Очередной кошмар. Ей опять снилось лицо мамы. Но теперь оно был не таким же прекрасным и добрым, как восемь лет до этого. Рыжие волосы больше не успокаивали её переживания, в голубые глаза теперь были ненавистны. Ева даже не хотела смотреть на себя в зеркало. Каждый раз, когда она приходила в туалет, отворачивалась от стены. Если раньше сходство с матерью вызывало в груди Евы радость, теперь она буквально ненавидела своё отражение. Лицо мамы в воспоминаниях исказилось до неузнаваемости, превратив резкие черты Герти в хищный оскал и озлобленный взгляд.

Лежать без сна и думать о происходящем было выше её сил. Ева скинула скатерть и быстро приняла вертикальное положение. Рик спал в нескольких метрах от неё на животе, расслабленно протянув хвост вдоль своего тела. Рядом с ним валялась сырая скатерть, которой парень вытирал волосы несколько часов назад. Он весь вечер провел с Альбертом в бассейне и пришел уже поздно вечером, сразу опав на маты. Элен устроилась у него под боком. Она свернулась калачиком, сложив крылья на спине, и крепко обнимала руку Рика. Даже во сне её уши двигались из стороны в сторону, улавливая любовь звук или движение. Она спала очень беспокойно, и Ева слышала, как изредка девочка пописки-

вала и незаметно щелкала.

Ева быстро подошла к столу и взяла недопитый стакан воды. Кто-то из битвинов взял его вечером, но ей было плевать, чьи губы касались граней. Она жадно приникла к воде и выпила всё до последней капли в три больших глотка. Прохладная влага смочила её пересохшие губы, и девушка облегченно выдохнула. Вновь повернувшись к битвинам, Ева почувствовала в воздухе необъяснимое напряжение. Что-то было не так. И она моментально поняла, что именно. Заметив пустое место рядом с соседним столом и несколько светлых перьев, Ева вздохнула, подняв их с пола.

Девушка покрутила мягкие светлый пух между пальцев и прикрыла веки. Энергия была ощутимой. То же самое она чувствовала, когда открывала портал. Огромное давление в голове, сравнимое разве что с какой-нибудь смертельной мигренью. Дрожь в руках и ногах, скрежет зубами, нехватка воздуха... и сейчас девушка отчетливо чувствовала крупницу этой необъяснимой силы. Ноги сами вели её к источнику энергии. Вперед, на лестницу, направо, снова вперед и снова на лестницу... Она быстро поднялась на четвертый этаж и выдохнула свежий воздух, когда перед её глазами появился открытый люк на крышу.

Медленно, словно сквозь течение, направленно против её движения, Ева поднялась по металлической лестнице вверх. Ночная прохлада заставила её задержать дыхание, пока она пыталась вдохнуть полной грудью. Ночь поглотила сторону

Альберта в свои объятия, но даже сквозь темноту девушка видела три аккуратных дороги, идущие от университета. Полностью оказавшись на крыше, девушка расправила рукава свитера и пошла на зов. Заметив две фигуры впереди себя, Ева быстро спряталась за необычайно большим турбодетектором. Металлическая конструкция полностью скрывала её фигуру, и девушка аккуратно выглянула, придерживаясь рукой свои кудрявые волосы.

Альберт сидел на коленях напротив Патриции, закрыв глаза и вдыхая ночной воздух. Его галстук был заметно ослаблен и свободно болтался на шее. Рукава пиджака дедушка высоко закатал, оголив жилистые старческие руки. Фонарь между ним и девушкой едва ли освещал лица, и выражение Пати Ева не могла различить. Но по её вздрагивающим плечам и опущенным в пол глазам Еве не нужно было угадывать, что именно делала Патриция. Светловолосая девушка почти до боли сжимала свои колени, повторяя позу Альберта. И чем дольше она сидела в тишине, тем отчетливее по воздуху раз носились предательские рыдания. Альберт вновь сделал вдох:

— Что было дальше, Пати? — спокойно спросил он.

Патриция вновь всхлипнула:

— Он... он дал мне таблетку обезболивающего. Или две. Не помню точно. Было так... так больно, что я не понимала даже, как их глотать. Проснулась я уже в своей комнате. С огромной лужей крови на кровати, — она вновь замолчала,

громко сглотнув.

Альберт зажмурился, сжал руки на коленях. Он сделал очень глубокий вдох, опустив голову. Слегка постучал пальцами по своим бедрам, профессор кивнул, давая Пати знак продолжать:

— Он... он всё время после этого был рядом, — призналась Пати. — Контролировал кровотечение и в нужное время останавливал его. А ещё часто мерил мне температуру. Почти каждые пятнадцать минут. И записывал всё в свою тетрадь. И на диктофон. Я не хотела знать то, что он делает, но выбора у меня не оставалось.

Альберт кивнул:

— Аман мерил тебе температуру в середине цикла? — уточнил он.

Пати кивнула. Профессор отвел взгляд, и его глаза забегали из стороны в сторону.

— Что ещё ты помнишь? — уточнил он.

Пати ссутулилась и её крылья безжизненно расстелились позади неё. Она слегка сжала пальцы, медленно моргая. Влага на её ресницах скапливалась в небольшие капельки, присоединяясь к влажным дорожкам на щеках.

— Там было много пустых стеклянных колб, — сказала она, и это признание далось ей тяжело. — Но во второй раз... — Пати подняла заплаканные глаза на старика. — Во второй раз пустых стало меньше, Альберт. В тринадцати из них были... эмбрионы.

Альберт вздрогнул и резко открыл глаза. Он с дрожью протянул руку и взял ладонь Пати в свою.

— Что ты такое говоришь, Пати? — в ужасе произнес он.
— Что ты имеешь ввиду?

Пати безучастно посмотрела на ладонь профессора. Она согнула спину ещё сильнее, словно ненавидела саму себя всеми силами души.

— Альберт, — начала она. — Я... я думаю, что нулламанусы... — Пати оскалилась, чувствуя на своих зубах собственные слёзы.

Ева вздохнула, и моментально прикрыла рот рукой. Чёрт возьми! Чёрт возьми! Альберт широко открыл глаза. Его пышные усы дернулись от резкого вдоха. Он крепче сжал руку Патриции, заставив её посмотреть на себя.

— Ты думаешь, что он создал нулламанусов из твоих ооцитов? — почти шепотом спросил старик, надеясь на отрицательный ответ.

Но Пати не отрицала. Слёзы капали с кончика её носа прямо на пиджак старика. Она моргнула, направив ещё больше влаги в уголки глаз. Альберт молчал несколько секунд. Он выводил большим пальцем небольшие круги на её ладони, не позволяя ей утонуть в собственной ненависти и печали.

Ева прислонилась спиной к турбодетектору и подняла глаза в небо. Ни одной звезды. Словно сама природа издевалась над ними и лишила всех небесных светил. Лишь только луна частично нарушала тьму беспроглядной ночи. До её

ушей доносились всхлипы Патриции и тихое шипение Альберта. Она вновь выглянула из-за металлического укрытия и остановила свой взгляд на фигурах.

Альберт аккуратно, словно давая Пати возможность отстраниться, притянул её к себе. Как только её лоб коснулся его груди, всхлипы Пати превратились в отчаянные рыдания. Он ничего не говорил, лишь прижимал девушку к себе и позволял ей выпустить всю обиду и гнев. Всю ненависть и отчаяние. Она рыдала, и Ева поняла, что задерживает своё дыхание. Она ещё никогда не видела, как плачет Патриции. Честно сказать, она вообще не была уверена, что Пати умеет это делать. Но сейчас, видя, как небольшое бледное тельце сотрясается от слез, Ева больше не видела в Патриции каменную и холодную девушку. Теперь она буквально физически чувствовала, как стены, которые Пати возводила вокруг своей души, рушатся под напором такой необходимой для неё ласки.

— Я ненавижу его, Альберт, — сквозь рыдания проговорила Пати. — Ненавижу всеми силами своей души. Своего сердца. Ненавижу так сильно, что мне физически больно от этого. Больно...

— Я знаю, — ответил Альберт. — Я знаю, Пати.

Время буквально остановилось вокруг них. Пати прижималась к теплой груди Альберта, её слёзы насквозь пропитали его рубашку и оставили мокрые пятна на груди. Ева потеряла счет времени, считая каждое всхлипывание Патриции.

— Плачь, Пати, плачь. Плачь столько, сколько хочешь, — шептал профессор, прижимая её к себе.

Когда рыдания перешли в громкое дыхание, Ева вновь выглянула из своего укрытия. Альберт не разжимал рук, позволяя девушке самой решить, когда ей будет достаточно объятий. Его ладони крепко прижимали девушку к себе, обхватив не только её тело, но и сложенные на спине крылья. Медленно и неохотно Патриция отстранилась, вновь сев в позу на коленях. Она молчала несколько секунд, и Ева вздрогнула, когда голос Альберта нарушил молчание:

— Спасибо, Патриция.

Пати резко подняла карте глаза на старика. Несколько мгновений она обдумывала его фразу, затем покачала головой:

— Спасибо? За что?

Альберт улыбнулся и выдохнул:

— За то, что рассказала правду.

Пати подняла уголки губ. Её кулаки судорожно сжимались и разжимались, пока она, казалось, боролась сама с собой:

— Ох, Альберт, лучше бы это было ложью. Одной ужасной и пугающей ложью.

Альберт вздохнул. Огонёк внутри лампы слегка вздрагивал, когда ночной ветерок прогонял остатки напряженной атмосферы между ними. Профессор закрыл глаза и положил руки на колени:

— Готова попробовать почувствовать транквилиз? — внезапно спросил Альберт.

Пати кивнула, приняв похожую позу. Она сидела на коленях, положив руки на бедра. Выпрямив спину, Патриция закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Затем ещё один и ещё. Её грудь размеренно поднималась и опускалась, пока она успокаивала сиюто дыхание.

— Молодец, — похвалил девушку Альберт. — Дыши медленно и глубоко, расслабься и почувствуй энергию внутри себя. Она идет из центра, начинаясь между лёгких, и разносится по всему организму.

Пати вновь втянула носом ночной воздух. Её руки крепко сжимали бедра, почти впиваясь ногтями в мягкое оперение. Казалось, что каждый вдох давался ей с большим трудом. Она буквально насильно пыталась расслабить своё тело и почувствовать ту самую энергию, о которой говорил профессор.

— Твоя сила в каждом сокращении сердца. В твоих венах и артериях. Почувствуй, как быстро по твоему телу бежит кровь. Каждый поворот капилляров заставляет течение ускоряться. Ощути то, что происходит внутри своего организма, — Альберт вновь сделал вдох. Его поза была расслабленной и уверенной, как-будто он сидел на мягком кресле, а не на высоте четырех этажей.

Пати нахмурилась. Дыхание девушки слегка сбилось, но она попыталась вновь восстановить его. Альберт приоткрыл

глаза. Он опустил зрачки на сжатые руки Патриции и внимательно посмотрел на тонкие пальчики девушки. Судорожно она сжимала и разжимала их, боясь потерять связь с реальным миром.

— Отпусти всё, Пати, — мягко проговорил он. — Отпусти каждый день, который доставлял тебе боль. Отпусти все свои страдания, как бы тяжело тебе не было.

Патриция поморщилась. Она вновь судорожно втянула воздух и слегка оскалилась. Пальцы впивались в бедра, проваливаясь между перьев. Она чувствовала, как ногти погружались в нежную кожу под светлым пухом:

— Позволь себе быть свободной от переживаний и страхов, Пати. Твоя душа должна быть чистой и открытой, иначе транквилиз не сработает. Невозможно открыть портал спокойствием, если в твоей душе есть отрицательные эмоции.

Она опять вздрогнула. На лбу девушки выступили капельки пота, а в глазах вновь появилась влага.

— Отпусти ненависть, Патриция, — продолжал Альберт, глядя на неё. — Отпусти страх. Злость. Обиду. Позволь себе чувствовать спокойствие. Позволь себе...

— Я не могу! — внезапно крикнула она.

Плечи Пати вновь затряслись от всхлипов. Она резко подалась вперед и почти прижалась лбом к холодному покрытию крыши. Её косички безжизненно упали по обеим сторонам от головы, пока она обнимала себя руками.

— Я не могу, — прошептала Пати. — Мне кажется, во

мне нет ничего, кроме ненависти и ярости к нему. Альберт, я словно погрязла в собственной тьме. Я боюсь. Я злюсь. Я ненавижу. Я...

Ева едва могла различать слова Пати. С каждым признанием её и без того высокий голос переходил почти на визг. Светловолосая девушка крепче сжала руки вокруг себя, почти лежа на крыше.

— Пати... — начал Альберт. — На твоём месте мог быть кто-то другой. Ты можешь его ненавидеть. Бояться. Но не вини себя.

Пати подняла красные глаза на Альберта. Казалось, радужка почти слилась с цветом яблока:

— Но это была я, Альберт. Я и моё чертово тело. Уродское ненавистное тело.

Она замолчала, вновь опустив глаза вниз. Профессор ничего не говорил. Он лишь изредка моргал, позволяя тишине и ночной прохладе остудить разгоряченную Пати. Когда она вновь выпрямилась и посмотрела на него, её глаза судорожно бегали по лицу Альберта:

— Как ты это сделал, Альберт?

Старик слегка наклонил голову, почувствовав небольшое замешательство. Он поерзал на месте и сгорбился:

— Сделал что, Патриция?

Девушка кивнула в сторону его груди:

— Позволил душе быть чистой.

Старик вздрогнул. Он провел рукой по своим волосам,

чувствуя волнение:

— Как ты мог простить *ему* то, что он сделал? — вновь подала голос Пати. — Как... Как тебе хватило сил?

Она смотрела на него, не отводя взгляд. Ева выпрямилась и вслушивалась в каждый вдох. И чем дольше Альберт молчал, тем туже натягивался узел тревоги внутри неё. Когда он заговорил, Еве показалось, что облегчение накрыло её с головой:

— Я и не простил, — внезапно сказал он. — Но моя обида направлена не только на него, Пати. За семнадцать лет у меня было достаточно времени обдумать каждую минуту моих отвратительных действий. Я миллион раз прокручивал мысль и том, что могло бы быть, если бы я не поддался собственным демонам. Наверное, ничего этого бы не случилось. Не появился бы этот мир, эти стороны, эта стена... — он указал рукой в сторону огромной постройки. — И... не было бы вас, Пати.

Девушка подняла брови, и её крылышки слегка вздрогнули. Альберт кивнул сам себе и слегка уменьшил огонёк в лампе.

— Мы не можем притвориться, что нашего прошлого не было. Ведь наша душа состоит лишь из того, что было. Каждый кусочек окрашивает и определяет тебя, — он ткнул на свою грудь. — И только от нас зависит, в какой именно цвет мы опустим кисть нашего прошлого. Аман сделал свой выбор. Его прошлое темное и беспроглядное. И будущее будет

таким же, Пати. Из темноты никогда не появится свет, — он замолчал. — И тем не менее, каждую ночь небо освещается луной. А у Амана... появилась ты.

Пати вздрогнула, резко встретившись взглядом с Альбертом. Профессор улыбнулся, аккуратно положив свою ладонь на её руку:

— Я не простил, Пати. И не смогу простить. Ни себя, ни его. Но я могу отпустить это. Отпустить ненависть и гнев. И оставить лишь жалость, — он поднял свою ладонь и аккуратно погладил Пати по голове. — Ты - свет, Патриция. Самая смелая из всех, кого я когда-либо встречал. И мне жаль, если ты сама этого не видишь. Не позволяй его тьме поглотить свою чистую нетронутую душу.

Он с кряхтением поднялся на ноги, схватив лежащую рядом трость. Ева затихла, слыша как шаги Альберта приближаются к ней. Она слегка переползла вправо, чтобы дедушка не заметил её. Он с усилием спустился по лестнице вниз и исчез из поля её зрения. Девушка поднялась и посмотрела в сторону люка. Её внимание привлекло легкое трепетание. Повернув голову, она встретилась взглядом с Пати.

Светловолосая девушка сидела в той же позе, что и несколько мгновений назад. Молчание заметно затянулось, и затем Пати повернула голову к лампе.

— Полагаю, теперь мы квиты.

Она поднялась и взяла лампу. Почти бегом Патриция приблизилась к люку и исчезла на четвертном этаже. Ева долго

смотрела на место, где несколько минут назад сидел дедушка.

«И тем не менее, каждую ночь небо освещается луной», — повторяла Ева в своей голове. Может, бабушка и прав. И она сама должна подумать о своём прошлом.

Глава 13. Таблетка

— Что с тобой происходит, Альберт? — спросила Нина, бесцеремонно распахивая дверь его домашнего кабинета. Она смело прошла к столу мужа, поправив свое домашнее простое платье, и села напротив него. — Ты почти на выходишь из кабинета, ничего не ешь, не пьешь. Даже не читаешь свои книги. Только и делаешь, что работаешь и пропадаешь в лаборатории.

Альберт виновато отвел глаза в сторону. От Нины ничего не ускользало. Его жена была самым проницательным человеком из всех, кого он когда-либо знал. Возможно, потому что за почти семнадцать лет она выучила все его привычки и повадки. По первому чиху Нина могла определить, заболела Герти или просто что-то пощекотало её нос. По единственному выдоху Альберта она могла точно понять, как прошел его день. И сейчас её глаза смотрели прямо в душу профессора.

Он не хотел рассказывать ей правду. Во-первых, Альберт не планировал вообще впутывать свою жену в дела института и... взаимоотношения с Аманом. Во-вторых, предчувствие подсказывало ему, что ничем хорошим это не закончится. Он постукивал пальцами по столу и, наконец, посмотрел на Нину. Когда он открыл рот, планируя придумать что-то, что могло бы удовлетворить её любопытство, Нина под-

нялась со стула и облокотилась на стол:

— Даже не думай, Альберт! — строго сказала она. — Когда ты собираешься мне наврать, твои усы начинают дергаться.

Профессор вздрогнул и закрыл рот. Он крепко сжал карандаш в руку и прислонился спиной к креслу. Нина выдохнула и прошла к нему. Его жена была высокой и худой женщиной. Она всегда следила за своей фигурой, поддерживая худобу физическими упражнениями. Даже сейчас Нина продолжала бегать каждое утро и внимательно следила за питанием. Привычки прошлого не могли покинуть хрупкое тело миссис Колотий. Женщина аккуратно села на колени мужа и запустила пальцы в его волосы.

Альберт нежно приобнял жену за талию и опустил взгляд на стол. Касания Нины удерживали его в реальности, пока он всеми силами хотел сбежать отсюда. Её пальцы гладили кожу его голову, пока он собирался с мыслями. Но эти предательски мысли не хотели собираться, выставляя его полным идиотом, который, плюсом ко всему, ещё и обманывает своего самого близкого человека:

— Альберт, — с дрожью в голосе проговорила Нина, чувствуя напряжение между ними. — Что происходит?

Он вновь громко выдохнул, крепче сжав руку на её нежной коже. Отложив карандаш на стол, он встретился взглядом с женой и прикусил нижнюю губу до боли:

— Думаю, что я совершил очень большую ошибку, Нина,

— признался он.

Нина вздрогнула, остановив движение своих пальцев:

— Надеюсь, ты сейчас говоришь не про наш брак? — попыталась пошутить она, но, увидев в глазах Альберта страх, замолчала. — Альберт...

Мужчина притянул жену к себе и уткнулся лбом в её ключицы. Он глубоко вдыхал запах Нины, пытаясь успокоить расшатанной нервы. Его пальцы почти до боли сжимали талию женщины и кожу на бедре, но она не сказала ни слова.

— Ты помнишь мои рассказы про Амана Фейрстоуна? — спросил внезапно Альберт.

Нина задумалась:

— Ты про того сообразительного парнишку, с которым вы работаете в лаборатории?

Альберт кивнул. Он притянул жену ближе к себе и открылся Люда в её плечо:

— Да, — он вновь вдохнул. — Я думаю, что мне нужно рассказать тебе ещё кое-что. Если ты пообещаешь, что выслушаешь до конца.

Нина нахмурилась. Она встала с колен мужа и вновь села на стул, приготовившись слушать.

Нина просила его оставить эту идею. Сначала она пришла в ярость и металась по комнате, как адский цербер. Красная от злости и гнева, Нина прожигала мужа взглядом, пока он продолжал признаваться ей в своих собственных грехах. Он

понимал, что совершает ужасную вещь. Но приятное послевкусие славы и шуршание денежных грантов в руках заставляли его поддерживать Амана и дальше.

Женщина почти заставила его отказаться от продолжения эксперимента. Почти. Когда Альберт поклялся ей в том, что не перейдет черту дозволенного (хотя, он уже перешел её много раз), Нина остыла. Почти весь вечер она молчала. Герти чувствовала напряжение между родителями, но не задавала ни единого вопроса. Как всегда, она просто молча ушла в свою комнату.

Эксперименты Амана продолжали заканчиваться успехом. Он скрещивал животных из разных классов и видов, почти до фанатизма записывая на диктофон каждую секунду наблюдения. Альберт без особых проблем договаривался с поставкой биоматериалов, удивляясь, почему никто не задаёт ему вопросов о том, что происходит с животными дальше. Зато у него их было полно.

Почти год Аман вел эксперимент по скрещиванию. И многие попытки заканчивались успехом. Однако он ни разу не опубликовал исследование. Даже статью. Изредка он готовил небольшие выступления с демонстрацией результатов, и этого было достаточно, чтобы люди обращали свое внимание на работы юноши. Но Альбера смущало не это. Он давно поймал себя на мысли, что никогда не видел существ после того, как Аман доставал живых тварей из инкубаторов. Гибриды крысы и змеи, крысы и собаки, крысы и кошки, кры-

сы и дятла... он видел их всех по несколько минут. Раньше его это не смущало, но сейчас он искренне не понимал, куда они девались.

Зимним вечером Альберт уже собирался отправиться домой, когда ноги вновь понесли его в сторону лаборатории. Он вошел в дверь и увидел знакомую высокую фигуру. Аман сидел за столом и что-то рисовал. И ел. Альберт почти никогда не видел, чтобы юноша что-то ел. Перед Аманом стояла большая миска салата, пока парень быстро двигал черной гелиевой ручкой по своему блокноту. Профессор прошел вперед и посмотрел через его плечо.

— Что это? — спросил он нарочито нейтральным тоном.

Аман отправил ещё одну ложку в рот и подвинул блокнот к профессору. Альберт нагнулся, внимательно всматриваясь в рисунок. Ему потребовалась секунда, чтобы понять, что он смотрит на зарисовку внутреннего строения гибрида. Последнего, результат скрещивания крысы и дятла. И его внимание привлекли небольшие пятна крови на светлых листьях.

Аман вновь взял в рот порцию салата, и хруст свежих огурцов и листьев наполнил пустую лабораторию. И сейчас, в напряженной атмосфере помещения, это больше походило на издевательство:

— Очень... — начал Альберт. — Подробно. У нас такой мощный аппарат узи?

Аман хмыкнул:

— Если бы через наш аппарат узи можно было бы хоть

что-то увидеть, я бы не марал руки, — проговорил он, пережевывая томат.

Профессор вздрогнул. Он быстро взглянул на Амана, заметив на его халате царапины. И снова засохшие кровавые пятна.

— Твоя одежда, Аман.

Парень кивнул и доел последнюю ложку. Он выбросил пластиковую миску в мусорку под столом и поправил свою рубашку.

— Ну, вскрытие было тяжелым, — объяснил он таким тоном, словно обсуждал погоду или надоедливую муху.

Альберт вновь взглянул на рисунок. Он был таким четким и структурированным, что по спине профессора поползли мурашки. Аман подписал всё. Количество костей, длину кишечника, вес легких и... время, за которое сердце полностью остановилось. Профессор вздохнул и схватил блокнот.

— Что это? — указал он на записанные минуты.

Аман поправил очки и посмотрел на свой рисунок. Он пожал плечами, собирая вещи со стола:

— Время, за которое наступила смерть.

Альберт замер. Блокнот выпал из его рук и громко приземлился на пол. Аман вздохнул и моментально поднял тетрадь:

— Профессор, осторожнее! Здесь же все рисунки и записи. Я не хочу начинать все с самого начала.

Альберт резко выхватил блокнот из рук парня и проли-

стал его. Результаты вскрытия всех гибридов были зарисованы рукой Амана. Аккуратные и точные линии, как и всё, что делал юноша.

— Почему такая формулировка? «Время, за которое наступила смерть?» Обычно пишут «время смерти». — Альберт судорожно размахивал ладонью перед открытым блокнотом и вчитывался в записи.

Аман потер веки, просунув пальцы под очки, и громко выдохнул.

— Там есть и «время смерти». Но меня интересовало именно первое.

Альберт широко открыл глаза и покачал головой:

— Подожди, Аман... ты... ты... где гибриды?

Юноша насупился. Он аккуратно взял блокнот из рук мужчины и положил его в свою сумку.

— Их нет.

— В каком смысле? — Альберт с недоверием смотрел на Амана.

Парень вновь пожал плечами:

— В прямом. Их нет.

Профессор мог лишь беззвучно открывать и закрывать рот. Внутри него бушевали сотни эмоций: гнев, ярость, ненависть и, в самом центре, страх. Он отрицательно покачал головой.

— Что ты с ними сделал?

Аман недовольно перевел на профессора глаза, словно

смотрел неинтересный многосерийный фильм. Затем облил губы и закинул рюкзак на спину:

— Профессор, вы читали «Тараса Бульбу» Николая Васильевича Гоголя?

Альберт молчал и внимательно смотрел на Амана:

— Так вот, там есть прекрасное выражение. И я им воспользовался, — Аман подвинул стул к столу и быстро вышел из лаборатории.

Аман почти не выходил из лаборатории два дня. Изредка он позволял себе пройтись по коридорам института, но затем возвращался и вновь приступал к эксперименту. И Альберта это пугало. Чем больше он смотрел на сгорбленную фигуру напротив, тем сильнее начинал нервничать.

Но больше всего его тревожило то, что Аман не просил его достать яйцеклетки. В последний раз он принёс три вида ооцитов: волнистый попугай, шпиг и кролик. Но сейчас Аман включал уже седьмой инкубатор. Альберт следил за каждым движением юноши, незаметно караулил его после лаборатории и перед ней. Но каждый раз Аман приходил и уходил в одно и то же время. Профессор чувствовал себя сумасшедшим. Неужели он дошел до невроза и погряз в своих собственных подозрениях? Однако он искренне не понимал, откуда у Амана биоматериал.

Весна две тысячи седьмого года буквально разрывала его на части. Герти почти не спала и готовилась к выпускным

экзаменам. Нина не находила себе места от волнения и продолжала молить его оставить идею экспериментов Амана. Но всё решил первый экзамен Герти. Ей стоило лишь перейти порог квартиры, и Альберт понял результат по её взгляду. Она тихо прошла в свою комнату, не удостоившись ни одного родителя даже приветствия.

Майский вечер, на удивление, был тихим. Профессор прошел в лабораторию, чувствуя на своих плечах тяжесть принятого решения. Стоимость обучения в университете, куда так сильно хотела Герти, была просто запредельной. Но на то он и отец, чтобы достать для неё звезду с неба. Чем бы не занимался Аман, его исследования приносили огромные деньги. Инвесторы буквально рвались с места, просовывая своё финансирование прямо в лицо профессора.

Открыв дверь в светлое помещение, он вновь ожидал увидеть Амана. Но его не было. Альберт внимательно осмотрел каждый угол, удивляясь собственному параноидальному поведению. Профессор всегда приходил ровно в пять двадцать. Но сегодня группу первокурсников забрали на какие-то очередные показательные выступления. Будто им было, что показывать.

Он вновь осмотрел тихое помещение и поморщился. Станный запах буквально ударил его в нос и заставил отшатнуться. Запад тухлятины и раздражения.

— Что за чёрт? — Альберт выругался себе под нос и медленно прошел вперед.

С трудом сдерживая рвотные позывы, он приблизился к рабочему столу Амана. Запах точно был отсюда. Вновь сделав вдох, Альберт нагнулся. Вонь шла из мусорного бака. Это, разумеется, ожидаемо. Аман ел здесь, и оставшаяся еда могла протухнуть. Но этот запах нельзя было ни с чем спутать. Альберт выдвинул мусорный бак и аккуратно снял с него крышку.

Нечто лежало на дне ведра и закрывало дно тёмным алым цветом. Это нечто чем-то напоминало разрезанную пополам сырую печень. Только потом эту печень оставили сохнуть под палящим солнцем. Непонятный орган плотно прилип к стенкам бака, оставляя после себя красные сухие следы.

— Какого... — Альберт быстро схватил перчатки и надел их на руки.

Он с неприязнью схватил мягкую, липкую, холодную материю и потянул её на себя. Орган с неприятным шлепком отклеился от дна ведра, направив в нос профессора ещё больше запаха. Но стоило Альберту вытащить тухлятину наружу, как он с отвращением откинул неясно в сторону.

Темное нечто, напоминающее холодную губку валялось на полу перед профессором. И если сначала он не мог понять, что это, то теперь небольшой засохший отросток с голубоватыми венами не оставил сомнений в происхождении предмета. Перед Альбертом лежала плацента. Старая, засохшая и протухшая плацента. Когда понимание ударило по нему, как молотком, Альберт две не услышал открывшуюся

позади него дверь.

— Профессор? — раздался позади голос Амана.

Альберт резко обернулся:

— Что вы тут делаете? Разве у вас не... — юноша замер, видя валяющийся на земле орган.

Мужчина сглотнул, сжав руки в кулаки:

— Откуда?

Аман отбросил рюкзак в сторону:

— Ферма за городом. Коза не смогла разродиться. И я купил тушу.

Альберт вздрогнул:

— Аман... для чего? Что ты хочешь добиться?

Парень выдохнул. Он прошел к Альберту и указал рукой в сторону шкафчика.

— Пошлите. Я покажу.

Он подошел к дверце с кодовым замком и быстро ввел пароль. Альберт медленно проследовал за юношей. Пока Аман доставал нужный предмет с верхней полки, мужчина ни разу не позволил себе расслабиться. Парень повернулся к нему, держа в руках маленькую таблетку.

— Это...?

— Это гормональная таблетка, профессор. И она работает на животных.

Альберт в ужасе уставился на крошечный белый кружок в руках юноши:

— Тебе для этого нужна была плацента?

— Да, — кивнул Аман. — плацента вырабатывает прогестерон. Это был последний гормон, который я добавил в таблетку.

Мужчина не сводил с Амана глаз. Он медленно сел на стул и притих.

— Аман, остановись, — внезапно сказал он. — Наука должна нести свет в жизни народа. А твои исследования...

— А мои исследования приносят свет в вашу жизнь, профессор. Вы сами говорили об обучении дочери. Так что просто помогите мне закончить эксперимент.

Альберт хлопнул по столу:

— Закончить эксперимент!?! Аман! Твои исследования с каждым днём всё изощреннее!

Аман повторил вызывающую позу профессора:

— Потому что я не боюсь!

— Нет! — яростно ответил Альберт. — Потому что ты не думаешь о последствиях! Чёрт возьми, да тебя бы давно посадили за живодерство, если я не покрывал тебя!

Аман хитро улыбнулся. Медленно он достал из рюкзака диктофон с работающей кнопкой записи. Альберт побледнел от ужаса. Он собирался что-то сказать, но юноша опередил его:

— Верно, профессор. Вы абсолютно правы. И я думаю, что наше сотрудничество продлится и дальше.

(ранее)

— Прекрасной выбор, юноша, — проговорил фермер, за-
талкивая беременную козу в специальную перевозку. Аман
слушал его, но не слышал. Он видел подергивающийся жи-
вот животного, в котором изредка двигался козлёнок. —
Крепкая девочка. Со дня на день родит.

Парень протянул мужчине толстую пачку купюр и запрыг-
нул за руль арендованного автомобиля. Фермер с жадностью
в глазах пересчитал деньги и довольно кивнул:

— Хорошей дороги, приятель.

Аман даже не запомнил, как зовут этого мужчину. Да и не
нужно было. Коза периодически начинала выть, пугаясь от
редких кочек и ям. Руки Амана дрожали от предвкушения.
Он почти физически чувствовал успех своего детища. Ещё
два километра... один...

Он остановил машину далеко за городом на одинокой по-
ляне. Открыв перевозку, Аман выпустил животное наружу.
Коза быстро приникла к траве, начав поедать нетронутую зе-
лень. Аман мельком смотрел на огромное животное, и быст-
ро рыскал руками в багажнике.

— Ты уж извини, но мне нужно, чтобы ты не двигалась, —
проговорил Аман, замахиваясь молотом в сторону ног жи-
вотного.

Глава 14. Манёвры

Пометка на полях в параграфе о рыжей вечернице: «У рыжей вечерницы длинные и узкие крылья, что обеспечивает быстрый и манёвренный полёт. Скорость полёта может достигать до 70 км/ч. Траектория полета прямая, но во время охоты возможны резкие повороты и броски. Вечерницы способны ловко минуть встречающиеся на пути препятствия даже в темноте».

А. К.

Огромный открытый стадион виднелся издалека ещё до того, как Элен подошла к нему. Спортивная площадка позади университета была заставлена тренажерами и турниками. Асфальтированная дорога почти полностью была покрыта трещинами и ямами, преобразая беговые дорожки в зимний узор на стекле. Элен недоверчиво посмотрела на Альберта и подняла брови вверх:

— Мы будем тренировать мышцы? Зачем вы привели меня сюда? Вы же, вроде, хотели проверить наши способности.

Альберт хихикнул:

— Нет, не совсем, — он открыл книгу на заранее заложенной странице и поставил палец на нужное место. — я хотел **изучить** ваши способности, а не **проверить**. Давай начнём с разминки. Пробеги пару кругов по спортивной площадке. И не торопись.

Он резко захлопнул книгу прямо перед её носом, отчего она дернулась, почувствовав дуновение ветра с запахом страниц. Услышав его цоканье, Элен поморщилась.

— Слишком медленно... — проговорил он себе под нос.

— Что вы сказали, профессор? — переспросила слепая девочка.

Альберт покачал головой:

— Ничего важного. Начинай.

Элен неуверенно щелкнула и направилась к беговым дорожкам. Она поправила шортики, медленно набирая скорость. До носа Элен доносились запахи сырости и земли. Она предположила, что это могла пахнуть влажная почва, но дождя точно не было. Она щелкала языком и направляла ушки в сторону асфальта, чтобы не попасть ногой в огромную яму.

— Элен, — позвал её профессор, — Скажи, а как быстро ты можешь бегать?

Девочка бросила взгляд в его сторону, почувствовав подвох в вопросе. Она ускорила, словно физически демонстрируя ему, что ещё далеко от усталости:

— Быстрее Рика и Пати вместе взятых, — ответила она.

— А что? Зачем вы спрашиваете?

Слепая девочка быстро пробежала первый круг и уже начинала второй, когда её слух привлекло движение сбоку. Девочка повернула голову в сторону, где, как она помнила, стоял Альберт, и щелкнула. Когда волна эхолокации вернулась к ней, она вскрикнула и едва успела уклониться от летящего

на неё шара:

— Значит убежать от мячей сможешь, — весело крикнул Альберт и направил ещё два волейбольных мяча в её сторону.

Она вновь отпрыгнула, пытаясь лавировать между летящими в неё шарами. Их было слишком много, эхолокация не успевала возвращаться к ней. А если и успевала, то мяч уже фактически врезался в её лицо. Элен выставила руки вперед, пытаюсь вслепую отпихнуть летающий спортивный инвентарь.

— Альберт! Стой! Я не успеваю!

Альберт вновь замахнулся и кинул очередной мяч. Предмет метко попал Элен в ногу, и она шикнула:

— Ты привыкла получать сигналы о недвижимом окружении. Но если будешь внимательнее, сможешь предугадать действия всего, — спокойно проговорил он, вновь бросая мяч. — Слушай волны, Элен! Пусть они не просто показывают образ, а дают тебе о предмете всю информацию!

Она зарычала и случайно наступила на лежавший возле её ног шар. Трава моментально испачкала костюм девочки, когда она с грохотом упала на пол. Альберт громко выдохнул и приблизился к ней.

— Давай помогу, — он протянул руку и крепко сжал её ладошку, когда она согласно ответила ему.

Альберт плавным движением поставил девочку на ноги и по-отечески расправил кофту спортивного костюма:

— У меня на получилось, да? — разочарованно спросила Элен.

Альберт сжал губы и медленно кивнул:

— Не получилось, — он стряхнул грязь с её волос. — Не переживай, Москва не сразу строилась.

— Что такое Москва? — наивно спросила она. Альберт улыбнулся и кивнул в сторону мячей.

— Я надеюсь, что ты сама сможешь узнать об этом позже. А пока... — он вновь поднял мяч.

Передав его в руки девочке, профессор сделал шаг назад. Она покрутила «орудие убийства» в руках и недовольно откинула мяч в сторону:

— Элен, — начал он. — У тебя прекрасная эхолокация. Ты можешь чувствовать предметы на огромном расстоянии. Но ты слишком зациклена на недвижимых объектах, — он поднял ещё один мяч с земли. — Эхолокация нужна тебе не только для представления местности. В зависимости от скорости возвращения волн и силы, с которой они отталкиваются от препятствий, ты можешь предугадывать дальнейшие движения предметов.

Он подкинул мяч и покрутил его на одном пальце. Но сделал это максимально неумело, поэтому инвентарь сразу же полетел на землю. Альберт успел подхватить его в нескольких сантиметрах от земли и стеснительно улыбнулся. Элен опустила слепые глаза в землю.

— Ну-ну, — начал профессор и положил ладонь на её пле-

чо. — Не у всех всё получается с первого раза. Давай начнём с более простых упражнений.

— Молодец, Пати, — похвалил девушку Рик и хлопнул в ладоши. — Снова верно. Звуки и буквы тебе подчинились.

Патриция улыбнулась и убрала палец со строчки, на которой впервые смогла прочесть несколько слов. Это давалось ей с огромным усилием, но Рик даже не позволял ей опустить руки. Как только она хотела всё бросить и уйти передохнуть, парень преграждал ей путь и сажал обратно. И так было раза четыре точно.

Он убрал книгу со стола и заинтересованно посмотрел на неё, положив голову на ладонь. Пати неожиданно покраснела и соединила руки на коленках. Рик не отрываясь смотрел на неё, хитро улыбаясь:

— Что? — едва слышно прошептала она. — Ты что-то опять придумал, Рики?

Рик улыбнулся:

— Пришло время к следующему этапу наших занятий, — ответил он.

Когда он подался вперед, она почувствовала, как задрожали её пальчики. Рик аккуратно взял ладонь девушки в руки, и Пати резко посмотрела вниз. Парень вложил ей кусок мела и резко вскочил на ноги, утягивая её за собой:

— Пойдём, Пати. Теперь перейдем к письму.

Патриция выдохнула, но сама не поняла, от разочарова-

ния или облегчения. Она поднялась, поправила юбку и подошла к темно-зеленой доске. Её коготки вызывающе стучали по деревянному полу, пока она поднималась на парапет. Пальцы Патриции сжимали мел так, что костяшки на её суставах побелели. Рик заметил это и слегка улыбнулся:

— Пати... — начал он. — Мы будем пробовать до того момента, пока у тебя не получится.

— А если у меня не получится? И я состарюсь и умру рядом с этой самой доской... — попыталась пошутить она, чтобы разрядить обстановку.

Рик хмыкнула:

— Значит я проведу тут с тобой всю жизнь. Даже не знаю, смеяться мне или плакать, — Рик кивнул в сторону доски.

Патриция кивнула и встала перед доской.

— Что писать, Рики? — спросила она.

Он закатил глаза, наигранно задумываясь, а затем подмигнул ей:

— Давай напишем твоё имя. Точнее, ты напишешь. Начни с буквы «П».

Пати кивнула и поставила мел на тёмную поверхность. Она так сильно напрягалась, когда писала печатным шрифтом три ненавистнице палочки, что на её лбу появились капельки пота. Когда буква была готова, девушка выдохнула так, словно только что из её рук забрали двадцатикилограммовый мешок.

— Фу-ух... — выдохнула она.

— Пати, — начал Рик, скрестив руки на груди. — Если продолжишь в том же духе, то на букве «И» ты точно взорвешься. А у меня ещё тренировка с Альбертом в бассейне.

Он посмотрел на кривую букву «П», слегка нахмурившись:

— С другой стороны, это лучше, чем ничего, — парень пожал плечами. — Давай теперь «А».

Патриция сжала зубы и снова коснулась мелом доски. Она нахмурилась, начав выводить некрасивую косую линию. От сильного давления в классе появился неприятный скрип, и девушка поморщилась. Но весь воздух выбила из лёгких, когда рядом с её щекой проскользнула крепкая рука Рика.

Парень протянул ладонь вперед, встав позади Патриции, и накрыл ею руку девушки. В комнате было прохладно, и она чувствовала, что кожа Рика такая же холодная. Она судорожно вздохнула, когда вторая его ладонь легла на её плечо:

— Смотри, Пати, — сказал он фактически в миллиметрах от неё. — Видишь? Не надо так сильно нажимать на мел. Расслабься, у тебя всё получается.

— Х-х-хорошо... — едва слышно произнесла она.

Сжав её пальцы своими, Рик начал выводить аккуратную букву «А». Рядом с кривыми гранями «П» она смотрелась нелепо, но Пати в этот момент вся покраснела так, что чувствовала, как поднималась её температура. Щеки горели почти до боли, пока Рик дописывал имя девушки её же рукой.

Когда «ПАТИ» было выведено белыми яркими буквами

на доске, Патриция медленно повернула лицо в сторону Рика. Парень повторил её движения, и его желтые радужки встретились с её холодными светло-карими глазами:

— Получилось, — прошептала Патриция.

— Получилось, — согласился он, не отводя глаз от её ресниц.

Они не в первый раз были так близко. Ещё до встречи с Евой Пати периодически перевязывала его руки, когда он со злости колотил кулаками стены укрытия. Но тогда, три месяца назад, он даже не смотрел на неё. Это была просто... Пати. Вечно серьезная, замкнутая девочка, которую они с Элен по чистой случайности спасли из лаборатории. И почему тогда сейчас его бросает в такой жар.

— Пати... — начал он. — Мне... в комнате прохладно...

Патриция кивнула, и от этого движения она стала ещё ближе:

— Прохладно... — она вновь посмотрела в его глаза. — Но так жарко...

— Очень... — его рука слегка сжалась на её плече.

— Эй! — раздался детский крик, который моментально вывел их из оцепенения.

Элен стояла в дверях, широко раскрыв слепые глаза. Она крепко сжимала ладони в кулаках и с ненавистью смотрела на битвинов. Патриция безмолвно открыла рот, пытаясь вымолвить хоть слово. Она моментально отбросила мел в сторону и сделала шаг к девочке:

— Элен, мы... — начала она.

— Мы занимались чтением, — закончил за неё Рик. Его хвост бешено двигался из стороны в сторону, выдавая его волнение и нервозность.

Элен впилась своими когтями глубоко в бледную кожу рук. Она сглотнула, щёлкнув в сторону приближающейся к ней Патриции. Без единого слова девочка развернулась и со всех ног побежала в сторону лестницы.

— Элен! Подожди, пожалуйста! — крикнула Пати и быстро побежала за ней. — Давай поговорим!

Но Элен не замедлилась ни на секунду. Её ноги со всех сил несли девочку как можно дальше от того, что она только что видела. Точнее, услышала. Образ Рика и Патриции до сих пор был перед её глазами. То, как близко они стояли друг к другу, как лежала его рука, как Пати повернула голову к лицу друга. Элен чувствовала, как слёзы скопились в уголках глаз. Завернув за угол, она замерла и задержала дыхание.

— Элен, остановись! — Пати бежала за ней. — Где ты? Пожалуйста, давай обсудим это...

Светловолосая девушка пробежала мимо её укрытия и скрылась на лестнице. Элен позволила слезам скатиться по щекам, пока обнимала сама себя руками. Впервые с момента их побега она чувствовала себя третьей лишней. "Ты ещё не доросла до того, чтобы что-то советовать. Мы только и делаем, что наньчимся с тобой. А ты сейчас жалуешься", — слова Пати эхом раздавались в её голове. И впервые с того

вечера их значение стало очевидным.

— Готова, Элен? — спросил Альберт, достав сразу два мяча.

— Как никогда раньше, — ответила слепая девочка и встала в защитную стойку.

Альберт подбросил мяч и с силой направил его в сторону Элен. Она щелкнула и едва успела увернуться. Старик громко выдохнул:

— Элен, дорогая, ты снова...

— Бросайте! — крикнула она, вновь подняв руки.

Альберт вздрогнул, крепче сжав мяч:

— Элен, не торопись. Получи волны и сравни их в недвижимыми объектами. Тогда ты...

— БРОСАЙТЕ! — крикнула она.

Профессор сглотнул и направил мяч в её сторону. Элен щелкнула, отскочив в сторону. Мяч задел локоть девочки, громко ударившись об стену. Элен вновь приняла позицию:

— Так, — сказал Альберт, убирая мяч. — Не пойдёт, ты не сосредотачиваешься. Не надо прыгать из стороны в сторону, Элен. Нужно почувствовать и предсказать движения объектов.

Девочка скорчила гримасу и с силой пнула мяч под своими ногами. Он резко отскочил от стены и с размаху влетел ей в нос. Не удержав равновесие, Элен больно приземлилась на копчик и тихо захныкала. Профессор стоял рядом с ней, но

заметив небольшую струйку крови из разбитого носа, опустился на колени рядом и достал из кармана платок:

— Что с тобой такое, Элен? — спросил он, вытирая ей нос.

Элен позволила старику протереть ей лицо. Альберт с особым трепетом водил тканью по нежной бледной коже битвина, изредка нажимая на места с особо въевшейся грязью.

— Альберт... — начала девочка. — Вы... вы когда-нибудь ненавидели человека, которого любили?

Старик замер, держа руку рядом с лицом Элен. Она почувствовала, как рука, удерживающая её подбородок ровно, слегка сжалась:

— Нет, такого со мной не бывало, — спустя несколько мгновений ответил Альберт. — Почему ты спрашиваешь?

Элен покачала головой, освобождая себя из его ладони:

— Просто так, профессор, — быстро ответила она.

Альберт внимательно посмотрел на её лицо. Казалось, что он собирался сказать что-то ещё, но принял решение промолчать. Элен аккуратно поднялась на ноги и отряхнула колени.

— Давайте попробуем ещё раз, — это был не вопрос.

Элен отошла от Альберта на несколько метров на другую сторону спортивного зала. Она слегка нагнулась вперёд и выставила руки вперед. Альберт покачал головой, но послушно достал два мяча.

Смотреть на них было просто невыносимо. Элен всеми способами старалась избегать битвинов. Почти весь день с утра до вечера она петляла между деревьями в небольшом пролеске рядом с институтом. Дыру между балками девочка нашла в первый же день тренировки с Альбертом. Это было небольшое пространство между сетчатым ограждением. Но для её крошечного тельца ширины хватило.

Элен бродила по пролеску, щёлкая и обходя деревья перед собой. Вновь вернувшись к дыре, Элен со всей силы пнула росший недалеко от неё куст шиповника. Она чувствовала себя ненужной и брошенной. Ева с Альбертом, и теперь ещё и Пати вместе с Риком. И не нужно было углубляться в размышления, чтобы понять, что Элен здесь лишняя. По крайней мере, так считала она.

Солнце начинало спускаться за горизонт, когда слепая девочка почувствовала, что стало прохладно. Мелкие капли дождя падали на её ресницы, и она чувствовала слепыми глазницами холод дикой воды. Её неаккуратные волосы прилипли ко лбу, пока девочка медленно ковыляла в сторону института. Ещё три шага до дыры, и она вновь будет третьей лишней.

Резко задержав дыхание, Элен повернулась в сторону неожиданного звука. Она направила кончики ушей в сторону пролеска, где минуту назад бродила между деревьями. Нет, ей не показалось. Движение точно было. Она сделала шаг назад, приблизившись к забору:

— Ева? — спросила девочка, прислушиваясь. Она щёлкнула, но никого не увидела. — Рик? Пати?

Тишина. Но нет, снова звук движения. Элен судорожно задышала, и её грудь заходила ходуном. Она резко крутила головой из стороны в сторону, прижав руки к груди:

— Это не смешно. Совсем не смешно, — вновь проговорила она.

Инстинкты подсказывали ей отвернуться и бежать. Она вновь сделала шаг назад, но услышав щелчок - замерла. Издав низкий звук, волны быстро вернулись к Элен. И она почувствовала, что они отличались. Что-то летело на неё. Справа, со стороны шиповника. Девочка резко подалась влево, и неясно пролетело мимо её щеки. Она повернулась в сторону упавшего предмета и щёлкнула.

Перед ней лежал далеко не мяч. Элен вскрикнула, поняв, что кто-то только что пытался поймать её в сеть.

Глава 15. Сети

Ветер был необычайно сильным. Даже для стороны Амана. В последние дни солнце фактически не появлялось на горизонте, превращая и без того унылый серый город в размазанную кляксу. Дома-призраки выглядели как никогда заброшенными и одинокими, и Герти старалась не смотреть в сторону построек. Окулис медленно двигался вперед, не замечая под собой ямы и выступы. Его ожоги превратились в бледную морщинистую кожу, которая лопалась при каждом сильном нажатии. От чудовища отвратительно пахло гноем и палью, но Герти не замечала этого.

Она сжимала в руке сеткомёт, параллельно с этим крепко держа поводья чудовища. Слегка приподнявшись в седле, Герти поправила сложенные по бокам от неё и подвешенные в сумках дополнительные «патроны». Ладони женщины вспотели, пока она представляла в голове, что планировала сделать. Убить Альберта. Нужно убить Альберта. Нужно убить отца. Герти сделала глубокий вдох. Она не должна была соглашаться. Это была не её война, но она подписала свой договор в тот день, когда увидела Амана.

Когда он сказал ей избавиться этот мир от профессора, она сделала шаг назад и отказалась:

— Аман, нет! Я... я не смогу. Это же мой отец. Он... он... У меня не получится.

Она ожидала всего, чего угодно. Гнева, ярости, даже физической расправы. Но когда Амафей медленно приблизился к ней и уткнулся носом в её шею, вдыхая запах Герти так глубоко, как только мог, она вздрогнула. Она не помнила себя от счастья, когда руки мужчины начали изучать её тело так, как никогда раньше. Каждое его движение, каждый шепот остался в памяти Герти навсегда. Она так долго мечтала об этом. Почувствовать его настоящего и отдаться мужчине, которого любила всем сердцем с первого дня. Полностью и бесповоротно. И когда это случилось, она не могла найти себя от счастья.

"Он любит меня, — повторяла себе Герти почти без конца. — Любит так же сильно, как и я его. Иначе бы этого не было". Он был нежен как никогда раньше. Его теплые руки изучила ее изгибы, и она готова была сделать всё, чтобы это не прекращалось. Его губы ещё никогда не были такими сладкими. За все восемь лет, что она была рядом с ним, Герти целовала Амафея тысячи раз. И каждый поцелуй она помнила в мельчайших деталях. С какой стороны он подошел, где лежали его руки, какой вкус был у его губ. И, на удивление, это всегда было сладкое-пресладкое кофе. Но эти поцелуи были другими.

— Милая, — сказал Аман ей, по-собственнически прижимая стройное женское тело к себе. — Ты любишь меня?

Она резко приподнялась и посмотрела на него. От нахлынувших чувств, глазах Герти проступили слёзы. Она при-

льнула к нему и прижалась к его груди:

— Зачем ты это спрашиваешь, Аман? Конечно, конечно я тебя люблю. Сильнее всего и всех на свете.

Он погладил её по голове и выдохнул:

— И ты хочешь, чтобы мы всегда были вместе? — спросил он, выводя небольшие круги пальцами на её спине.

Она посмотрела в его глаза и быстро закивала:

— Да, навсегда.

Аман вновь прижал её к себе, положив подбородок на женскую макушку:

— Жаль, что ты обманываешь меня, Герти, — проговорил он, наматывая локон её рыжих волос на указательный палец.

Страх и паника резко перекрыли ей доступ к кислороду. Женщина вновь посмотрела на Амана и покачала головой:

— Обманываю? Аман, что ты такое говоришь? — дрожащим голосом спросила Герти.

Амафей ухмыльнулся:

— Конечно, обманываешь. Ты же знаешь, что Альберт помешает мне выбраться отсюда. А ты не хочешь мне помочь...

— ХОЧУ! — она резко села, даже не потрудившись прикрыть своё обнаженное тело. — Хочу, Аман! Я всё сделаю. Я сделаю!

Он приподнялся на руках и сел на кровати. Простыни спали с его груди, пока он внимательно смотрел на Герти:

— Я знал, что ты меня любишь, милая, — пророкотал он, поглаживая её щеку. — Внимательно слушай, что мы сдела-

ем...

Она впервые увидела его летом две тысячи седьмого года. Если быть точнее, но пятнадцатого июня. А если быть ещё точнее, то в пятнадцать минут третьего. Отец тогда сильно заболел ангиной, но отказался сидеть дома на больничном. Он глотал жаропонижающие таблетки, антибиотики и витамины для микрофлоры. А потом надевал костюм и шел в институт. Да, в этом был весь Альберт. Ничто не могло встать между ним и наукой, даже собственное здоровье.

Нина должна была приготовить ужин, чтобы отметить тридцать вторую годовщину их свадьбы. Мама бегала по дому и всё время что-то мешала на плите. Герти терпеть не могла, когда Нина так делала. Мать и без того была взвинченной, а когда начинала носиться из стороны в сторону, Герти хотелось силой остановиться её и крикнуть: «Ты никуда не опоздаешь! Успокойся!»

— Герти, — голос Нины вывел её из задумчивости. — Отец снова забыл свой антибиотик. Отнесу его ему в институт. Иначе он никогда не выздоровеет.

Мама не дожидалась ответа. Она поставила лекарство перед рыжеволосой дочерью и вновь полетела на кухню, приговаривая под нос проклятия подогревшей курице.

Герти выскочила из автобуса, прибавляя звук в небольшом треугольном плеере. Ей быстрее хотелось отдать лекарство и пройтись по парку, чтобы немного отпустить волне-

ние перед предстоящим поступлением.

Герти уже давно решила поступать на юридическое направление. Во-первых, это никак не связано с генетикой и биологией. А это было принципиально. Во-вторых... да в принципе, ей хватало первого. Идею подкинув мама, когда обсуждала с Альбертом уголовные статьи. Не понятно, зачем она вообще это делала, но в тот момент они оба были взволнованы.

Герти вошла в институт и достала свой паспорт. Худошавый охранник подошел к ней и протянул руку:

— Удостоверение личности, девушка.

Герти кивнула и протянула ему документ. Охранник быстро переписал серию и номер, но дойдя до имени, замер:

— Герти Колотий. Хм... А ты, случайно... — почему-то он сразу решил говорить с ней на «ты». — Не дочка профессора Колотия? Заведующего кафедрой экспериментальной генетики?

Ну вот, опять. Герти выдохнула и кивнула:

— Да, это я.

Охранник неожиданно похихикал:

— Приятно познакомиться с дочерью Альберта, Герда, — сказал он, передавая ей паспорт.

Герти выхватила его чуть резче, чем нужно было:

— Я Герти.

Он прошла к лестнице и остановилась. Вновь обернувшись к охраннику, Герти откашлялась.

— А где лаборатория профессора Колотия? — спросила она.

Охранник кивнул в сторону лестницы и погрузился обратно в пучину кроссворда. Герти ту же затынула хвостик на своей макушке и быстро прошла вниз. На цокольном этаже было холодно, не смотря на то, что сейчас была середина июня. Она без труда нашла табличку с надписью «Лаборатория. Зав.: Альберт Колотий».

Кроме таблички её привлекла небольшая вывеска на двери. Лаборатория, судя по рабочему времени, сейчас была закрыта на обед. Но не зря же она пришла. Герти решила попробовать открыть дверь. В любом случае, если получится, то отец будет там и она отдаст ему лекарства. Она положила руку на фурнитуру и нажала на неё. Дверь со щелчком отворилась, и девушка проскользнула внутрь.

Пробежав глазами по огромному помещению, взгляд Герти остановился на фигуре напротив. Мужчина старше её смотрел на девушку сквозь стекла очков, которые он точным движением поправил на переносице мизинцем. Выражение лица было невозможно прочесть: его нос, губы и подбородок закрывала маска. Герти сглотнула и кивнула:

— Здравсьте, — смогла проговорить она.

Мужчина долго смотрел на неё, затем снял маску, и Герти вздохнула. Не на много и старше он был.

— Здравсьте, — снисходительно ответил он. — Ты кто?

Вопрос он задал, стягиваясь с рук окровавленные перчат-

ки:

— Я Герти, — смущенно проговорила она.

Блондин кивнул:

— Мне это дало достаточно информации, спасибо.

Она покраснела от колкого замечания и подняла пакет с лекарствами:

— Я принесла лекарства профессору Колотию.

Незнакомец внимательно посмотрел на пакет. Он выдохнул и поправил свой халат:

— Ты курьер? Профессора сейчас нет, и расписаться за доставку он не может.

Герти покачала головой:

— Нет, я... Я его дочь.

Мужчина резко поднял глаза и внимательно посмотрел на неё. Хотя нет, можно было сказать, что он смотрел *в неё*. От наглости его взгляда Герти поморщилась. Она быстро положила пакет с лекарствами на ближайший стол и кивнула:

— Ну, я пойду. Скажите профессору, что он должен выпить антибиотик. До свидания!

Она почти переступила порог, когда голос незнакомца заставил её остановиться:

— Герти, — внезапно позвал её он. — Заходи чаще, — Мужчина отвернулся, вернувшись у начатым до её появления записям. Она вновь покраснела, сама не понимая, почему.

Все её мысли занимал незнакомец. И она даже не могла объяснить, почему. Но стоило ей проснуться, сесть пообедать, пойти в душ, лечь спать... она думала о том, что блондин попросил её заходить чаще. Зачем? И стоило ей задать этот вопрос себе, как Герти сразу краснела и смущалась.

Прошла почти неделя с первой встречи с женщиной в очках. И Герти очень хотела, чтобы эта встреча не осталась единственной. Утром, когда отец собирался в очередной раз в лабораторию, она сидела за столом на кухне и доедала овсянку с разными ягодами. Мама всегда утром готовила овсянку. Нина стояла возле плиты и пыталась очистить её от убежавшего ранее молока.

Альберт вошел на кухню. Он по привычке поцеловал дочь в макушку и опустил рабочую сумку на стул. Нина быстро поставила два ещё горячих контейнера с едой на стол и погладила мужа по щеке.

— Не забудь их в очередной раз. Я не хочу снова идти в институт.

Альберт хмыкнул и слегка ущипнул жену за руку. Нина вновь приступила к чистке плиты, ругаясь себе под нос. Отец погрузил контейнеры в сумку, аккуратно установив их на дне. Он быстро направился в ванную, оставив жену и дочь вдвоем. Герти буквально гипнотизировала контейнеры, которые уже успели покрыться конденсатом. Она быстро посмотрела на кашу, затем бросила взгляд на мать. Герти не могла заявиться в институте просто так. Она никогда не хо-

тела видеть место работы отца без причины. Ей нужно было что-то придумать.

Подчерпнув очередную ложку каши, Герти размазала её на своих белых брюках. Она подняла предмет и разжала пальцы. Алюминиевый прибор с звенящим звуком приземлился на кафельный пол:

— Ой, нет! — вздохнула Герти. — Мои брюки...

Нина моментально повернулась на звук. Увидев пятно на светлой одежде дочери, она на хмурилась:

— Герти! Тебе же семнадцать лет! Почему нельзя аккуратнее! — она вытерла руки. — Снимай сейчас же, я их постирать, пока пятна не впитались.

Герти быстро стащила брюки и передала их матери. Её длинная туника спокойно прикрывала ноги почти до колен, поэтому необходимости искать замену штанам не было. Нина аккуратно осмотрела пятно и скрылась из кухни.

Счет шел на секунды. Герти вскочила и моментально вытащила коробочки с едой из сумки отца. Она быстро взяла с полки пустые контейнеры и, закрыв их крышками такого же цвета, поставила на дно. Горячая еда обжигала её пальцы почти так же сильно, как и ложь клеймила душу. Её ладони болезненно запульсировали от жара, когда она услышала, как Альберт идет на кухню. Выбора не было. Она засунула горячие контейнеры под тунику и стиснула зубы.

Альберт с улыбкой вошел на кухню. Он с удивлением вскинул брови и поднял сумку перед собой.

— Странно, разве я не закрывал её?

Это был риторический вопрос. Герти чувствовала, как на её лбу проступает пот. Огненные грани контейнеров оставляли следы на её теле, навсегда запечатлевая момент отвратительной лжи. Она вздохнула, молясь, чтобы отец быстрее вышел из кухни. Он взял сумку и наклонился, поцеловав дочь в лоб. Почувствовав влагу на её коже, мужчина нахмурился:

— Ты вся вспотела, Герти. Всё хорошо?

— Да, — отрезала она.

Альберт посмотрел на неё и кивнул. Герти всегда была такой. И вела себя так постоянно. Он крепче сжал сумку и вышел из кухни, оставив дочь одну. Услышав, как Альберт закрыл дверь, Герти позволила нескольким слезинкам скатиться по её щекам. Она аккуратно достала горячие контейнеры из-под туники и выдохнула. Было так больно, что она хотела выть.

Услышав, что мать включает стиральную машинку, Герти быстро поставила контейнеры на стул и задвинула его, чтобы Нина не могла увидеть их. Когда женщина вернулась на кухню, Герти уже вытерла слезы. Она поднялась со стула и скрылась в своей комнате.

Зеркало не прятало от девушки ничего. Герти внимательно смотрела на ожоги на своих ногах и плакала. Как же было больно. Может, это того не стоило?

— Вот же копуша! — воскликнула Нина спустя час. — Я

же поставила их буквально перед носом.

Герти выскочила из комнаты и быстро вошла на кухню. Мать держала полные остывшие контейнеры в руках и недовольно хмурилась:

— Я их отнесу, — сразу проговорила Герти и потянулась к лежащему на столе пакету.

Нина с интересом посмотрела на дочь. Она пожала плечами, укладывая еду на дно предложенной сумки. Никогда в жизни Герти не хотела в институт так сильно. Она буквально физически сдерживала себя от того, чтобы не начать молить охранника записать данные паспорта быстрее. Перепрыгивая через ступеньку, Герти со всех ног преодолела короткое расстояние между собой и дверью лаборатории. Выдохнув, Герти постучалась и смело вошла внутрь.

Отец резко повернулся к ней и выключил запись диктофона.

— Герти? Что случилось, милая?

Она быстро осмотрела лабораторию, но не увидела здесь того незнакомца. Она разочарованно выдохнула и прошла к отцу.

— Вот, — сухо проговорила она, ставя пакет с едой на его стол. — Ты забыл еду дома.

Альберт с удивлением осмотрел каждый контейнер и молча поднял сумку. Достав оттуда пустые пластиковые миски, он хмыкнул:

— У меня начались какие-то проблемы с головой? Я же

помню, что ставил контейнеры на дно.

Герти пожала плечами и развернулась. Она почувствовала его приближение нутром. Подняв глаза на дверь, Герти впервые осмотрела его внимательно с головы до ног. Холодные карие глаза незнакомца впивались в неё с такой силой, что она захотела свернуться калачиком. Он прошел в лабораторию и улыбнулся.

— Профессор, — начал он низким глубоким голосом, заставив её вникать в каждое слово. — Вы не познакомите нас?

Герти почти отчаянно просила в голове, чтобы отец двигался быстрее. Альберт выдохнул и кивнул:

— Это моя дочь - Герти. Ты знаешь про неё. — начал он, нехотя произнося слова. — А это... — отец указал на мужчину. — Аман Фейрстоун.

Герти двигалась вдоль огромной стены, чувствуя давление того, что она собиралась натворить. Но сначала нужно пробраться на сторону отца. И как она сможет это сделать, если стороны Амана и Альберта разделяет огромная стена? Герти вела окулиса вперед, но внезапно остановила тварь поводьями, заметив впереди пробивающиеся лучи.

Брешь в стене была огромной. Герти беззвучно открыла рот и медленно направила окулиса в сторону просвета. Раньше женщина никогда не видела в стене даже трещины, а сейчас окулис спокойно мог пробраться внутрь. Герти аккуратно заглянула в щель и направила поводья вперед. Чудовище

без проблем пролезло внутрь, зарывав от очередного рваной раны.

Герти крепче сжала сеткомёт в руке, позволяя монстру везти её в сторону леса. Хотя, скорее это был участок, напоминающий парк. И она сразу поняла, какой именно. Даже запах остался неизменным. Герти внимательно посмотрела на деревья, чувствуя, что её руки вновь стали потными.

Теперь перед ней была другая задача: схватить девочку. Но как она может разделить битвинов, когда хранитель стороны - её собственный отец. Герти замерла, услышав движение справа от себя. Она сощурилась, но в мгновение ока распахнула глаза, увидев знакомые тёмные волосы:

— Черт возьми, да судьба на моей стороне! — проговорила себе под нос Герти, направив дуло сеткомёта в сторону Элен.

Глава 16. Волны

Волны вернулись с такой скоростью, что Элен приоткрыла губы от неожиданности. Что-то летело на неё, заставляя эхолокацию буквально кричать и вопить от силы передвижения. И это что-то летело справа от неё. Элен резко подалась влево, почувствовав, как предмет пролетел рядом с её щекой и задел короткие волосы. Лёгкое натяжение на висках заставило её поморщиться, когда непонятный снаряд вырвал у неё несколько волосков вместе с глубоко посаженными луковицами. Она повернулась в сторону упавшей вещи и щелкнула. Нечто плоское и витиеватое лежало на земле. Нечего, похожее одновременно на паутину и канат. Поняв, что перед ней сеть, девочка всхлипнула и резко побежала к забору. Что бы это ни было, она должна попасть на безопасную территорию к остальным.

Она снова услышала позади себя щелчок пускового затвора. Повернув голову, слепая девочка издала низкий гул. Она отчетливо видела перед собой деревья, кустарники, даже редкие шишки. Где летящий объект? Элен напрягла уши и внимательно прислушалась к эхолокации. Все волны были одинаковыми, как и при тренировках с Альбертом! Как же она может... стоп! Вот она! Она слышит! Одна из волн была сильнее предыдущих. Доносилась она справа от головы девочки. Элен выдохнула и вновь скользнула влево. Очередной

снаряд сети пролетел в нескольких миллиметрах от её лица. Девочка запуталась в ногах и приземлилась на колени. Получилось! Она увидела! Увидела движение! Колени запульсировали от боли, когда девочка приземлилась на сухие ветки и елочные иголки.

— Ах ты маленькая гадость! — донесся до ушей Элен пронзительный женский голос. — Ты не убежишь!

Ей не нужно было долго думать. Она без проблем узнала глубокий низкий голос Герти.

— Что? — прошептала себе под нос девочка. — Как она попала сюда?

Элен вскочила на ноги и нагнулась вперед. Она вновь издала низкий гул, наконец увидев женщину между чередой деревьев. Герти направила дуло сеткомёта прямо на девочку, и Элен почувствовала, как волны, оттолкнувшись от её руки, изменились в месте пальцев женщины. Она резко отскочила в сторону, и очередной снаряд с сетью коснулся её плеча. Нужно бежать. Срочно бежать!

Элен вскочила на ноги и быстро полетела вглубь леса. Она услышала рычание чудовища позади себя и обернулась, издав щелчок. Окулис тяжело петлял между деревьями из-за своих размеров, пока Герти раздраженно дергала поводья из стороны в сторону. Женщина вновь направила сеткомет в девочку и нажала на курок. Услышав выстрел орудия, Элен прислушалась к вернувшимся к ней волнам. Теперь она легко уловила отличающиеся звуковые волны, когда эхолокация

вернулась к ней. Быстро нагнувшись, девочка почувствовала, как снаряд пролетел над её головой. Альберт был прав. Она может это «видеть».

Постоянные кусты и ветки не давали ей набрать достаточно скорости. Она слышала, как окулис пробирается сквозь деревья, быстро сокращая расстояние между собой и Элен. Казалось, каждое его движение раздавалось вибрациями по всей земле. Чудовище рычало и смело перепрыгивало прогнившие стволы, пока Герти сильнее и сильнее опускала на травмированную кожу окулиса поводья.

Женщина подняла сеткомёт и вновь выпустила снаряд. Герти раздраженно зарычала, когда очередная сеть не попала в цель. Она резко спрыгнула с окулиса и сама начала петлять между деревьями. «Поймай её», — мысленно направила она приказ чудовищу и ускорила. Окулис взвыл и рванул в противоположную от Герти сторону, пытаясь загнать Элен в ловушку.

Девочка тяжело дышала, чувствуя, как к глазам подступают слёзы. Она огибала деревья, перепрыгивая через корни и ветки. Язык почти болезненно пульсировал от постоянных щелчков и гула. Бежать в лес было опасно. Нужно повернуть назад. Она резко повернула обратно и побежала со всех ног, чувствуя жжение в легких. Забор с дырой был так близко. Всего несколько шагов, и она будет в безопасности. Там Рик, Патриция, Ева, Альберт... они помогут ей. Элен уже чувствовала силуэт преграды перед собою. Она ускорила, серд-

це болезненно пульсировало в груди. Ещё пять метров. Четыре...

Окулис резко сбил её с ног, заставив Элен вскрикнуть. Удар хвоста чудовища был таким сильным, что весь воздух выбило из и без того кричащих о помощи легких девочки. Её отбросило на несколько метров назад, и Элен с грохотом влетела спиной в высокую березу, чужом не наколовшись на сук. Она беззвучно открыла рот, не сумев даже вскрикнуть от боли. Позвоночник ныл и болезненно реагировал на любое её движение.

Окулис зарычал и рванул к ней. Элен даже не успела прийти в себя и щелкнуть, чтобы увидеть чудовище, когда острые зубы твари сомкнулись на её спортивной кофте, чудом не задев грудную клетку. Она даже не успела вскрикнуть, когда тварь подняла её над землёй. Чудовище начало трясти хрупкое тело девочки, и Элен больно больно прикусила язык.

Времени раздумывать не было. Девочка замахнулась рукой и погрузила когти в опухоль в глазнице твари. Мерзкое бледно-розовое месиво залило ей лицо и плечи, заставив рвоту резко приблизиться к горлу. Окулис зарычал и разжал зубы, резко отстранившись от слепой девочки. Элен с грохотом упала на спину, вскрикнув от боли в позвоночнике. Ей показалось, что от боли на секунду она прозрела, но оказалось, что яркая вспышка света была вызвана ударом.

Чудовище мотало головой из стороны в сторону, вопя и пища от боли. Оно выло, и грузное тело твари едва не разда-

вило девочке ногу. Элен прижала ступню к себе и судорожно щёлкала из стороны в сторону, пытаясь понять место своего положения.

— Где я... Куда бежать? — шептала она.

Элен вскочила на ноги, пытаясь помочь себе удержаться на ногах с помощью крыльев. Собрав все свои силы, Элен вновь защёлкала и побежала вглубь леса. Она не может привести чудовище к остальным. Почему она не подумала об этом раньше? Сначала нужно оторваться от твари и... матери Евы.

Элен размяла пальцы и направилась к ветвистой высокой ели. Герти в ужасе увидела, как девочка оттолкнулась от земли и схватилась за нижнюю ветвь, подтянувшими с помощью крыльев. Женщина подбежала к дереву следом за Элен. Она с разбегу схватилась за ту же ветвь, что и слепая несколько мгновений назад. Элен карабкалась по дереву вверх, хватая ртом воздух. Паника не давала ей двигаться максимально свободно, но она не позволяла себе остановиться. Элен посмотрела вниз и щелкнула.

— О, нет... — приписала она, видя, как Герти карабкается за ней. Женщина была худой и высокой, и рост в данном случае был её преимуществом. Она без труда дотягивалась до веток и быстро приближалась к девочке.

Добравшись почти до верхушки, Элен замерла. Если она поднимется выше, то будет в ловушке. Да и ветер заставил её поморщиться. Из-за высоты потоки были в несколько раз

сильнее, чем на земле. Она сделала вдох и прислушалась. Как только девочку ощутила, что поток затихает, она щелкнула и смогла различить соседнюю ель. Слишком далеко...

— Вот ты где! — услышала голос Герти Элен и вскрикнула, когда женщина схватила её за щиколотку.

— Нет! Пусти меня! — Элен пыталась расцарапать ей лицо, но роста не хватало, и девочка билась воздух вокруг себя.

Герти потянула ногу девочки на себя:

— Иди сюда! Сейчас же!

Элен с погрузила когти в толстую ветвь и оторвала от опоры вторую ногу. Она с рычанием направила вторую ступню в лицо Герти. Ей не нужно было угадывать, попала она или нет. Возглас женщины и желанная свобода сказали ей всё достаточно четко. Герти едва удержала равновесие. Кровь хлынула из её рта. Резкая боль в челюсти заставила её завывать. Она чувствовала, как что-то внутри мешает ей двигать языком. «Чёрт! Импланты!» — догадалась женщина. Она аккуратно вытасила верхнюю челюсть изо рта, застонав от боли, когда женщина с силой вырвала сломанную искусственную челюсть из десны.

— Вот же тварь! — завывала Герти и подняла полные слез глаза на девочку.

Элен оттолкнулась и прыгнула в сторону соседней ели. Она изо всех сил размахивала крыльями, и именно это помогло ей перепрыгнуть слишком широкое для ее роста расстояние. Девочка с силой погрузила когти в ствол дерева,

вскрикнув от страха. Она повернула лицо обратно и щелкнула. Герти с яростью смотрела на неё.

— Взять её! — заорала она.

Элен поморщилась от низкого визга и замерла. Почувствовав отчетливые вибрации по стволу. Она посмотрела вниз, издав гул, но уже знала, что это было. Окулис обвил своё мощное тело вокруг ели и быстро поднимался вверх. Его разорванный глаз-опухоль свисал пустым мешком из глазницы, напоминая сдутый воздушный шар.

Элен завизжала и быстро защелкала. Ветер был в её сторону. И она не видела ничего. Выбора не было. Девочка раздала пальцы и прыгнула. Она мысленно надеялась, что внизу не будет невысоких деревьев, которые могут проткнуть ей живот и легкие. Её крылья бешено поднимались и опускались за спиной, пока она пыталась хоть что-то почувствовать эхолокацией. Нечто приблизилось к ней и ударило прямо в грудь. Слишком поздно девочка поняла, что это был хвост окулиса. Она беззвучно открыла рот и резко полетела вниз.

Было так больно, что она не могла даже вдохнуть. «Только бы не крылья! Только бы не крылья!» - просила она. С кряхтением Элен перевернулась на живот и встала на четвереньки. Она с трудом могла вдохнуть: так больно было легкие и ребра. Слезы ручьями текли по её носу, пока она качалась после ужасного падения.

Вновь щёлкнув, девочка увидела приближающуюся к ней руку. В последнее мгновение она вывернула тело и вскочила

на ноги. Спина болезненно завывала от боли, и Элен стиснула зубы с такой силой, что её желваки запульсировали под кожей. Рука Герти прошла мимо плеча девочки, и женщина резко повернулась в сторону убегающей девочки. Рыжие волосы прилипли к потному лбу, когда ярость и злость почти до пика возникли в груди Герти. Она рванула вслед за Элен, сбросив туфли на каблуках.

Деревьев было очень много. Элен едва успевала петлять между растениями, слыша позади себя рычащую женщину. Очередной выстрел сеткомёта заставил девочку обернуться. Снаряд летел в сторону её живота, и Элен резко завернула вправо. Сеть раскрылась, когда нить с грузиком запуталась в её ногах. Девочка нырнула под бревно и вскрикнула, поняв, нога не двигается вперёд. ступни запутались, и, не успев схватиться руками за ветки, Элен покатила вниз, чувствуя, как влажная земля попадает ей в рот и ноздри. Ей безумно хотелось покашлять, но приземлившись на дно ямы, она едва смогла вдохнуть. Элен вскочила и сплюнула грязь изо рта, чувствуя, как земля хрустит на её зубах. В ужасе она щёлкнула на свои ступни. Сеть до боли впивалась в бледную нежную кожу.

Герти затормозила у склона. Она крепко сжала сеткомёт и направила его в сторону девочки. Без раздумий, женщина нажала на курок, и снаряд полетел вниз. Услышав звук выстрела, Элен щёлкнула и прислушалась. Эхолокация вернулась к ней быстрее сети, позволив девочке отползти. Сеть

с грохотом приземлилась в метре от неё, заставив слепую в ужасе рвать нити на ногах острыми когтями. Ей некогда было думать об осторожности. Когти впивались в ноги, одновременно разрывая сеть и царапая щиколотки. Элен прикусила губы, заставляя себя продолжать.

— АГХ! — зарычала женщина. Она побежала в сторону приближающегося к ней окулиса и на бегу запрыгнула в белое седло. Схватив поводья, Герти с силой опустила их на обожженную кожу чудовища. Окулис взвыл и бросился вниз по склону. Змеевидное тело позволило ему скользить по песчаной поверхности, быстро сокращая расстояние между собой и жертвой.

Девочка услышала рычание чудовища и уловила его быстрое приближение. Вскочив на окровавленные ноги, Элен быстро захватывала ртом воздух и в страхе металась из стороны в сторону. Но упавшая на нос девочки капля дождя заставила её сердце в панике подскочить.

— Нет! — вскрикнула она, чувствуя влагу на своих руках и лбу.

Дождь. Чёртов дождь! Она жалобно завывала, пытаясь быстро найти подъем из карьера. Элен буквально заставляла себя бежать сильнее, одновременно хлопая крыльями. Она видела перед собой конец обрыва. Видела упавшее дерево, по которому она может заползти обратно наверх и побежать в лесу. Что-то двигалось сбоку. Она вскрикнула и подалась влево, забыв проверить пространство щелчком. Нога резко про-

валилась в рытвину, и Элен повалилась на землю лицом вперёд. Она подняло голову и издала низкий гул. Что это было справа? Что двигалось так близко? Но там не было ни сети, ни окулиса. Звуки чудовища доносились из-за её спины. Эхолокая вновь резко вернулась к её ушам, и Элен прислушалась. Потом ещё, и ещё...

— Капли... — с ужасом поняла она.

Девочка повернула голову в сторону, как она помнила, подъема из оврага. Но теперь дерево почти исчезло из поля её зрения. Капли дождя создавали сотни ложных сигналов, мешая ей видеть нужное направление. Она в ужасе щелкала, но всё было бесполезно. Перед ней словно была стена. Беспроглядная и бесконечная. Она заставила себя подняться и побежать. Но куда? Куда ей бежать?

Ноги несли девочку вперед. Или назад... или... Она плакала и всхлипывала, чувствуя себя загнанной в ловушку. Эхолокация была повсюду, превратив некогда широкое пространство оврага в непроглядную стену. Дождь лишь набирал обороты, и девочка чувствовала, как капли стекают по её лицо, попадая в слепые глазницы. Она рычала и пищала, вытянув руки вперед. Надежда умирает последней, и она рассчитывала, что каким-то чудом сможет на ощупь найти нужное дерево. Щёлкать было бесполезно. Она не видит. Сила природы лишила её последней надежды. Звук выстрела долетел до её ушей. Она даже не успела вскрикнуть, когда сеть раскрылась позади неё и обхватила крошечное тело Элен.

Ноги вновь запутались в верёвках, крылья парализовало от страха и осознания поражения. Девочка едва успела свернуться калачиком, когда гравитация притянула её вниз, и земля приняла Элен в жесткие объятия. Дождь продолжал капать ей на лицо, смешиваясь с влажными дорожками на ее щеках, оставленных солёными слезами. Она открыла рот в беззвучном крике. Никаких сил больше не осталось. Она одна, связанная и уязвимая.

Рычание окулиса быстро приближалось, смешиваясь с шуршанием влажной ткани на теле Герти. Брюки плотно прилегали к покрытым гематомами ногам, заставляя её дрожать от холода. Волосы Герти прилипли к потной и разгоряченной коже лица, пока пряди из хвоста свисали сосульками и тянули голову женщины вниз. Она остановила чудовище в метре от девочки и посмотрела на связанное бледное тельце сверху вниз. Герти спрыгнула с окулиса, слегка погладив его по морде. Монстр порычал, начав слегка елозить на месте. Элен была маленькой и худой, и Герти без особых усилий подняла её за грудки. Девочка открыла слепые глаза, дергая руками в стремлении расцарапать женщине лицо. Но сеть глубоко врезалась в её нежную кожу, и от каждого движения по её туловищу разносились волны тупой ноющей боли.

— Пус...ти... — едва смогла произнести Элен.

Герти грубо трянула девочку над землёй, заставив ту запищать от страха и неизвестности. Она хищно улыбнулась и мысленно подозвала окулиса ближе. Чудовище быстро при-

двинулось к своей хозяйке, пригнув голову. Одним движением Герти закинула Элен поперёк спины твари и запрыгнула позади, прижимаюсь к пленнице:

— Молчи, малышка, иначе после обмена твои друзья получат лишь засохший и прогнивший труп, — она опустила поводья на спину окулиса и направила его в сторону стены.

Глава 17. Семнадцатое декабря

Новый учебный год не принёс Альберту ни одной положительной эмоции. Он молча сидел в кабинете, как затворник, и изредка постукивал черной гелиевой ручкой по столу. Его душа почти три месяца не была спокойна. Каждый раз, когда он просыпался или засыпал, его буквально преследовали призраки собственных слабостей и искушений.

Он уже собирался остановить эксперимент и запретить Аману посещать лабораторию. Когда в блокноте Фейрстоуна появлялись новые и новые зарисовки после безжалостных вскрытий, Альберт чувствовал, как тошнота не отпускала его горло весь день. Да и вообще, рвота стала его постоянным спутником. Иногда он доводил себя до полного изнеможения, когда часами смотрел на статьи Амана, отправленные на конференции. И как же умело парень в них врал...

В начале июля профессор вошел в институт с сильнейшей головной болью. Сегодня был именно тот день, когда он лишит Амана возможности продолжать своё исследование. Он почти бежал в библиотеку, боясь, что по пути потеряет всю свою решимость. Но стоило ему распахнуть дверь лаборатории, как дрожь пронзила всё его тело.

Аман стоял возле операционного стола, крепко держа мелкую черную кошку так, чтобы животное не двигалось. А девушка с кудрявыми рыжими волосами, которые Альберт

до безумия любил, перевязывала животному лапу.

Аман сложил заднюю конечность животного в коленном суставе и крепко держал так, что кошка едва ли могла пошевелиться. Герти быстро обвязала бинтом вокруг костей плюсны, затем, протянув его позади ноги с обвязала место берцовой кости. Аман довольно кивал и следил за движениями рук девушки. Если Герти что-то делала не так, он лишь цокал. Но она вздрагивала и быстро исправляла свои ошибки.

Альберт молниеносно приблизился к стору и схватил Герти за локоть. Девушка охнула, не заметив приближения отца:

— Что ты тут делаешь, Герти? — требовательно спросил Альберт.

Герти испуганно посмотрела на отца.

— Я...

— Она мне помогает, Альберт, — быстро ответил Аман.

Альберт перевел свои глаза на мужчину. Аман как всегда был одет с иголочки, и Альберт поморщился, заметив на челюсти юноши розовый след от помады дочери. Живот скрутило от ненависти и злобы. Он медленно посмотрел на Герти и холодно проговорил:

— Иди домой.

Герти вздрогнула. Она сделала шаг к отцу, протянув руку:

— Папа, я просто...

— ДОМОЙ! — рыкнул Альберт, заставив Герти поморщиться.

Аман внимательно смотрел на лица Альберта и Герти. Он считывал каждое движение мускулов и сухожилий, словно от этого зависела его жизнь.

— Герти, — начал парень. — Иди домой. Потом поговорим.

Девушка посмотрела на Амана. Тяжелой походкой она вышла из лаборатории, прикрыв за собой дверь. Альберт сделал шаг в сторону мужчины напротив:

— Что это такое!? Что здесь делает моя дочь?

Аман отрезал бинт и заправил его между лапой животного и повязкой. Грудь кошки размеренно поднималась и опускалась. «Спит», — с облегчением подумал Альберт. Аман нарочито медленно отложил ножницы и посмотрел на профессора:

— Помогала перевязывать лапу. Вы же сами видели.

Альберт стукнул кулаком по столу:

— Хватит ходить вокруг да около. Что Герти здесь дела?

Аман высокомерно приподнял подбородок. Он переложил спящую кошку в переноску и закрыл клетку на ключ.

— Пришла встретиться со мной.

Альберт вздрогнул. Он до боли сжал спинку железного стула и стиснул свои зубы:

— Вы...

— Нет, — резко ответил Аман. — Не беспокойся. Я не трогаю твою дочь. Она такая милая и наивная, что...

— Хватит, Аман! — строго рыкнул Альберт. — Я не хочу слышать ничего об этом. Не нужно к ней приближаться!

Аман поднял брови в искреннем удивлении и хмыкнул:

— Это ещё почему? Она не против.

Альберт побледнел. Он уже собирался ответить парню, когда Аман продолжил:

— Кстати, она не сказала, что передумала ехать в столичный институт? Решила остаться здесь и поступить на юридический факультет в этом университете.

Альберт удивленно вздохнул:

— Что? Когда она это сказала?

Аман хмыкнул:

— Когда я предложил ей остаться.

Профессор зарычал. Он двинулся на мужчину, но Аман быстро скользнул под стол и вынырнул на противоположной стороне:

— Не стоит, профессор! Забыли о записи? Если вас посадят, кто же будет защищать такую невинную Герти? — прошипел Аман, облокотившись на операционный стол.

Альберт замер. Он вздохнул и прикрыл глаза, пытаясь унять бушующее внутри себя зло. Профессор медленно опустился на стул и подвинул блокнот Амана к себе. Парень торжествующе улыбнулся, смело встав рядом с Альбертом.

— Второй эмбрион замер неделю назад? Почему ты не сказал? — нарочито спокойно произнес Альберт.

Аман недовольно поморщился:

— Замер. Я уже оплодотворил последнюю яйцеклетку методом ПИКСИ. В третий раз должно повести.

Альберт поднял на него глаза.

— Так ты работаешь на везение, а не на результат?

Парень прищурился. Он взял свой блокнот и положил в сумку:

— Осторожнее, Альберт. Ты играешь с огнем.

Аман отвернулся и быстро скрылся за дверью лаборатории. Профессор тяжело вздохнул, осознав, что задерживал дыхание. Он мельком посмотрел на закрытую дверь, чувствуя, как последняя искра света угасает в его реальности.

Микроскоп с грохотом влетел в стену, когда сердцебиение последнего плода пропало. Аман яростно пинал стулья и столы лаборатории, чувствуя внутри себя неопишущую ярость. Он рвал и метал, пока последние силы не иссякли. Подняв один из упавших стульев, парень приземлился на него с кряхтением и с ненавистью посмотрел на потухший инкубатор.

— Чёртов эмбрион, чёртов инкубатор, чёртов старик! — он вновь подскочил и пнул недавно поднятый стул.

Аман быстро подошел к окну и распахнул его, вдыхая холодный ноябрьский воздух. Ливень стеной приземлился на некогда сухую поверхность земли, превращая золотой осенний пейзаж в непроглядную слякоть. Капли дождя попадали на окно, но парень не двигался. Он смотрел в одну точ-

ку перед собой и думал. Струйки воды стекали по его лицу и капали с кончика носа, пока он до боли сжимал подоконник. Аман громко выдохнул и протер лицо одной рукой. Он медленно закрыл окно, повернувшись к холодильной камере. Если он сейчас сдастся, то Альберт окажется прав. Нет! Он не может сдать. Аман поправил халат и быстро прошел к холодильнику. Точными знакомыми движениями он ввел пароль, и огромная белая дверь открылась.

Яйцеклетки орлиц стояли на противоположной стороне. Аман прошел к нужной полке, и стук его подошвы разносился по камере. Вот они. Две прекрасные яйцеклетки. Человеческий детеныш должен провести в утробе сорок недель при температуре около тридцати семи градусов, в то время, как орлица высидит яйца сорок пять дней, окружая их высокой температурой. Он взял две яйцеклетки и внимательно посмотрел на обе. Стоит попробовать изменить тактику оплодотворения.

У него получилось. Альберт стоял напротив экранов с четким размеренным сердцебиением и вздрагивал на каждый удар. Эмбриону было четыре недели, и Аман буквальное и на шаг не отходил от него. Он сутками следил за показателями и редактировал температуру. Чтобы плод мог получать полезные минералы и витамины, парень подсадил его в кошачью матку. Животное так и не отправилось после аварии, и Аман отказался просто кремировать его.

Видя сердцебиение плода, Аман улыбнулся и прибавил звук, прислушиваясь к ударам:

— Ну разве это не прекрасно, профессор? Гибрид активен, впитывает все, что я ему даю. Даже интересно посмотреть на эту тварь, когда она окончательно созреет.

— А что со вторым эмбрионом? — спросил Альберт, не отрывая глаз от плода.

Аман напряг плечи:

— ДНК даже не прижилось. Оплодотворения не произошло, — он ответил сухо, но сквозь его нарочитую уверенность пробивалось раздражение.

Альберт вздрогнул. Когда Аман предоставил ему отчет об эксперименте, профессора рвало почти весь вечер. Он поднялся со стула и покачал головой.

— А если это будет человек? Если от *Homo sapiens* в *этом* будет больше, чем от птицы?

Парень хихикнул:

— Что ж, тогда меня будут называть «папочкой».

Альберт задержал дыхание, видя, как Аман прибавляет тепло в инкубаторе. Он вздрогнул от мысли, что химера будет передвигаться по этой земле так, словно она одна из них.

— Кстати, профессор, что там с яйцеклетками? — внезапно процедил Аман.

Альберт перевел на него взгляд:

— А что с ними?

— Не прикидывайтесь дураком, Альберт. Когда вы предо-

ставите мне материалы? — с холодностью произнес Фейрстоун.

Профессор расправил плечи.

— Никаких материалов больше не будет, Аман.

Парень с недоверием повернулся к Альберту. Казалось, он вечность искал в лице профессора намека на провокацию и ложь. Но не увидев ничего из этого, она медленно отошел от инкубатора и приблизился к Альберту, фактически нарушая его личное пространство.

— Что вы сказали, профессор?

Альберт вздрогнул и вздернул подбородок. Он сложил руки за спиной и выпрямился во весь рост, став почти одного уровня с парнем.

— Я сказал, что я больше не предоставляю тебе человеческих яйцеклеток для твоих экспериментов.

Фейрстоун сузил глаза. Он со всей силы сжал кулаки, и казалось, что Аман готов был наброситься на профессора в ту же секунду. Но он лишь яростно смотрел на Альберта, до боли прикусывая внутреннюю сторону щеки.

— Позвольте узнать, почему? — нарочито вежливо процедил Аман, но его холодный тон пробирал Альберта до самых костей.

Профессор сжал зубы и посмотрел прямо в глаза мужчины:

— Твои эксперименты вышли из-под контроля, Аман. Ты перечишь не просто природе, а самой сути человеческого су-

щества. Такое может больше продолжаться. Ты...

Аман резко зарычал. Он сделал шаг к Альберту и фактически придирался своим лбом ко лбу мужчины.

— Перечу? А не ты ли, Альберт, с радостью принимал гранты, полученные моими исследованиями!? Не ты ли договаривался о поставках животных и лекарств в лабораторию? Не ты ли запатентовал гормональную таблетку для млекопитающих? Альберт, посмотри правде в глаза. Если уж ты хочешь меня потопить, то утонешь и сам!

— Хватит! — резко заорал Альберт и оттолкнул мужчину от себя. — Я не проводил эти эксперименты! Я не...

Аман резко расхохотался, отчего профессор вздрогнул и замолчал:

— Ох, Альберт, — начал Фейрстоун, вытирая слёзы во внутренних уголках глаз. — Какая разница, утонешь ты на глубине шести метров или двух. Мы оба будем мертвецами.

На этот рад кулаки сдал профессор. Он прикрыл глаза и громко выдохнул:

— Значит, мы с тобой увидимся на том свете. Потому что моё решение окончательное.

Он развернулся и пошел в сторону выхода. Аман резко рванул с места и перегородил ему путь. Он схватил профессора за руку и одним движением развернул к себе:

— Что ты делаешь, Альберт!? — процедил он сквозь зубы. — Ты же помнишь о записи, верно?

Профессор быстро взглянул на пальцы Амана, впивающи-

еся в мягкую плоть его предплечья с невероятной силой. Затем он медленно поднял глаза на своего некогда любимого ученика и ответил ему тихим размеренным голосом:

— Делай с записью всё, что хочешь. Возможно, если я окажусь за решеткой, то точно не поддамся соблазну помочь тебе снова.

Альберт резко вырвал свою руку из хватки Амана и в два быстрых шага выскочил из лаборатории.

— Ого! — воскликнула темноволосая высокая девушка. — Никогда не думала, что лаборатория такая светлая и небольшая. Сюда никого не пускают, кроме тебя и профессора. Но выглядит все скучно и однообразно. И что вы тут находите такого интересного?

Вайлет не замолкала ни на минуту. Она говорила с тех самых пор, как Аман пригласил её на свидание. Точнее, это она думала, что шла на свидание. Фейрстоун точно понимал, зачем он терпит постоянную болтовню своей бывшей одногруппницы. Вайлет всегда была посредственным студентом, и на самой первой паре профессора Колотия она покинула класс в начале занятия.

Девушка смело ходила по светлому помещению и трогала микроскопы своими руками. Аман буквально вздрагивал, когда Вайлет взяла чистые стекла и посмотрела сквозь них на лампы. Он сам лично чистил их для утренней процедуры, которую планировал почти неделю.

Ему потребовалось несколько дней, чтобы точно отследить расписание Альберта на сегодня. Ошибки быть не могло. Зная Альберта, она могла стоять ему не только свободы, но и жизни. Аман быстро бросил одинокий взгляд на столик в углу лаборатории. Шприцы, колбы, специальный резервуар для морозильной камеры... он проверил все трижды. Холодные карие глаза вновь посмотрели на девушку перед ним. Вайлет рассматривала пробирки на столе и периодически хмыкала.

Аман подошел к ней и положил ладонь на её поясницу. Вайлет вздрогнула и покраснела. На её губах появилась легкая улыбка, когда пальцы Амана поднялись по позвоночнику к плечу. На улице было очень холодно, но сейчас девушке было так жарко, что она едва могла дышать.

— Аман, я...

— Ты правда хочешь знать, чем мы занимаемся в этой лаборатории? — перебил её мужчина.

Он вдохнул запах темных волос и слегка по морщился от их приторности. Вайлет не заметила этого. Она улыбнулась шире и повернулась к Фейрстоуну.

— Да. Расскажи мне, — девушка смело протянула руку и погладила Амана по щеке.

Мужчина последовал за её касанием и аккуратно начал вести в сторону морозильной камеру.

— Ты читала мои работы?

Вайлет быстро закивала:

— Да, твои работы по скрещиванию потрясающие. Не удивительно, что у вас с профессором так много грантов.

Аман ухмыльнулся:

— Да, сейчас скрещивания животных даются мне по щелчку пальцев. Но наука не должна стоять на месте. И пора переходить на новый уровень.

— Новый уровень? — Вайлет вновь покраснела. Аман подвел её к пустому стулу и отодвинул спинку, чтобы девушка могла удобно сесть.

— Да, — кивнул мужчина. — Представляешь, как было бы удивительно, если бы у людей были крылья? Или мы могли бы плести паутину? Или быть под водой по несколько часов?

Аман говорил каждое слово так сладко, что Вайлет просто таяла от его речи. Она сжала колени и наклонилась к нему:

— Звучит потрясающе. Получается, теперь ты хочешь создать гибриды людей и животных?

Аман повернулся к ней спиной. Он подошел к столу и медленно достал идеально наточенный скальпель. Его сердце бешено билось. От черты, за которую он больше не сможет вернуться, останься всего несколько минут.

— О, да. Это будет величайшее открытие в истории генетики. Моё имя войдет в учебники и навсегда останется в умах людей, — он аккуратно втянул скальпель в руки и с обворожительной улыбкой повернулся к Вайлет.

Девушка не сводила с него глаз. Она ерзала на стуле и по-

стоянно заправляла волосы за уши:

— Это звучит потрясающе. Ты уже думал, какое животное выберешь первым?

«Какая же ты дура», — подумал Аман и кивнул.

— Думал. В ближайшем магазине для животных есть немолодая игуана. Такой сильный и агрессивный самец. Я буду договариваться с хозяином об... аренде.

Вайлет игриво поморщилась:

— Фу, ненавижу игуан. И других хладнокровных тоже.

Аман улыбнулся, чувствуя чувствительной кожей руки холодным металл скальпеля. Он обошел Вайлет вокруг и остановился за её спиной:

— Жаль, значит, твоё продолжение тебя не впечатлит.

Улыбка Вайлет исказилась в оскал и она неуверенно посмотрела на мужчине за спиной.

— О чем ты? — неуверенно спросила девушка.

Аман соорудил сочувственную гримасу и погладил Вайлет по волосам:

— Видишь ли, Вайлет. Для получения эмбриона нужны две ДНК: женская и мужская. И если мужская будет от игуаны, но женская...?

— От человека? — спросила девушка.

Аман положил руку на её плечо и крепко сдал его:

— Умничка. Ты не такая дура, Как кажешься.

Девушка вздрогнула и попыталась встать. Аман крепко сжал её плечо, погрузив пальцы в кожу девушки и оставив

на ней синяки:

— Тихо, Вайлет, — скальпель блеснул в бледных лампах и опасно приблизился к месту шейной артерии. — Когда у тебя были месячные?

Девушка задрожала и почувствовала, как по её щекам потекли слёзы отчаяния:

— Что? Я не понимаю!

Аман рыкнул:

— Когда. У тебя. Были. Месячные? — процедил он.

Вайлет прикусила язык и в ужасе посмотрела на него:

— П-почти две недели назад.

Аман довольно кивнул:

— Значит я не ошибся. Прекрасно. Теперь будь хорошей девочкой и ложись на стол.

Вайлет побледнела и вновь попыталась встать:

— Ты что, сумасшедший? **ОТПУСТИ!** Отпусти! **ПОМОГИТЕ!**

Аман покачал головой. Было уже поздно. Пути назад не было. Он занес скальпель над шеей Вайлет и в последний раз переступил черту.

Глава 18. Аффектус

Альберт открыл дверь в свой кабинет, приглашая Еву войти внутрь. Девочка быстро проскользнула вглубь уже знакомого теплого пространства, стараясь не задеть аккуратно поднятые на парты стулья. Она с удивлением посмотрела на чистый класс и с нескрываемым вопросом в глазах повернулась к Альберту. Профессор пожал плечами и кивнул в сторону стульев:

— Когда ты одинок так много лет, единственное, что радует, это чистота.

Девочка обвела взглядом идеально начищенные столы и поджала губы. Казалось, даже ножки стульев были вымыты до блеска:

— Здесь пахнет хлоркой. Даже слишком чисто, — добавила Ева, проведя пальцами по гладкой поверхности парты.

Альберт виновато кивнул:

— Может, так я пытаюсь хоть как-то стереть напоминания о своём прошлом, Ева, — он снял стул с первой парты и аккуратно поставил его возле учительского стола.

Девушка села на сиденье, проследив за движениями старика. Альберт с кряхтением приземлился на свое кресло и привычным жестом провел пальцами по усам. Он поправил полы пиджака и закинул ногу на ногу. Ева видела, что Альберт хотел начать разговор. Но он явно не знал, как лучше

подступит к тому, что он хочет сказать.

— Дедушка, если Амафей не способен открывать портал, — решила начать разговора Ева. — То почему ты не ушел? Почему не сбежал из этого мира, когда был моложе?

Альберт вздрогнул от прямого вопроса внучки. Он прикрыл глаза и поджал губы:

— Я... я не полностью уверен, что Аман не сможет открыть его вновь.

Ева уловила тревожные нотки в голосе дедушки. Она подалась вперед и внимательно посмотрела в его прикрытые глаза:

— Вновь? То есть, он уже открывал его?

Альберт кивнул:

— Один единственный раз. По иронии судьбы, последний. Тогда ему впервые удалось открыть портал аффектосом. Видимо, страх перед смертью и правосудием пробил даже его черствую душу, — он сделал вдох.

— Он открыл портал страхом? — уточнила Ева.

Профессор кивнул:

— Страх и гнев - это одни из сильнейших эмоций, которые способен вынести твой мозг. Сильнее них лишь одно чувство.

Ева широко распахнув глаза:

— Какое?

Альберт грустно улыбнулся:

— Любовь, Ева. Но не просто влюбленность. А зрелая и

настоящая.

Девочка почувствовала, как на её щеках появился румянец. Она смущенно улыбнулась и посмотрела на свои руки.

— Какая чудесная новость, — добавила она.

Альберт кивнул. Он поднялся со стула и быстро начал отодвигать парты в сторону, превращая некогда аккуратное пространство в подобие любительского тетриса. Ева с непонимаем следила за его движениями и нахмурилась:

— Что ты делаешь? — не сдержалась она.

Альберт подвинул последнюю парту и опустился в центр комнаты в позе лотоса:

— Собираюсь тренировать твой аффектус. Иди сюда. — он похлопал по месту напротив, с нежностью глядя на внучку.

Ева неуверенно села перед дедушкой, сжав руки на щиколотках:

— Ты уверен, что это хорошая идея? Ты говорил, что аффектус может разорвать тело на части.

— Может, — подтвердил Альберт. — Но выхода у нас нет. Я... я не уверен, что Патриция будет готова открыть портал в нужный момент, — честно признался он.

Ева вздрогнула:

— А если у меня тоже не получится? Мы будем в ловушке.

— Не будете, я пойду с вами, — резко сказал дедушка.

Ева широко распахнула глаза. Она до боли сдала свои колени и беззвучно открыла рот.

— Я помню, что говорил обратное, — продолжил Альберт. — Но сейчас, видя, что Пати не сможет сделать так, как я планировал, выбора у меня не остается. Вы выберетесь на свободу, а я закрою портал навсегда.

Девушка не отрывала глаз от губ Альберта. Она впитывала каждое слово и боялась пропустить даже крупинку информации:

— Его можно закрыть навсегда?

Альберт кивнул:

— Можно, если человек, открывший портал, умрет до того, как успеет закрыть его. Тогда ни зайти в этот мир, ни выйти из него будет нельзя.

Ева вздрогнула:

— Нет! — резко сказала она. — Ты не можешь... ты же... мы только...

— Ева, — нежно проворковал Альберт и взял небольшую ладонь внучки своими сморщенными пальцами. — Я должен буду это сделать. Это и мой грех тоже.

Девочка чувствовала, как её живот сводит судорогой. Она быстро отрицательно покачала головой и сжала руку бабушки.

— Не говори так! Не надо! Мы придумает другой способ уничтожить этот мир и выйти отсюда.

Альберт погладил костяшки на ладонях внучки большими пальцами. Он покачал головой и тихо выдохнул:

— Если бы всё было так просто, милая, — он поднял на

неё глаза и заметил, как по щеке Евы стекает одинокая слезинка. — Эй, Ева. Что такое?

Она покачала головой и всхлипнула громче:

— Впервые за восемь лет я чувствую, как меня любят, — честно призналась она. — Я чувствую, что я не просто чужой человек в доме, а часть чего-то большого. Часть... семьи.

Альберт нахмурился:

— О чем ты говоришь, милая? Твой папа...

Ева покачала головой:

— Не надо, дедушка. Не надо про это говорить.

Альберт замер. Он быстро поморгал, а затем незаметно кивнул. Альберт быстро достал из внутреннего кармана своего замшевого пиджака колбу с водой и потянулся к шкафчику позади себя. С нижней полки профессор со звоном вытащил небольшую емкость и поставил её между собой и Евой. Аккуратно, стараясь не пролить ни одной капли, мужчина вылил идеально чистую жидкость в миску:

— Если ты собираешься идти с нами, — начала Ева, не сводя глаз с рук дедушки. — Зачем мне учиться аффектусу.

Альберт стряхнул последнюю каплю в емкость и с особой нежностью убрал колбу в пиджак:

— Мы не знаем, что может случиться, Ева. Вдруг я даже не смогу добраться до лаборатории. Не думаю, что Аман будет спокойно сидеть на стульчике с кружкой чая и ждать моего визита.

Девочка вздрогнула, почувствовав мурашки на спине. Ка-

залось бы, что за это время, что она провела тут в компании битвином и чудовищ, она должна была привыкнуть ко всему. Но страх потерять близкого человека был сильнее. Это не было похоже на испуг или панику. Когда перед глазами Евы появилась картинка с дедушкой, сердце которого остановилось навсегда, узел внутри её живота натянулся с такой силой, что ей захотелось что-то ударить или сломать. Альберт заметил сжатые кулаки внучки. Он потянулся и нежно погладил её запястье большими пальцами:

— Эй... — растянул он. — Не думай сейчас о плохом, милая. Если уж так и случится, то эти дни я хочу провести с тобой в любви и нежности, а не в страхе и ужасе.

Девочка подняла на старика глаза. Быстро кивнув, она села удобнее и посмотрела на жидкость перед собой.

— Ну и... что мне делать? — с волнением спросила Ева.

Альберт улыбнулся:

— Этот настрой мне нравится больше, — профессор перезал на месте и поправил миску с водой. — Сейчас тебе нужно...

— погоди! — внезапно произнесла Ева. — А если я сейчас открою его на стороне Амана? А если прямо в его лаборатории? А если...

Альберт поднял руку, останавливая её:

— Не волнуйся, милая. Это вода с моей стороны. Ты не сможешь открыть портал на территории Амана даже при всем желании. Чтобы это сделать, нужна жидкость оттуда.

Ева приоткрыла рот от удивления и быстро выдохнула:

— Откуда ты всё это знаешь? Про мир, про порталы, про лабораторию?

Дедушка устало провел рукой по лицу:

— Ох, Ева, за семнадцать лет я успел многое проверить и выучить. Я видел его сторону, понимал, что это что-то неправильное. Поэтому приложил немало усилий, чтобы понять этот мир от и до.

— Ты был на его стороне? — спросила девочка, расширив глаза.

Альберт кивнул:

— Несколько раз. Сначала чтобы увидеть территорию, потом тренировал порталы. В одну из таких тренировок я и увидел открытый пруд, куда вы попали. Я знал, что это не просто водоемы. Но не думал, что это связано с душевными травмами хозяина стороны.

Ева подалась вперед, словно невидимые нити притягивали её лицо ближе к старику:

— Душевные травмы? Хочешь сказать, что все эти пруды — это болезненное воспоминание?

Профессор кивнул:

— Именно. Я видел анкету Амана при поступлении. И то чудовище, с которым мы столкнулись в первом воспоминании — это его бабушка, — Альберт вздохнул. — Она умерла за три месяца до начала его учебы в институте. И Аман остался сиротой. А за сиротами положен особый контроль.

Девушка медленно опустила глаза в пол перед собой и кивнула:

— Значит, в этом мире ещё два болезненных воспоминания? Два чудовища?

— Пять, — внезапно поправил ее дедушка.

Ева подняла взгляд и в ужасе посмотрела на него:

— Но я видела лишь три пруда на его стороне.

Альберт грустно улыбнулся:

— И на моей тоже три.

Ева вздрогнула и сжала губы:

— Вот черт...

Альберт хмыкнул:

— Эй, не сквернословь.

Ева покраснела и кивнула. Старик снисходительно выдохнул и подвинул миску с жидкостью ближе к Еве:

— Не думай об этом, милая. Вы выберетесь отсюда и забудете об этом месте, словно это был страшный сон. Теперь давай приступим к тренировке.

Пати прождала Элен на улице почти три часа. Вечерело, и теплые лучи солнца уже не согревали светлое оперение на её ногах и крыльях. Она ходила из стороны в сторону, чувствуя, как внутри нее нарастает тревога. Элен никогда не уходила одна на такое длительное время. Но Патриция запрещала себе думать о плохом. Она крепко обнимала себя руками, ощущая, как сильно ноги устали от постоянной ходьбы.

— Она до сих пор не пришла? — раздался позади нее голос Рика, и Пати вздрогнула, когда толстая скатерть легла ей на плечи.

Рик задержал ладони на её плечах чуть дольше, чем было необходимо, убеждаясь, что ей точно удобно. Затем сильнее запахнул скатерть на своей спине и зарылся шеей вглубь ткани. Патриция покачала головой:

— Даже силуэта не было. Она ничего не ела с утра. И одета она слишком легко для вечера. Ветер достаточно холодный, — Пати старалась говорить спокойно, но её голос дрожал. И холод был здесь совсем не причастен.

Рик с настороженностью посмотрел на лес. Элен хотела всегда быть самостоятельной, но она отдавала себе отчет в том, что ей нужна была помощь. Парень нахмурился и пошел вперед. Пати с удивлением смотрела на его удаляющуюся спину. Она без промедления побежала за ним и пошла шаг в шаг с Риком.

Расстояние между институтом и лесом они преодолели рекордно быстро. Рик остановился возле забора, осматривая конструкция снизу вверх:

— Думаешь, она через него перелезла? — спросил парень.

Патриция медленно шла по периметру сетки, внимательно осматривая её. Заметив дыру, она охнула и позвала Рика:

— Рик... — едва смогла произнести Пати.

Он быстро подошел к ней и посмотрел на дыру. Без колебаний парень пролез сквозь неё, не замечая, как метал-

лическая сеть царапает его руки и плечи. Патриция быстро проследовала за ним. Почувствовав её движения, Рик выпрямился и с силой раздвинул сетку, чтобы девушка не поранила крылья. Патриция огляделась, но затем повернулась к юноше.

— Рик, где она? — спросила Пати так, словно Рик точно знал ответ.

— Не знаю, — шепотом ответил он и прошел вперед.

Лес охотно принимал подростков в свои объятия. Каждый из шаг отдавался тихим эхом, уходящим в глубь зеленого королевства. Когда что-то хлюпнуло под его ботинком, Рик с отвращением посмотрел на ступню. Густая жидкость, похожая на соплю, капала с его ребристой подошвы, пока Патриция подходила ближе:

— Что это? — спросила она, присев перед парнем.

Рик без колебаний подцепил пальцами слизь и приблизил её к носу. Вдохнув запах, он поморщился и покашлял. Он быстро поднес палец к носу Патриции, отчего она инстинктивно пригнулась. Когда запах тухлятины и гнили заполнил её ноздри, Пати отшатнулась и отвернулась от Рика, начав издавать рвотные звуки.

— Что это? — в ужасе произнесла девушка.

Рик вытер палец об футболку. Он выпрямился и посмотрел в лес:

— У меня плохое предчувствие, Пати.

Патриция едва смогла сдержать тошноту. Она выставила

руки перел собой, но вздрогнула, когда её ладонь почувствовали гладкие железные грузики. Медленно девушка взяла предмет в руку и потянула на себя. Рик вздрогнул и метнулся к ней:

— Пати! Вдруг это ловушка!?

Но девушка уже поднялась, держа в руках промокшую от недавнего дождя сеть. Она быстро повернулась к Рику, встретившись взглядом с его желтыми, наполненными ужасом глазами.

— То есть я должна вспомнить что-то такое, что вызовет сильную эмоцию? — уточнила Ева и слегка поерзала на месте.

Альберт быстро кивнул. Он поправил плоску между ними и крепче сдал свои колени. Воздух вокруг буквально покалывал от напряжения. Девочка сглотнула и посмотрела на воду:

— Самые сильные эмоции — страх, гнев, печаль и радость. Но удержать портал открытым с ними намного сложнее. Они испаряются так же быстро, как и появляются. А вот эмоции сложнее... — он поправил пиджак и вновь провел ладонью по лицу. — Благодарность, любовь, раскаяние... Получить аффектус этими эмоциями почти невозможно. Нужно, чтобы чувство исходило от самого сердца. Однако они могут держать портал открытым гораздо дольше. С ними вероятность того, что с вами что-то случиться

во время презида, почти минимальна.

Ева слушала его, сведя брови к переносице. Любовь? Она никого в жизни не любила так сильно, что могла бы открыть портал. Раскаяние? Она не совершала чего-то такого, за что могла бы так искренне чувствовать вину. Мелкие ссоры с битвинами забывались под натиском новых ужасов. Благодарность? Благодарность...

— Давай начнем с более простых эмоций. Вспомни что-то, что приносит тебе радость. Какой-нибудь момент из жизни, когда ты была максимально счастлива.

Ева кивнула и закрыла глаза. Она перебирала в голове варианты событий, но ничего такого не было:

— Эм...

— Что? — спросил Альберт.

Ева покраснела и нахмурилась. Она почесала затылок, пытаясь поверить в то, что собиралась сказать:

— Ну... у меня так таких радостных воспоминаний. Они скорее... терпимые. С отцом всё сложно, а про детство, когда мама была рядом, я почти не вспоминаю. Это было очень давно и ничего яркого в моей памяти не осталось.

Альберт покряхтел и с недоверием поморгал:

— Как такое возможно? Тебе же четырнадцать лет. Разве у тебя не было ничего такого, отчего ты была бы по-настоящему счастлива?

Ева подала плечами:

— Ева, подумай лучше. Может всё-таки что-то с отцом?

Ева вздрогнула и резко посмотрела на бабушку:

— Нет, ничего с отцом.

— Но твой папа... — начал Альберт, когда Ева резко вскочила.

— Папа? Папа ненавидит меня. И самое обидное, что я даже не понимаю, за что? Иногда мне кажется, что он ненавидит меня просто потому что я - это я. С этими дурацкими кудряшками и веснушчатым лицом. — она небрежно показала пальцами на себя и втянула воздух ртом.

Альберт в ужасе смотрел на то, как его внучка буквально разрывалась от обиды. Его внимание привлекло свечение в миске, жидкость в которой уже начала приобретать знакомый перламутровый оттенок:

— Ева, тебе нужно...

— Я знаю, что ему тоже трудно, — не могла успокоиться девочка. — Но как можно оправдать то, что в самом тяжелый момент моей жизни он просто отвернулся? Мы должны были быть вместе и поддерживать друг друга. Должны были любить и пройти через испытания, как семья. А отец решил, что шестилетняя девочка, привыкшая к ласке и любви, сможет пережить потерю самого близкого человека в одиночку.

Слова вырывались из её рта до того, как она полностью успевала их обдумать. Тяжесть прошлого навалилась на её плечи с такой силой, что Ева едва могла держать спину прямо. Она тараторила и тараторила, судорожно вдыхая тогда, когда воздуха не хватало. Казалось, обида и гнев полностью

завладели её сущностью. Вода в миске кипела, и Альберт тоже поднялся на ноги:

— Ева, милая, тише. Успокойся. Так нельзя.

— Он только и делал, что искал предлоги со мной не видеться! А я хотела быть рядом с ним! Чувствовать его ласку и заботу. Он был единственным близким человеком, но решил стать слабым и оставить свою единственную дочь одну переживать самую большую утрату, которую только может испытать ребенок! — она почти кричала, но ярость не давала ей пролить ни одной слезы. — Я осталась сиротой при живом отце!

Резкий взрыв заставил её вскрикнуть и пригнуться. Альберт охнул и упал на колени. Запах гари моментально заполнил пространство кабинета, и Ева с ужасом посмотрела на черное пятно на месте, где мгновение назад стояла миска с водой. Альберт медленно убрал руки от лица и посмотрел на внучку. Он аккуратно притянул Еву к себе и погладил девочку по волосам:

— Тише, Ева. Сила аффекту в заключается не только в том, чтобы вызвать и удержать эмоцию, но и в том, чтобы суметь противостоять своим чувствам. В этом и заключается самая большая сложность.

Ева прижалась к его теплой груди и схватила полы бархатного пиджака. От дедушки пахло мелом и пылью. И этот запах смог за одну секунду вернуть её в реальность. Но всего на мгновение:

— Альберт! — Рик влетел в кабинет, держа в руках круглую сеть. Патриция в слезах схватилась за ручку двери и едва переводила дыхание.

— Они поймали её! — с ужасом пропищала она. — Они поймали Элен!

Глава 20. Дочь

Лязгание металла о светлую плитку донеслось до них раньше, чем из темноты появился высокий стройный силуэт. Аман похлопал в ладоши и с хищной улыбкой обошел источник, медленно вступая на каждое лезвие своих протезов. Он с грацией поправил красную бабочку и точным движением подвинул очки на переносице, не сводя глаз с группы битвинов:

— Я так и думал, что это вы, профессор. Почувствовал знакомый запах цинизма и двуличности ещё за километр, — его тембр как никогда был бархатным и низким, словно он говорил с давно пропавшей возлюбленной, оказавшейся, наконец, в его руках. Он осмотрел Альберта с голов до ног и усмехнулся, но в этом звуке не было никакого веселья. Только резкий и холодный расчет, — А ты постарел, Альберт.

Профессор оскалился, потянув Еву за свою спину. Его рука крепко сжимала предплечье девочки, пока он грубо прятал внучку за собой. Профессор сделал несколько шагов вперед, принимая вызов Фейртоуна. Глаза мужчины горели ненавистью и яростью, пока он с трудом выдерживал холодный взгляд своего ученика:

— Хватит молоть языком, Аман! Где девочка? — Альберт крепче сжал рукоять своей трости, слегка оголив острое лезвие.

Амафей сучающим взглядом посмотрел на сверкающий в холодных лучах фонарей нож. Его волнение выдал лишь поджатый желвак на левой стороне лица. Мужчина поднял подбородок выше, сузив глаза до такой степени, что они превратились в крошечные щелки, сквозь которые едва ли можно было разглядеть соперника:

— Ты про «П12»? — поддразнивал старика Аман.

Рик зарычал и сделал шаг вперед, выхватив из рук Евы топор:

— У неё есть имя, ублюдок!

Амафей быстро перевел взгляд на юношу, крепче сжав руки за спиной. Он слегка повернул корпус к Рику, заставив того сделать незаметный шаг назад:

— Ох, Эрик, ты всё такой же невыносимый и самоуверенный, как и три месяца назад. Кстати, ты больше не винишь себя в том, что Элен потеряла зрение из-за тебя?

Он попал в самую точку. Рик побледнел и слегка опустил топор, почувствовав, как силы в одну секунду покинули его крепкое тело. Она забежал глазами от одного зрачка Амана к другому, судорожно облизав губы:

— Я не виноват в этом! Это ты! Ты...

— А сейчас она тоже по твоей вине здесь, да? — продолжал Аман, игнорируя слова парня. — Если бы ты лучше следил за своей подружкой, она бы тут не оказалась. Разве нет?

Рик вздохнул, почувствовав, как топор падает к его ногам. А вдруг Аман прав? Вдруг это Рик виновен в том, что Элен

сейчас в опасности? Если бы он следил за ней, то девочка была бы рядом с ними, а не в руках чудовища. Если бы...

— Не слушай его, Рик! — Пати потрясла его руку, привлекая к себе внимание юноши. — Он специально это говорит. Он хочет выбить тебя из колеи. Не слушай!

Аман вздрогнул, когда звонкий голос дочери эхом отгалкивался от стен, вонзаясь в его сознание острыми кинжалами. Он словно увидел Патрицию впервые и жадно смотрел на её подпрыгивающие косички и трепещущие крылья, впитывая каждое движение девочки. Оскалив белые зубы, Амафей щелкнул пальцами, и двери позади битвинов резко пахнулись.

Рик едва успел оттащить Пати от траектории окулиса в тот момент, когда тварь на огромной скорости проползла между битвинами. Чудовище с рычанием кружило возле Амана, образуя вокруг своего хозяина кольцо из длинного, покрытого ожогами тела. Его морда, испещренная мелкими ссадинами и синяками, расплылась в отвратительной животной ухмылке. Зубы окулиса соединялись друг с другом тонкими ниточками слюны, пока он двигался вокруг Амафея.

Мужчина остановил свой взгляд на хвосте чудовища. Длинный отросток плотно обвивался вокруг талии Элен, пока девочка, словно тряпичная кукла, безжизненно свесила руки из живых тисков. Её запястья были покрыты тёмными фиолетовыми гематомами, а тонкие капли крови из обеих ноздрей соединялись в одну струйку и приземлялись на

белый кафель рядом с туловищем окулиса, капая с пухлой верхней губы.

Рик дико зарычал и рванул вперед:

— Ты мерзкий ублюдок! Что ты с ней сделал!?! — она бросилась на Амана, стараясь схватить мужчину за шею.

Амафей резко вывернулся в сторону и пригнулся, позволяя парню пролететь поверх него. Рик болезненно приземлился на кафель и вскрикнул от ненависти:

— Ты всё такой же предсказуемый, Эрик, — процедил Аман, поправив очки. — Сначала делаешь, а потом думаешь! Ничего не меняется, — он кивнул нулламанусам, и чудовища быстро направились к юноше.

Рик моментально вскочил на ноги, начав судорожно метаться между монстрами. Он дико шипел на каждого нулламануса, пока его хвост бешено двигался из стороны в сторону позади него.

Альберт сделал несколько шагов вперед, встав впереди Патриции:

— Хватит, Аман! Отпусти девочку! Я сдамся сам, — последнее предложение профессор почти прошептал.

Амафей резко повернулся к старику и с удивлением посмотрел на него. Сделав несколько шагов в сторону Альберта, мужчина остановился, сложив руки за спиной в крепкий замок:

— И с чего же ты взял, профессор, что мне нужен ты, а? — он медленно перевел глаза на светлые косички Пати.

Девушка скривила лицо и резко попятилась назад. Нулламанус, появившийся словно из ниоткуда, сжал язык на запястье Патриции, заставив её вскрикнуть.

— Нет! — в панике закричала Пати. — Нет! Отпусти! Отпусти меня!

От страха и ужаса перед глазами Евы появились яркие красные пятна. Она резко крикнула и рванула вперед, подняв окровавленный топор рядом со своими ногами. Ей оставался шаг до нулламануса, одерживающего Пати, но крепкая костяная грудь второго чудовища с силой ударила девочки в плечо. Ева с грохотом и визгом упала на кафель, по инерции проехав на спине несколько метров:

— Агх... — едва смогла произнести она, чувствуя, как её плечо пульсирует от жестокого удара.

Альберт едва успел вытащить кинжал из трости, когда Аман поцокал:

— А-а-а, Альберт, если сделаешь ещё одно движение, я прикажу сломать ей руку, — он посмотрел в сторону Пати, когда чудовище сильнее сжало язык вокруг её запястья.

Девушка тряслась от боли и, не сумев удержать свой вес, упала на колени. Её кисть приобрела легкий синий оттенок, и Патриция с трудом могла разглядеть свои побелевшие ногти сквозь пелену слёз.

Аман резко повернулся к Рику, когда почувствовал его передвижение позади себя:

— Тебя это тоже касается. Ещё шаг, и услышишь хруст.

Парень резко замер, но пальцы на его руке лишь сильнее сжали молот. Амафей сузил глаза и оскалился:

— Брось.

Рик вновь зашипел. Суставы на его пальцах превратились в пепельно-белые. Фейрстоун сжал жевательные зубы и процедил:

— Брось, — медленно построил он.

Юноша судорожно сделал несколько вдохов. Он вновь взглянул на дрожащую Пати и с яростным рычанием опустил молот в плитку. Рукоять пробила кафель, и орудие крепко застряло в бетоне.

Амафей самодовольно улыбнулся и вновь перевел взгляд на патрицию. Нулламанус грубо потащил девушку к своему хозяину, не обращая внимание на её стоны и возгласы. Было так больно, что Пати едва могла открыть глаза. Пальцы на руке онемели, и ей касалось, будто чудовище уже оторвало её кисть.

Аман быстро подошел к ней и схватил её на подбородок. Его пальцы погрузились в нежную девичью кожу неестественно глубоко, и он буквально выдохнул в нос Патриции:

— Неблагодарная сучка. Думала, что, сможешь сбежать с этими уродцами, да? Ты моя плоть и кровь, Патриция. И я никогда не позволяю чужим рукам касаться до того, что принадлежит мне. Хочешь ты этого или нет, ты откроешь этот чертов портал, поняла?

Пати закрыла глаза, пытаясь хотя бы таким образом отго-

родиться от Амафея. Слёзы и сопли смешались на её лице в единое целое, пока она едва могла перевести дыхание. Рука мужчины сжалась на затылке Патриции, сжав светлые волосы Аман резко потряс её голову:

— Ты оглохла, Пати? Я сказал, что ты откроешь этот портал! Ясно!?

— Ева, нет! — крикнул Альберт поверх грубого голоса Амана, посмотрев на внучку.

Амафей едва успел повернуть голову в сторону рыжеволосой девочки, когда отблеск наточенного лезвия топора в руках Евы направился ровно в крошечный родник. Волосы Евы разметались по сторонам, и она с криком опустила оружие на единственный путь к свободе.

— Нет! — закричал Аман, отбрасывая Пати в сторону.

Резкая вспышка света отбросила Еву в грудь Рика. Он инстинктивно обхватил хрупкое тело девочки руками, и бросился в сторону Альберта. В рекордное время парень сократил расстояние между собой и стариком, толкая обоих к выходу.

Аман бросился к источнику, но луч перламутрового яркого света буквально ослепил мужчину за долю секунды. Он зарычал и закрыл глаза рукой, мысленно призывая окулиса к себе. Чудовище завизжало, быстро рванув к своему хозяину. Хвост твари ослаб, и хрупкое тело Элен, словно пушинка, полетело на кафедру.

Пати в слезах вскочила на ноги, зашипев от резкой боли в

запястье. Адреналин пульсировал в её мышцах, и она словно забыла о том, что всего минуту назад пальцы на ладони фактически атрофировались от недостатка крови. Девушка едва успела протянуть руки, как Элен приземлилась ей на запястья. Мышцы на шее Пати выступили вперед, когда она крепко прижала тело битвина к себе. Рука пульсировала так, что перед глазами девушки мелькали красные и синие огни. Она бешено хлопала крыльями, направляясь в сторону остальных.

Аман схватил рожок белого седла и точным движением перебросил лезвие через шею чудовища. С силой опустив поводья на обожженную кожу окулиса, он заставил того рычать и рвануть вперед.

— Идиотка! — закричал он. — Ты уничтожила портал! Портал!

Чудовище быстро начало двигаться в сторону убегающих битвинов. И если Рик, перехвативший Элен из рук Патриции, несся вперед изо всех сил, то Альберт едва успевал за подростками. Он тяжело дышал, жадно хватая воздух вокруг себя. Его ладонь, сжимающая рукоять трости, вспотела и грозила выпустить опору из хватки. Профессор едва успел завернуть за угол и побежать за остальными к открытому загону, когда позади битвинов послышалось рычание нулламанусов.

— Догонят, — с ужасом прошептала Пати, скользя когтями по белому кафелю.

Рик спиной влетел в железные двери, распахнув их с неестественно громким звуком. Когда нулламанус, заметивший их, рванул в сторону парня, юноша резко подался вперёд и точным ударом хвоста развернул голову чудовища на сто восемьдесят градусов. Тварь с хрустом налетела через перила, пока Рик бежал к лестнице вниз.

Чудовища рычали и шипели, направляясь вслед за группой битвинов. Часть нулламанусов со всех ног летела со стороны улиц, услышав зов своего хозяина. Их языки, окровавленные после схваток друг с другом, смотрели прямо на подростков и профессора. Напоминая скорее мелких динозавров, нежели кого-то другого, чудовища перескакивали через ямы и стремительно бежали к загону, толкая друг друга в разные стороны. Перед ними была одна цель: уничтожить битвинов. А какой ценой - для существ это было вторично.

Рик выскочил из лаборатории, почувствовав шевеление Элен. Она тихо всхлипнула и затряслась в его руках. Девочка едва смогла распахнуть опухшие веки, когда увидела перед собой потное лицо юноши:

— Рики... — прошептала она, и на последнем звуке её голос сорвался. Она разрыдалась, прижимаясь к парню со всей силы, словно боялась, что он вновь исчезнет, оставив ее одну.

Рик сглотнул, впиваясь в бедро и плечо девочки и оставляя на её коже круглые синяки:

— Тише... Тише... — повторял Рик, стараясь говорить

тихо, но его легкие горели от долгого бега, и голос парня медленно превратился в хрип. — Ты в безопасности, Элен. Всё хорошо... — но даже самый глупый человек в мире мог сразу разгадать неприкрытую ложь Рика.

Нулламанусы уверенно приближались к ним со всех сторон, выпрыгивая из-за ближайших идентичных домиков. Рычание ни на секунду не прекращалось, а шипение и визги давили на череп битвинов, заставляя их морщиться от боли в ушах.

Ева видела открытые ворота загона, сквозь которые виднелась центральная улица стороны Амафея. Она ускорила, пытаясь успеть за бегущими впереди Патрицией и Риком. Дедушка изо всех сил старался не отставать от подростков, но силы медленно покидали старческое тело. Его дыхание, напоминающее сильнейший приступ у астматика, навсегда останется в воспоминаниях девочки (она была в этом точно уверена). Старик едва успевал глотать воздух, пока его лицо синело от напряжения.

Прислушиваясь к дыханию Альберта, Ева не сразу заметила, как резко остановилась Патриция. Девочка едва не влетела в её спину, и уже готова была накричать и заставить её бежать вновь, когда заметила, как блондинка не моргая смотрит перед собой. Ева проследила за взглядом Пати, и вся краска сошла с её веснушчатых щек.

Крайняя улица представляла собой огромную, бесконечную стену из иссиня-черного тумана. Дымка была слишком

плотной, и разглядеть то, что находилось за ней, было невозможно. Она начиналась откуда-то из недр, поднимаясь высоко в небо.

— Что это такое? — шепотом спросил Рик.

— Это же та улица, на которой был первый пруд, — повторила его интонацию Ева.

Рычание окулиса заставило их вскрикнуть. Чудовище быстро приближалось к подросткам, перепрыгивая с балки на балку на подвесных мостах. С каждым прыжком болты всё громче и громче скрежетали под весом чудовища, пока змееподобное тело пробиралось к лестнице.

Патриция схватила Еву за руку и потащила вперед:

— Бежим! На центральную!

Альберт судорожно водил рукой по груди, пытаясь нащупать колбу с жидкостью со своей стороны. Почувствовав стеклянную упаковку в кармане рядом с сердцем, он указал тростью вперед:

— Спрячемся в дальних домиках и я открою портал на свою сторону. Мы не готовы сейчас к открытому противостоянию.

Нулламанусы сбивали друг друга с ног, пытаясь догнать подростков на ограниченном участке. Ева осмелилась взглянуть через плечо, когда одно из чудовищ толкнуло второе рядом с черной дымкой. Тварь оступилась и попала прямоком в непроглядный туман. Рычание нулламануса исчезло моментально, когда тело провалилось в черноту. Ева вздрог-

нула и вновь повернулась к остальным:

— Туман смертелен, — крикнула она.

— Что!?! — с недоверием повернулась к ней Патриция, перепрыгивая ямы.

— Не трогайте туман! Он смертелен! — вновь крикнула рыжеволосая девочка и схватила Альберта за руку, стараясь тянуть дедушку за собой.

— Я больше не могу, — прохрипел Рик, крепче прижимая Элен к своей груди. — Я слишком... устал...

Пати мельком бросила на него взгляд и едва не споткнулась о собственную лапу:

— Ещё немного, Рик! Совсем чуть-чуть!

Конец дороги был слишком близко. Альберт остановился напротив последнего домика и судорожно начал доставать флакон с водой. В свете зарождающейся луны, хрустальные грани колбы блестели белым свечением, завораживая и притягивая к себе внимание.

Нулламанусы быстро сокращали расстояние между собой и незваными гостями. Ева отчетливо могла слышать шипение их языков и визги бестолковых чудовищ. Дедушка быстро открыл затычку и собирался поставить склянку на землю, когда до ушей девушки донесся громкий резкий выстрел.

Альберт молча открывал и закрывал рот, глядя на небольшое мокрое пятно под своей ладонью, испещренное осколками хрусталя. Он в ужасе поднял глаза по траектории выстрела и едва устоял на ногах, заметив высокую стройную

фигуру с пышными кудрявыми волосами.

Герти грациозно съехала с крыши ближайшего домика и приземлилась на землю, слегка пригнувшись. Она медленно выпрямилась, ступая по гравийной дорожке напротив открытой калитки в сад. Её бедра двигались в такт шагам, пока она смотрела своими пронзительными голубыми глазами в точно такие же зрачки отца. Брюки женщины были порваны в нескольких местах, а бледная помада заметно размазалась по щеке. Герти крепко сжимала небольшой пистолет в руке, держа палец на спусковом крючке.

Руки Альберта обессилено опустились по швам, пока он впитывал каждое движение дочери. Казалось, профессор забыл, как моргать, боясь поверить в то, что Герти реальная. Но звук её шагов доносился до ушей битвинов так же четко, как и рычание окулиса. Нулламанусы замерли в нескольких метрах от подростков, пока Аман быстро спрыгивал с существа. Его лезвия оставили в асфальте две щели, когда он с ухмылкой прошел к Герти.

Фейрстоун молча поднял руку, и женщина, словно по команде, почти подбежала к нему. Амафей положил ладонь на её талию и слегка притянул к себе, не сводя глаз с Альберта. Профессор сделал глубокий прерывистый вдох, и по его морщинистым щекам, покрытым пигментными пятнами, струями покатились слёзы. Он отрицательно качал головой, пытаясь прогнать образ дочери из своего разума:

— Нет... — сквозь всхлип проговорил он. — Нет... Ты не

могла... ты...

Герти сжала зубы друг с другом и крепче прижалась к Аману. Медленно женщина перевела взгляд на Еву, вновь осмотрев девочку с ног до головы. Амафей хмыкнул:

— В чём проблема, Альберт? — процедил он. — Неужели ты думал, что я оставляю такое сокровище в том мире, а?

Профессор скривил лицо, и его ноги подогнулись, предав своего хозяина. Она грузно приземлился на колени, всё ещё глядя на лицо Герти. Женщина сощурилась и слегка приоткрыла губы, будто собиралась что-то произнести. Аман, заметив это боковым зрением, оттянул Герти за свою спину и кивнул в сторону битвинов.

Чудовища вновь двинулись на подростков, перепрыгивая оставшиеся ямы и трещины. Патриция в ужасе крикнула и подскочила к профессору:

— Альберт! Открой портал! Быстрее! — почти кричала блондинка в лицо старика. — Я молю тебя, Альберт!

Он её не слышал. Его глаза были прикованы к кудрявым рыжим волосам за спиной Амафея. Герти отвернулась, уставившись на затхлый домик, игнорируя присутствие отца и дочери. Её миссия была выполнена. Как и приказывал Аман, она не дала ему сбежать.

Патриция грубо трясла профессора за плечи, моля его открыть чёртов портал. Она переводила взгляд с приближающихся чудовищ на бледное лицо Альберта, сжимая его кожу почти до боли:

— Альберт! АЛЬБЕРТ!

Старик едва мог дышать. Он сделал резкий вдох и прошептал:

— Как ты могла...

Ева бешено метала взгляд между битвинами и дедушкой, стараясь не смотреть в сторону матери. Ещё несколько метров, и языки чудовищ пронзят их худощавые тела, заставив сердце навсегда затихнуть. Нет! Должен же быть выход! Должен...

Она перевела глаза на отражение луны, мерцавшей в легкой, незаметной ряби треугольного пруда. Вода словно насмеялась над ними. Ветра почти не было, поэтому поверхность едва ли могла шевелиться. Бросив последний взгляд на напуганных подростков, Ева подняла руки перед собой и выдохнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.